

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№1(47) 2023

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
«Везде любили, уважали его честность
и ум...»4

Василий ПОЛЯКОВ
Лирический тенор Сергей Яковлевич
Лемешев.....54

Николай БАШМАКОВ
Ополченцы сорок первого.....117

Александр НЕФЕДОВ
С именем добрым.....156

ПОЭЗИЯ

Антонина БЕЛОВА
Из цикла «Поэты»10

Пётр ГУЛДЕДАВА
Слова пером перебирая.....16

Марина НОВИКОВА
Листает время календарь.....30

Марина ЗАЙЦЕВА (ГОЛЬБЕРГ)
Мир вашему дому!47

Виктор КАШКИН
Покуда помним про молитвы.....59

Дмитрий МИЛОВ
Пропать стократной памяти71

Валерий БОКАРЁВ
Всё исполнится!.....87

Светлана КРАВЦОВА-РЫСЕВА
«Ходит по кругу жизнь...».....112

Василий ЛОВЧИКОВ
Зимние пейзажи121

Сергей ГАЗИН
Мене, мене, текел, упарсин.....130

Элла КУЗНЕЦОВА
На солнечной волне.....147

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(47) 2023
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 30.05.23.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ J-1191

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

<i>Инна МУХИНА</i> Колокольные звоны	152
<i>Тамара ПОТЁМКИНА</i> Ваш подвиг не забудем никогда!	165
<i>Евгений ХАВАНОВ</i> Да будет наше перо.....	172

ПРОЗА

<i>Екатерина ГЛУШИК</i> Неудачный опыт планирования семьи.....	19
<i>Галина БУРДЕНКО</i> Рассказы.....	92
<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Коробка с пуговицами.....	124
<i>Сергей КАЛАБУХИН</i> Рассказы	132
<i>Инесса ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА</i> Два рассказа	149
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Два рассказа.....	168
<i>Матвей ТУКАЛЕВСКИЙ</i> «Полицай»	174

ДРАМА

<i>Евгений АНТОНОВ</i> Вниз по течению. Одноактная пьеса.....	34
--	----

ПАМЯТЬ

<i>Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ</i> Свидание с Александром Вампиловым.....	63
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Светлана ВОЛОШИНА-АНДРИЙЧУК</i> Джу и «Ромео» (О пьесе Юрия Богданова «Джульетта»)	73
---	----

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Сегодня все здоровые национальные силы, независимо от мировоззренческих различий, озабочены прежде всего необходимостью полной и безоговорочной победы. Нацистское украинское государство своим существованием оскорбляет традиционное русское самосознание, ставит под сомнение жизнеспособность Русского мира. На совести укронацистских главарей – не только кровавые злодеяния в отношении великорусского народа, но и духовное растрепывание украинского народа, превращение его в тупиковую ветвь славянства, лишённую истории, культуры, национального достоинства и бытийного смысла. Перечеркнув историю триединого братства русских, украинцев и белорусов, освящённого в XX веке совместным строительством Советского государства и победой над немецко-фашистским агрессором, современная Украина выбрала путь в небытие и сегодня мучительно агонизирует, распространяя вокруг себя безумие и смерть. Долг и миссия России – любой ценой остановить это зло. Остановить, невзирая на внутренние противоречия, обусловленные усиливающимся социальным неравенством и отсутствием внятной государственной идеологии. Остановить, вопреки усталости народа от многолетнего безнаказанного глумления либеральной «элиты». Остановить, чтобы с этой точки начать движение к воссозданию Русского мира, и далее – к восстановлению великого многонационального государства, основанного на высоких принципах братства и труда.

Героика действительности находит своё отражение в творчестве поэтов и прозаиков, и это не может не радовать. Следует только напомнить о необходимости соответствовать высокой планке творческого мастерства, завещанной нам нашими великими литературными предшественниками. Художественное слово должно быть живым, только тогда оно будет действенным.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2023

© Авторы, 2023

«Везде любили, уважали его честность и ум...»

Штрихи к портрету Николая Кетчера

В памяти современников Николай Христофорович Кетчер запечатлён как человек неутомный, крикливый и пьющий. «Я как теперь вижу его перед собою, с бутылкою шампанского в руке наливающего мне стакан с диким хохотом и кричащего: “Ну, пей же, братец, пей!”» – так написал о Кетчере в своих воспоминаниях известный литератор И.И. Панаев.

Солидарна с Панаевым и его жена А.Я. Панаева, тоже литератор:

«Когда собирались вместе общие знакомые, то Кетчер на этих вечерах сам себе избирал должность разливателя шампанского, без которого он не мог обойтись. Чуть сходилось несколько человек, он овладевал бутылкой и с наслаждением разливал вино и наблюдал, чтобы его пили. Только что мы переступили порог, как Кетчер уже встретил нас с бокалами вина, крича: “Берите и пейте, успеете проделать китайские церемонии!”».

Однако след в отечественной истории Кетчер всё же оставил не как разливатель шампанского, а как переводчик произведений Шекспира, Гофмана, Шиллера... В XIX веке никто лучше его так и не смог переложить на русский лад великие творения классиков английской и германской литературы. Внёс Кетчер свой вклад и в подготовку первого собрания сочинений корифея русской критики В.Г. Белинского. Имеются у него и определённые заслуги перед медициной.

...Николай Христофорович Кетчер родился в 1809 году в Москве. Его отец, швед по происхождению, был директором завода по изготовлению хирургических инструментов. Мать была русской, на ней лежали заботы по воспитанию детей. Первое своё образование мальчик получил в пансионе, где глубоко приобщился к английскому языку.

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общеобразовательное училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

А затем, следуя совету отца, поступил в Медико-хирургическую академию. В отличие от других учебных заведений, в академии доминировал иностранный дух. «Ни слова русского, ни русского лица», – так тогда говорили об академии. Большинство преподавателей были немцы. Исключением являлся, как писал А.И. Герцен, лишь доктор И.Е. Дядьковский. Кетчер уважал его. К слову сказать, Дядьковский впоследствии станет лечащим врачом двух Николаев – Станкевича и Гоголя.

В 1828 году Кетчер окончил академию и стал трудиться уездным врачом. Мечтатель, романтик, он уже тогда стал искать для себя иное призвание. В том же 1828 году Кетчер сделал перевод драмы Шиллера «Разбойники». Переведённая им пьеса была доброжелательно встречена русской читающей публикой. Затем последовали его новые переводы западно-европейских авторов.

В начале 30-х годов Кетчер сближается с кружком А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. В этом кружке, состоявшем тогда из десятка студентов, Кетчер находит единомышленников, хотя они по возрасту были много моложе его. Для них он становится и своего рода домашним доктором. Если кто-то из членов кружка вдруг заболел, то Кетчер, по свидетельству современника, «являлся сестрой милосердия и не оставлял больного, пока тот не оправлялся».

Споры, беседы, которые велись в кружке Герцена и Огарёва, носили в основном политический характер. Участники кружка верили в будущий счастливый восход солнца над Россией. Задуманный Герценом и Огарёвым собственный энциклопедический журнал вызвал подозрение у властей. По этой причине Кетчер тоже попал в поле зрения агентов А.Х. Бенкендорфа. Жандармский генерал С.И. Лесовский, к которому его доставили, призвал молодого человека помнить о своём звании штаб-лекаря, а не лезть в политику. Похоже, это возымело действие на Кетчера. Вскоре он отошёл от вольнолюбивых идей Герцена и Огарёва. Однако в 1835 году примкнул к другому московскому литературно-философскому кружку, который возглавлял недавний выпускник Московского университета Николай Владимирович Станкевич.

На вечерних сходбищах у Станкевича собиралось много народа, съедалось несметное количество калачей и выпивалось несколько самоваров чая. Здесь, в густом дыму от пыхтящих трубок, юноши толковали о философии, театре, литературе... Поначалу Кетчер присматривался к новым знакомым, а потом стал полноправным членом кружка, снискав репутацию прямого, честного человека, готового ради своих друзей идти хоть на плаху.

Представим читателю его портрет того периода, написанный уже упомянутым нами Панаевым:

Николай Христофорович Кетчер

«Наружность Кетчера не имела большой привлекательности; но простота его манер, доходящая до грубости, бесцеремонность обращения со всеми, впадающая в некоторый цинизм, резкая, непрошенная правда, которую он бросает в лицо и другу и недругу, крикливый голос, заглушающий все голоса, руки вечно движущиеся и рассекающие воздух, как крылья ветряной мельницы, добродушный, но оглушающий хохот на каждом шагу, вырывающийся из огромного рта, – всё это вместе, может быть, неприятно действует на людей нервических, но как-то располагает к нему невольно и внушает доверенность. Приятели, подшучивая над ним, уверяли, что он только в месяц раз умывается и не имеет в заводе ни гребня, ни щётки, потому что никогда не чешет головы. Впрочем, гребень и не нужен ему, потому что волосы его, всегда подстриженные коротко, образуют на его голове щетинистую шапку».

Как видим, характер у Кетчера был не подарок. Не все окружающие легко уживались с этим человеком. Но В.Г. Белинский его любил, хотя называл его «несносным крикуном» и что тот «тяжело действует на его нервы». Случалось, что, резко поспорив по какому-нибудь вопросу, они потом могли целый месяц между собой не разговаривать. Возобновление их отношений напоминало примирение Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича из известного рассказа Гоголя.

Что касается отношений Кетчера с главой кружка Станкевичем, то между ними никаких разногласий не возникало. Кетчер очень уважительно относился к лидеру кружка, считая его своим учителем. В обширной переписке Станкевича имя Кетчера упоминается нечасто. В то же время Николай Владимирович всегда справлялся о его житье-бытье, интересовался, чем тот занимается.

А дел в тот период у Кетчера было с избытком. Не оставляя врачебной практики, он серьёзно засел за переводы произведений зарубежных авторов. Вот лишь некоторые его переводы драм, пьес, романов, вышедшие отдельными изданиями: Ф. Шиллер «Заговор Фиеско» (1830 г.); К. Кернер «Црини» (1832 г.); Э. Гофман «Житейские воззрения кота Мурра» (1840 г.); Ф. Купер «Путеводитель по пустыне» (1841 г.)...

Кроме того, значительная часть его переводов была напечатана в журналах «Современник», «Московский наблюдатель», «Отечественные записки», других изданиях. Примечательно, что знаменитое «Философическое письмо» Петра Чаадаева, опубликованное в 1836 году в журнале «Телескоп», перевёл с французского именно Кетчер. Публикация вызвала громкий скандал. Тогдашний министр народного просвещения С.С. Уваров назвал её «дерзкой бессмыслицей» и потребовал запретить опубликовавший письмо журнал. Сам Чаадаев был объявлен по указу царя Николая I сумасшедшим, а редактора «Телескопа» Н.И. Надеждина отправили в ссылку. К счастью, переводчика миновала участь наказания.

Безусловно, делом всей жизни для Кетчера стали переводы произведений Шекспира. На его письменном столе всегда лежали томики великого английского поэта и драматурга, как на немецком языке, так и в оригинале. Он мог часами сидеть, погрузившись в чтение. Переводчик боялся пропустить хоть одно слово. Но правда и то, что переводы Кетчера, отличавшиеся стремлением к точности, не всегда соответствовали представлениям о благозвучности и поэтичности. В связи с этим в литературных кругах стала гулять едкая эпиграмма:

Вот и он, любитель пира
И знаток шампанских вин, –
Перепёр он нам Шекспира
На язык родных осин.

Было ли обидно Кетчеру? Наверное, да. Но лучшим ответом завистникам были два полных собрания переведённых драм Шекспира: первое в 1841–1855 гг. и второе – в 1862–1879 гг. Именно благодаря Кетчеру русский читатель смог прочитать «Ромео и Джульетту», «Короля Лира», «Укрощение строптивой», «Виндзорских проказниц», «Гамлета, принца датского» и ещё много других произведений.

«Прекрасное предприятие г. Кетчера – доставить своим соотечественникам возможность прочесть всего Шекспира в верном прозаическом переводе», – такую высокую оценку труду Кетчера дал В.Г. Белинский. И по заслугам.

Вот ещё одно авторитетное мнение, оно принадлежит Н.А. Некрасову. В своей статье «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка человеческого рода» он, анализируя московские издания, написал о Кетчере следующее: «Из всех изданий, выходящих отрывочно, на одно только можно указать как на достойное внимания и поощрения: мы разумеем добросовестный перевод Шекспира, предпринятый г. Кетчером в 1841 году... Всё остальное, что мы разумеем под именем отрывочных изданий, состоит из картинок, более или менее удачных, и текста, насильно навязываемого сочинителями публике при картинках, – такого текста, которого без картинок публика бы не только не купила бы, но даже не взяла бы, если б сочинители сами платили ей за это...».

Занимался Кетчер и редакторской деятельностью. К примеру, в течение нескольких лет он был редактором «Журнала Министерства Внутренних Дел». И почти пять лет редактировал журнал «Магазин земледелия».

Довелось нашему герою походить и в чиновничьем мундире. В 1843–1845 годах Кетчер жил в Петербурге, где служил в Медицинском департаменте.

– Где, в каких краях, – удивлялся Герцен, – под каким градусом широты, долготы возможна угловатая, шероховатая, взбалмошная, безалаберная, добрая, шумная, неукладистая фигура Кетчера, кроме Москвы?

Находясь в столице, Кетчер перевёл с немецкого так не хватавшую русским врачам четырёхтомную «Частную патологию и частную терапию» Карла Георга Неймана. Сегодня это издание является библиографической редкостью. Но медики нередко обращаются к этому солидному труду, где на титульном листе засвидетельствовано, что перевод осуществил «штаб-лекарь Н.Х. Кетчер».

За время своего пребывания в Петербурге Кетчер пришёл к следующему выводу: вся работа петербургского человека заключается в том, чтоб прослыть умным человеком, причём всяческие воззрения, убеждения, тенденции считаются у него различными видами дурачества, мешающими устройству карьеры, а затем уже, прослыть умным человеком, петербуржец спит и видит, как бы продать себя подороже со всем своим багажом.

Возвратившись в Москву, Кетчер некоторое время служил в городском врачебном управлении, а потом стал даже его начальником. Участвовал он и в общественных делах. Когда в 1862 году начала работать Московская городская дума, Кетчер вступил в неё гласным (депутатом – Н.К.), старательно

посещал все заседания, принимал живое участие в рассмотрении вопросов, касающихся жизни москвичей.

Вообще, наш герой до мозга костей был москвичом, очень любил свой город. Когда к нему приезжали друзья, он часто вспоминал старую Москву, ещё не застроенную и не загаженную фабриками, с её громадными садами, с многочисленными прудами, с прелестными прогулками по берегам светлой и чистой Яузы.

Кетчер, при всех своих странностях характера, был очень гостеприимным человеком. «День именин Кетчера, – вспоминала Александра Щепкина, урождённая Станкевич, – считался большим праздником в кружке его друзей и знакомых. В этот день собиралось к нему общество самое разнообразное. Знакомство Кетчера было обширно, и во всех слоях общества. Имя переводчика Шекспира пользовалось популярностью. Кетчера везде любили, уважали его честность и ум, ценили его прямоту, с которой он всех поучал и громил, что смешивалось у него с шутливостью и видимым участием к поучаемым. Его мнения о театральном искусстве очень уважались артистами Малого театра. Всё, что он говорил о характере какой-нибудь роли, о достоинствах пьес, всё слушалось артистами со вниманием, особенно если отзывы эти касались Шекспира. Но все мнения Кетчера были немоллимыми приговорами; возражений он не допускал и останавливал их своим обычным восклицанием: “вздор!” Однако влияние на молодых актёров и актрис действовало воспитательным образом, развивало понятия и вкус; все артисты Малого театра, встречавшие его у М.С. Щепкина, были искренне расположены к нему. Многие из них посещали его всегда в день его именин. Радушный хозяин с утра принимал своих гостей в домашнем костюме – в длинном сером пальто, доходившем до пят, как носили тогда».

Свой век переводчик Шекспира доживал в частном доме на 3-й Мещанской улице. Здесь, с ранней весны его можно было найти утром в большом саду, в рубашке и нижнем платье с грязными руками, копающегося в огороде. Он очень любил выращивать цветы, особенно георгины. А вечером, после трудов земледельческих, Кетчер обычно сидел на балконе, отдыхал, курил трубку и любовался лучами заходящего солнца. Хозяйство вела его жена Се-рафима, женщина простая, но которая горячо любила своего мужа.

Иногда Кетчер выбирался в свет, посещал театр. Он, как и раньше, не отказывал себе опорожнить один-другой бокал шампанского, хотя без прежнего удовольствия. Давали о себе знать и болезни, сильно одолевала одышка. Все, кто навещал Кетчера в то время, обычно видели его спокойно сидящим в большом вольтеровском кресле, которое когда-то принадлежало его близкому другу профессору Московского университета Т.Н. Грановскому.

За несколько дней до смерти Кетчера навещил один из его друзей, известный юрист, историк Б.Н. Чичерин. Он застал своего наперсника в том же вольтеровском кресле, но тот уже с трудом мог передвигаться.

– Плохо, – только и сказал беззвучным голосом Кетчер.

На следующий день Чичерин навещил больного вместе с А.В. Станкевичем, младшим братом Николая Станкевича. Они провели с ним несколько часов. Кетчер повеселел, пытался шутить. Друзья собирались заглянуть к нему и вечером, но когда приехали, то нашли ещё тёплое, но уже бездыханное тело. Кетчер перешёл из своего кресла на постель и там тихо скончался. Похоронили его прохладным октябрьским днём 1886 года на Пятницком кладбище, рядом с Грановским.

Журнал «Русская мысль» поместил об усопшем следующий некролог: «12 октября скончался Николай Христофорович Кетчер, принадлежавший к знаменитому кружку сороковых годов, в который входили Грановский, Герцен, Станкевич, Белинский и другие знаменитые учёные, писатели и общественные деятели. Кетчер умер в преклонном возрасте. Он давно уже устранился от участия в публичных вопросах и в литературе, приобретя себе почётную известность как переводчик Шекспира. С его кончиной угасает живое предание о лучших людях сороковых годов, имевших такое благотворное влияние на развитие гуманных воззрений в русском обществе».

И не согласиться с этим нельзя.

ПОЭЗИЯ

Антонина БЕЛОВА

Антонина Васильевна Белова – поэт, филолог-русист. Стихи пишет с детства, призёр и лауреат многих поэтических турниров и фестивалей, как в России, так и за рубежом. Автор девяти поэтических книг. Творчество сочетает с научно-педагогической деятельностью – кандидат филологических наук, доцент, автор многих научных статей по стилистике и поэтике. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Из цикла «Поэты»

Памяти А. Пушкина

Две ночи тосковал ты на земле,
Уже ничей – не муж и не заложник
Страстей земных. Твой царственный треножник
Покоился в холодной зимней мгле...

А тонкая ранимая душа,
Земле оставив раненое тело,
К Отцу в обитель горную летела,
Невидимыми крыльями шурша.

Не знаю я, каков был Божий суд,
Но верю я, что ты оправдан кровью,
Ты искупил свою вину любовью.

Душа жива – божественный сосуд,
Страдания любви её спасут,
И места не останется злословью...

Памяти Ф. Тютчева

*Блажени милостивии:
яко тии помиловани будут.¹*
Мф 5:7

Евангельские тихие слова,
Начертанные на могильных плитах,
Веков не уязвила тетива –
Они нетленны средь могил забытых.

¹ Слова на надгробной плите поэта.

На сером мраморе в веках цветут
Духовными бессмертными цветами
И освящают тайной жизни труд –
Души, сокрытой небесами...
О, эта вещая душа легко
Оставила юдольный мир живущим,
Но сила смысла слова твоего,
Поэт, осталась ниву жнущим...
У этих слов таинственная суть,
Она не просто так явилась.
Пусть озаряет твой небесный путь
Любви божественная милость.

Памяти Н. Гумилёва

1.

*Я угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле...*

Н. Гумилёв

Не конквистадор в панцире железном –
Поэт и воин страшного столетья,
Угрюмый зодчий злого лихолетья,
Ты был убит безбожным злом России.
И только слово – суций вечный пламень
Из смысла сердца, из души поэта –
Прошло сквозь время, и мы видим это,
Оно над всем – над болью, кровью, смертью.
Пусть тело мёртво – кровь питает землю,
Она пребудет до скончанья века.
Смерть лишь преображенье человека, –
Душа не знает тления и смерти.

2.

*Не смирну, не бдолах, не кость слоновью –
Я приношу зовущему пророку
Багряный сок из виноградин сердца.*

Н. Гумилёв

Не просто слово, а залог любви
Был Богом дан, и смело взяв свой жребий,
Ты оказался в сгустке тех трагедий,
Где вкус у слова жертвенной крови.
И в главный день, в час своего суда,
Не внемля демонов злословью,
Ты оправдался муками и кровью –
Её омыла райская вода...

3.

Ты наполняешь душу светом,
Убогий склеп моей души.
И я плачу тебе обетом
В рассветной утренней тиши.
Быть может, в звуках литургии
Небесной, недоступной нам,
Сокрыты таинства благие
И лучезарный дышит храм.
И я молюсь, как жалкий нищий,
Пусть это знаменье моё
Ответ молитвенный отыщет
В ответ на Божье бытие.

Памяти В. Ходасевича

Ты словно нить, связующая прочно
С державинской библейскую строку,
Ты Пушкина знал въявь, а не заочно,
Поэзии великую реку
Ты переплыл не вплавь, не по теченью –
Ты задыхался посуху без сил,
Хоть не был изгнан в ад невозвращения,
А сам ушёл как горький блудный сын...
Но путь твой был путём зерна, не плевел,
Ты слову там по-рыцарски служил,
Как будто сам Державин тайно вверил
Тебе свой посох и величье крыл.
И время беспощадное щадило,
И ты вернулся строчками сюда.
Неведомая, неземная сила
Питала слово твоего труда...
Прости, прости, что я не отыскала
Твой тихий холм среди булонских роц.
И лишь звезда далёкая мерцала,
И до земли её летела мощь.

Памяти А. Ахматовой

Плита холодная. Как птица – черный крест...
К плите прижались листьев сны слепые.
Огни свечей, беззвучно-золотые,
Молитву тайную творят лесам окрест.

Спит робко тишина, но жизнь листают дни,
Не сдержит их ни счастье и ни горе!
Лукавы дни – с душою в вечном споре –
Не избежать им смерти чёрной западни...

Пусть под плитой твоею спит тишайший прах,
Пусть время нижет день за днём бесammenно,
Душа бессмертная насытится безмерно, –
Высокая душа, земной оставив страх.

Пусть всё преждёт, всё – тлен, но Слово не сторит,
И быть ему, как купине, нетленным,
Свободным, тайным, боговдохновенным
Вовек, как древний псалмопевец говорит...

Памяти О. Мандельштама

Где обрывается Россия,
Судьба твоя оборвалась.
Но не над Чёрным морем синим,
Где Крым томится и Кавказ,

А на мучительном Востоке –
Царей возвышенной мечте,
Где солнце щурится в истоке,
Лучась к полднейной высоте.

Голодным волком вдоль Сибири
Кровавый век тебя прогнал,
Где муку пил ты в изобилье,
Где восходил девятый вал

Твоей судьбы, скупой и щедрой,
На гребень вынесшей тебя
Народной боли. Кровной жертвой
Ты пал, безумец и дитя.

А лагерь был подобьем ада,
И было прозвищем «поэт».
И было так немного надо
Душе живой – живой привет.

Погиб, как мученик. В телегу
Тифозную свалив к другим,
Тебя везли к тому Ковчегу,
Где каждый предстаёт нагим.

Ты всё стерпел, и Сам Всевышний
Тебя воззвал на Высший Суд,
Где все равны: и царь, и нищий,
И где уста души не лгут.

Певец изысканный, чья лира
На берегах кастальских вод
Не смолкнет вечность, чья порфира
Нетленна, как небесный свод.

Памяти М. Цветаевой

Сегодня день¹ особой глубины,
Успенье длится, синь небес вбирая,
И верится, разверсты двери рая
И нет пред Господом твоей вины.

Сегодня в храме солнце от свечей,
Над пенопением реет «Аллилуйя!»
Душа вослед надеется, ликуя,
Светясь в объятых песенных лучей.

Сегодня здесь, где ты была не раз,
Последний август истомлён разлукой.
Но дар любви – один всему порукой,
Он отзвук в сердце – чистый Неба глас.

Сегодня в Нём особенная высь –
Оно звучит торжественно и строго...
Туда, туда, в исток, в обитель Бога
Голубкой чистой тихо вознесись!

Что птице певчей узы бытия?
Земным страстям – земные пересуды.
Пустые их перевозмогая груды,
Пусть льётся в вечность света лития!

¹ В этот день, 31 августа 1991 года, по благословению патриарха Алексия II была совершена первая панихида по Марине Цветаевой в храме Большого Вознесения у Никитских ворот спустя полвека после её гибели. На панихиде присутствовала сестра поэта А.И. Цветаева.

То был последний август на дворе.
Полвека мукам минуло небесным...
И вот звучит в московском алтаре
У врат Никитских днём воскресным
Та панихида... Долго же ждала,
В греховных стружьях болью изнывая
Под непомерно тяжкой ношей зла,
Душа твоя – смятенная, живая...

Сюда сошлась престольная Москва
Из переулков близких, с улиц дальних,
И васильков синели кружева,
И свет сиял в словах исповедальных.
Всем миром панихида вознеслась –
И вот душа от бремени свободна!
Лети, душа, ты милостью спаслась –
Любовь и милость Господу угодны.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

*Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.*

Слова пером перебирая...

Полёт...

Когда тоску-печаль лечу,
А ум признаниям не верит,
Я ветром памяти лечу
На лучезарный южный берег.

И там, где как усталый зверь
Ночную влагой дышит море,
Когда уймётся боль потерь
И схлынет жар былого горя,

Где волны плещут не спеша,
Успокоительно для слуха,
Испепелённая душа
Воспрянет в небо птицей Духа.

Я расстанусь с заплаканной нянькой,
Заменившей мне кровную мать,
И пойду по Вселенной с шарманкой
Перед ближними «шапку ломать».

Распевая нехитрые песни,
По усталой земле поброжу
И откроюсь, что сам я не местный,
Собутыльнику, брату-бомжу.

Я здесь гость, может быть и незваный.
И возможно, пришёл на беду,
Но к неведомой цели желанной,
Как в бреду, спотыкаясь, бреду.

И шарманка заплачет над полем,
И с шарманкой заплачу я сам;
И Земля моя – шариком полым,
Отпружинит меня к небесам.

Сон

Я видел сон: иду пустыней,
Палимый зноем и тоской,
И с каждым днём невыносимей
Жара, крадущая покой.

Я ведал, грешник и распутник,
Какая ждёт меня гроза,
Но надо мной склонился Спутник
И заглянул в мои глаза.

Сияла Ангелов армада:
Кто был с мечом, а кто с трубой.
И молвил Он: «Утешься, чадо!
Не бойся – Я всегда с тобой.

И сколь бы грозы ни гремели,
Вкуси сполна земную соль,
А покаянье перемелет
Грехов пронзающую боль!»

Триста дней опустилось за плечи,
С каждым днём всё грустней вечера.
Мне сказали, что время залечит,
Но, как видно, ещё не пора.

Триста дней отрываю листочки,
Календарь на столе теребя.
Триста ночек – от точки до точки,
Триста дней и ночей без тебя.

Триста дней, как не вижу свеченья
Из-под выгнутой тонких бровей,
И теперь не имеет значенья,
Кто прямей был из нас, кто правей.

Я не стал тебе преданным мужем,
Продолжая жалеть и любить,
Но поверил, что больше не нужен
Ни тебе, ни себе, может быть.

Триста дней от меня ты далече,
С каждым днём холодней вечера,
Только мне не становится легче,
А болит, будто ранен вчера.

Мне всё запомнилось, поскольку
Была за окнами война:
Разбил я банку, и осколки
Покрылись россыпью пшена.
Во рту – ни маковой росинки;
И мама – кончиком пера –
Пшено при свете керосинки
Перебирала до утра.
С тех пор душою обмираю,
Когда скупую жатву жну,
Слова пером перебирая –
Строку к строке, зерно к зерну.

Я не люблю, когда поэт «вещает»,
Не вынося малейшего протеста,
И видимость прозренья обещает
В тумане размалёванного текста.

Под бархатом словесных полумасок
Не разглядеть духовной ипостаси,
И холостое нагнетанье красок
Художника не в силах приукрасить.

Свои цвета в палитре жизни ищем,
Впадая в озарения и в бред,
И думаем, что это мы их пишем,
Когда стихи рисуют наш портрет.

Неудачный опыт планирования семьи

Он позвал её на работу, когда увидел, как она украсила новогоднюю ёлку, «собрала», как сама выразилась. А замуж позвал, когда она отказалась от его предложения о работе.

У Виктора был «план на жизнь» – чёткий, продуманный: до 40 лет погуляет, потом женится. В сорок едва ли уже его будет тянуть в клубы, менять подружек, как сейчас. Кризис среднего возраста он обхитрит: ведь к тому времени вполне состоится в жизни, и будет что вспомнить, будет на что жить хорошо во всех смыслах: безбедно, интересно. Он знал, что интересно и безбедно он сможет себе позволить пожить. Не надеялся на это, а точно знал.

На путь истинный в своё время его в институте наставил научный руководитель. Сказал, что будущее – за электроникой и биотехнологиями. На них и надо делать ставку. Не гнаться за сиюминутной удачей, выгодой, а играть в долгую.

Однокурсники кинулись челночить, кто-то даже бандитствовал, а Виктора преподаватель так горячо, вдохновенно обращал в веру официального перспективного предпринимательства и научной работы, что тот чувствовал себя обязанным заниматься именно этими направлениями. Уж очень много внимания ему Эдуард Тимофеевич уделял, и было бы свинством это внимание не оправдать.

И, как оказалось, лучше всех устроился. В конечном итоге. Да, завидовал приятелям, сравнивал – не в свою пользу, пока учился, второе образование получал. Что говорить? Даже родители пеняли, мол, смотри, друзья-то... Чего ты преподавателя слушаешь, а не мать-отца? Неужели он тебе больше добра желает, чем мы? Наука сейчас никому ничего хорошего не даёт – ни денег, ни положения, ни уважения. Будешь нищим, как вон преподаватели стали – голь перекатная.

И действительно, челночившие приятели хорошо устроились: тот квартиру купил, тот дачу

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

отгрохал. На Витюху иронично посматривали. Серёга предлагал на пару тюки из Китая возить, а не забивать голову ерундой. Кому сейчас образованные нужны?

Виктор с Серёгой до сих пор дружит, и благодарен – тот не раз выручал, когда засидевшийся в студентах Витька нуждался, а у родителей просить не хотел – чтобы не слышать упрёки, мол, надо за ум братья и делом заниматься, а не кланчить у родителей. Мама даже сказала, мол, иди, у Эдуарда своего денег попроси, ты же его во всём слушаешь, что тебе родители – не авторитет, только деньги подавай.

А потом – в лучшем случае пару ларьков за собой закрепили эти «успешные предприниматели», и дачи уже содержать не могли – громады требовали вложений.

Сейчас у Виктора Серёга работал вместе с женой и сыном – того стипендиатом от фирмы сделали.

В своё время при помощи Эдуарда Тимофеевича написал пару программ, учредил фирму по продаже и обслуживанию компьютеров, купил акции предприятия по производству биодобавок... И даже входил в число самых успешных предпринимателей региона. Потом его потеснили бывшие чиновники, ставшие бизнесменами, и их дети, подмявшие под себя всё, более-менее приносящее доход. Но с Виктором конкурировать не могли – он знал в своей отрасли всё, имел «чуйку» и был на перспективном месте за день или даже час до того, как оно становилось перспективным.

Он всё делал с умом, выстраивал стратегию – программист, однако.

И его план на жизнь был бизнес-планом: в 40-43 он женится. Жена будет не старше 20 лет, студенткой. Ни в коем случае не селебрити, не наследница капиталов. Он таких девиц наглотался по клубам и тусовкам. Погулять с ними – хорошо. Но жить!!! Не москвичка чтобы. Те сразу наглыми рождаются и уверены, что они – пожизненный дар судьбы любому, родившемуся не в столице.

Студентка – значит умная, можно, чтобы в меру умная. И пока не определившаяся, ещё на работу не поступившая, не привязана пока к работе, коллегам. Виктор её сориентирует. С одной стороны, чтобы была от него зависима, с другой стороны – чтобы имела специальность. Мало ли что... Ребёнок у него будет один. Чтобы не передрались из-за наследства. Примеров таких – ой-ёй!

Плану своему следовал и в бизнесе, и в личной жизни: ни к кому из своих подружек душевно не привязывался, ни в московское своё жильё, ни в родном городе в особняк никого не приводил, «дружил» в съёмных квартирах. Да и долго не общался, чтобы не привыкать так, что и расставаться не хочется. Привычка затягивает, он видел это и по своим друзьям. С возрастом боязнь перемен появляется – те самые старые тапочки, к которым привык.

Нет, у Виктора чёткие установки, он знает, что ему нужно. И пока что все планы осуществляются. Это зависит от человека, конечно, на самотёк и бизнес-то нельзя пускать, а уж личную жизнь...

...Перед Новым годом пришёл к одному из московских приятелей, с которым в турпоходе сошёлся в студенческие годы. Тот завалил экзамены, в армию ушёл, потом уехал в Москву, доучивался заочно. Ну и в итоге не очень мог похвастаться хорошим положением, но остался хорошим парнем, что для Виктора важнее, конечно, чем статус.

Заскочил в его конторку, чтобы передать биодобавки для Фединой матери. Договорились, что потом пообедают, поболтают: сохранилась привычка,

даже, пожалуй, необходимость, встречаться то с тем, то с другим приятелем. Времени на это всё меньше, но Виктор, может, втайне хотел подтверждения, что он сделал в своё время правильный шаг. Самый правильный.

В преддверии Нового года уже спланирована поездка в горы – по снегам гулять. Как-то поехал на лыжах покататься, но упал, вывихнул ногу, просидел весь отпуск на склоне. И Виктору это понравилось! Гулять по морозцу, просто сидеть и смотреть на горы. Он ездил туда зимой и бродил по снегам, кофе пил, дышал. Сначала, как все, ринулся в Альпы всякие. А потом – по России. Тут столько гор и снегов – гуляй-разгуляй. Так что – Кавказ, Алтай зовут!

И вот – эта конторка. Фидель, как друзья звали Федю, повёл Виктора в свой закуток, они проходили мимо помещения, где стояла украшенная ёлка. Виктора поразило идеальное оформление – просто золотое сечение. Ему редко нравились цветочные решения, выбор формы, материала. Если были не по душе оформление ресторана, магазина – он туда не ходил. Бзик какой-то. Категорически не принимал подарки – ему ничего не нравилось: ни галстуки дурацкие, ни рубашки, ни чашки-блюда, какими бы дорогими сервизы ни были. Как люди не видят, что это – некрасиво? Всё в дом покупал только сам, оформление продукции своих предприятий контролировал. И ещё никогда с первого раза не принял ни одно оформление. А тут! Изысканность, простота, нарядность и торжественность. Он подошёл к ёлке, вслух восхитился убранством. «Кто это поработал?» – спросил у Феде. Тот позвал:

– Юля, тебя тут «на бис» вызывают по поводу ёлки.

Откуда-то послышался голос:

– Фёдор Валерьянович, всё-таки, наверное, «браво» кричат? Или вторую надо наряжать, «на бис»-то.

– Не умничай перед колхозником – «браво», «бис» – иди сюда.

В дверях появилась женщина лет тридцати. Приятная. Не красавица, но приятная. Поздоровалась:

– Дизайнера вызывали? Вызов – два апельсина. Предоплата – 100 процентов.

– Не умничай, говорю. Вот другу ёлка понравилась, автора на сцену требует.

– Юлия, как по отчеству? – начал Виктор.

– Для вас просто Юля. Как для Фёдора Валерьяновича. Вы, судя по всему, ровесники, так что, как молодое поколение, разрешаю без отчества.

Дерзкая – в меру. Изощённо отомстила за то, что оторвали от дел.

– Юлия, приглашаю вас к себе на работу. Мне нужен человек с абсолютным вкусом, как у вас.

Она смутилась. Дерзости первоначальной – как ни бывало. Федька глаза вылупил:

– Вот и приглашай друга – лучшие кадры уведёт. Пойдём ко мне, пока ты у нас и без того куцый коллектив не урезал.

И увёл Виктора к себе в кабинетик. Когда пошли, как и договаривались, обедать, Виктор заглянул в комнату, где Юля сидела за компьютером, повторил своё предложение о работе.

– Да что вы? Случайно совершенно набросала, собрала на скорую руку. Какое там чувство стиля, вкус! Всё случайно. Спасибо.

– Тогда замуж за меня выходите.

Юля как-то непонятно среагировала: она то ли смутилась, то ли неловкость испытала, чуть ли не виновато глянув на Федю:

– Слышали старинную русскую песню «Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает»? Несовпадение. Вас не выбираю.

За обедом с Фиделем говорили обо всём. Кроме этого эпизода с ёлкой и скоропалительным предложением Юле.

А Виктор заикнулся – на женщине, которая не соответствовала ни одному требованию к будущей жене, ни одному пункту его плана: ни возраст, ни внешность, к тому же москвичка, совершенно определилась с положением в жизни. Вообще не в его вкусе!

Она – экономист, по рассказам Феде, к которому всё-таки пришлось прибегнуть как к информатору, выучившаяся на финансиста, чтобы быть рядом с шефом, женатым немолодым мужиком, в которого влюбилась, когда он лежал в больнице, где она работала медсестрой. Он курс реабилитации проходил – 2 месяца, и она была к нему приставлена, к его палате, как очень хорошая патронажная сестра.

Если бы Виктор сначала увидел шефа, а не наряженную ёлку, то подумал бы, что у влюбившейся в такого дядьку (да ещё больного!) дамочки никакого вкуса нет.

Шеф дорожил этой своей поклонницей своеобразно. Опять-таки, по словам Фиделя, боялся, что могут подумать, будто он ей даёт преференции и выделяет как-то, потому относился строже, требовательнее, чем к любому из сотрудников. Срывался на ней, покрикивал, никогда не хвалил, не выдавал никаких премий, хотя других сотрудников поощрял. Совершенно точно и тайные подношения не делал. Это было известно от духовника организации, батюшки, с которым у компании была дружба. Тот проговорился: на исповеди спросил Юлю: мол, мзду, подарки берёшь? Самому было любопытно. А она с удивлением:

– От кого? Какие?

Проговорился же батюшка, когда за чае-винопитием в мужской компании программист, рассуждая о премиях, не выделенных запойному пьянице, которого не увольняли из-за детей, и Юле. Сыронизировал, мол, шеф её в частном порядке поощряет. Тут отец Дмитрий и вступись, мол, не грехи, не лжесвидетельствуй.

Виктор уже и сам не понимал: что с ним? Это он уязвлён, что его с ходу отвергли? Первый раз предложение сделал – и отлуп сразу! Или это он полюбил? Опять-таки в первый раз. Он такого никогда не испытывал. Но его и не отвергали ни разу. Может, именно так у амбициозных людей бывает. Только о ней и думаешь. Даже «на снегах» пребывал, как в неволе: быстрее бы в Москву, Юлю увидеть. Да и прилетел раньше на пару дней – невмоготу стало это ожидание встречи.

Виктор понял, что Федька ему в этом деле – сближения с Юлей – не помощник. И очень ювелирно отбрил Витьку, когда тот под предлогом каким-то опять хотел в контору прийти. Когда же встретились в ресторане за обедом, ни на один вопрос о Юле толком не ответил. Он относился с пиететом к ней – она не только работяга безотказная, но и её преданность и поклонение шефу очень трогало. И Фидель сначала отшучивался, когда Витя спрашивал о Юле. А потом сказал: «Отстань, тебе твоих баб не хватает? У тебя же бизнес-план. Она ни одним пунктом не вписывается».

И это правда!

Но Витя сам подкатил. Через отца Дмитрия – духовника конторы, где Юля работает. Пришёл в его храм, якобы случайно, мол, хочу благотворителем

быть, помощь оказать. А тот – мы на Донбасс собираем помощь, ваше участие очень кстати.

И тут батюшке звонок. Он отвечает, а Виктор понимает, что звонит Юля! Да это знак! По репликам отца Дмитрия понял, что та собирается сопроводить этот самый груз на Донбасс. Но просит, чтоб никто об этом не знал.

Виктор не очень понимал некоторые реплики отца Дмитрия:

– Ну, это как обычно, как обычно, конечно, конечно. Наши с тобой тайны – это только наши тайны.

Что – как обычно? Что за тайны? Поп-то молодой ещё.

Выдавать себя до поры до времени не хотелось, но и за излишней предосторожностью проворонить поездку тоже не хотелось. Виктор в очередной раз пришёл совсем вскоре, сумму принёс и говорит, мол, можно я повезу груз?

Отец Дмитрий обрадовался: желающих сопроводить немного, и все – женщины. Даже за рулём – женщина. Мужчина как раз пригодится.

...У «буханки», на которой Виктор подъехал к складу, откуда загружали собранную помощь, и встретились. Свою «буханку» он сам под завязку загрузил, а у склада загружали вторую, за рулём которой и была женщина.

Юля, как ему показалось, обрадовалась. Очень удивилась («А вы-то как здесь? Отец Дмитрий говорит, Владислав, благотворитель, вызвался, мы думаем: кто такой? А это вы. Вот мир тесен!»)

Слава Богу, не подумала, что это он подстроил. И, слава Богу, что отец Дмитрий его имя перепутал.

Да и как бы он подстроил? Она же не знала, что он кое-что разведал. Ещё интереснее получилось с сопровождающими женщинами: одна была сестрой Юли – за рулём, а вторая – подругой. У сестры уже дочь взрослая. А подруга – одинокая мама, разведённая. Оставила сына-студента со своими родителями – на попечении – и отправилась. Декабристки. Близким и на работе сказали, что уезжают в Карелию на озёра.

Федя, кстати, проговорился с недоумением, что работоголик Юля в последнее время зачастила в отпуска. Наверняка появился кто-то иногородний. Шефа это тоже волнует и нервирует. Она то отпуск надвое разбила и отгуляла дважды, то отгулы взяла и уехала. А когда пропадает, никто дозвониться до неё не может. Если нашла кого-то – слава Богу. Очень хорошая баба, уж ей бы счастья-то не мешало. Шеф же – не перспективен. Ни он от жены не уйдёт, ни Юля не станет разбивать «ячейку общества».

Во как бывает!

И все три везущие груз на Донбасс – москвички. Не поголовно, оказывается, рождаются сразу избалованными и капризными стервами.

Кстати, Виктор-то родителям тоже не сказал, что уезжает на Донбасс. Он вообще им мало что говорил о своих делах, поездках.

Он сначала подумал, что многовато сопровождающих, когда одной машиной планировали ехать, его-то «буханка» была внеплановой. Но оказалось, что все очень нужны – по пути хлопот много, к тому же подруга – врач, оказывала по ходу помощь нуждающимся. Они с Юлей – целая врачебная бригада.

Виктор, конечно, хотел, чтобы в его машине ехала Юля, но она поехала с сестрой, а к нему села подруга – Ира. Виктор с удивлением обнаружил, что помимо клубных красоток существует, не исчез целый мир прекрасных женщин, ничуть не испорченных ни временем, ни нравами этого времени, ни столицей. Удивительное – рядом. Даже изумительное.

Ира рассказала о себе, хотя Виктор её расспрашивал для приличия, чтобы потом и о Юле, о её сестре спросить. Но и история Иры была неправдоподобно интересной. Она разоткровенничалась, как бывает – словно попутчики в поезде. Да, она разведена. Но любит своего мужа и ждёт, что тот вернётся. Хотя сама подала на развод. Очень его любила, а отбила... у сестры Юлиной. И поныне – своей лучшей подруги, одноклассницы.

Но Марианка простила и даже благодарна, что у неё парня отбили, потому что вскоре встретила своего мужа, с которым в счастье полном живёт. Он всё время на севере, романтика встреч...

А Ира заметила, что муж, большой начальник («Это я его начальником сделала! Он только работой жил, а я семью и нашу, и его родителей и младшую сестру обслуживала!»), изменился очень. Подавленный, словно что-то сказать хочет, но не решается, раздражается всё время. На нервах. Вот она и спроси:

– Влюбился?

Возраст-то как раз критический для этого дела: силы есть, к жене уже не так тянет, а девиц вокруг – море разливанное.

Он от неожиданности сразу признался. Просто классика – в молодую секретаршу втюрился.

Ира её знает хорошо. Тварь неблагодарная. Поначалу муж на ту сердился – неумеха, а Ира его уговаривала: надо дать шанс неопытной сотруднице, вот представь, что это твоя сестра Танюшка или наша племянница Лизонька, а их начальник ругает. Пусть и за дело. Ты как отец на секретаршу посмотри – она тебе почти в дочки годится.

А он на неё совсем по-другому посмотрел. Сама Ирка наводчицей и выступила.

Сначала разозлилась, честно сказать. Потом подумала, что она же тоже его отбила, вот и у неё отбивают. И так своего мужа любила, что выставила ему вещи – иди, не мучайся. А то меня будешь в старости упрекать, что твоей любви препятствовала.

Он ушёл в квартиру, которую они сыну «на вырост» купили. Сын уже взрослый, студент, с отцом они в хороших отношениях, но его вторую жену ненавидит. А что поделаешь? Но Ира ждёт, что муж вернётся к ней, перебесится, там же пока никакого приплода не появилось. А экс-секретарша, по слухам, уже не очень довольна – муж оказался не так богат, как она предполагала. Дура.

Надо же, какие женщины бывают! Хоть романы о таких пиши.

Юльку она знает сто лет. Да как это почему та не замужем? Дважды была! Вот это новость!

И всё – на глазах у Иры. Она же – лучшая подруга Марианки, друг у друга дневали и ночевали, всё о семьях знают. Первый раз Юля-красотуля вышла за одноклассника, который, не поступив в вуз, пошёл в армию. Признался в любви и сказал, что ему надо, чтобы его ждала жена. И Юля вышла замуж. Ездил к нему в армию, помогала его родителям на даче, по дому, а когда вернулся, поняла, что у него кто-то есть – в армии появился. Оказалось, что даже забеременела от него какая-то девица. И он не знал, что делать.

Юля сказала, что надо разводиться и жениться на матери будущего ребёнка. Андрей любил Юлю и был огорчён, но она не дала никаких шансов их отношения сохранить.

Жутко огорчились его родители – души в Юле не чаяли. Ещё бы! Юлька – прелесть просто. Родители его даже помогли ей домик купить в садовом

товариществе, потому что Марианка, её сестра, выйдя замуж, жила с родителями, ребёнок родился, и Юльке уже некуда было возвращаться. А дача была зимней, недалеко – час на электричке. И Юля там устроилась.

Сама же в училище, будучи замужней дамой, «солдаткой» влюбилась в парня – студента университета. Он тренировал мальчишек на площадке во дворе. И Юля, выполняя задания, всё смотрела на эту площадку, где он гонял в футбол.

Потом вдруг пропал. Она у директора этого клуба – тот жил в соседнем доме, спросила, мол, что-то в футбол никто не играет давно. А он и скажи: нового тренера на такую зарплату найти не можем, а Игорь Павлович, к тому времени уже закончивший спортфак, попал в аварию и парализован.

Она взяла адрес и явилась как доброволец, мол, я медсестра, могу ухаживать. Он её узнал – она мимо площадки проходила, даже иногда взглядами встречались, от чего она чуть в обморок не падала.

Он удивился, что сейчас к больным посылают добровольных помощников, к тому же, знакомая оказалась, вернее, которую раньше видел.

Не будет же он проверять, что она – самозванка.

И вот когда она с мужем развелась, сама сделала Игорю предложение и переехала к нему.

Странно, что недовольной была его мама! Она всё ещё думала о сыне как о прекрасном спортсмене, у которого были девушки-красавицы из состоятельных семей, с образованием, а не медсестра какая-то замухрышистая, которая подкатилась и охомутила. Юлю считала плохой партией. Всё подозревала, что та по расчёту примазалась. Мать не осознавала, что сын – тяжёлый инвалид. Думала, что вот завтра-послезавтра встанет и победит. Закрывала на ключ в кладовочке новое постельное бельё, хрусталь...

Юля бы и к себе привела мужа, Марианка с семьёй уже свою квартиру получили, уехали от родителей, но те жили на третьем этаже в доме без лифта. И вывозить на прогулку Игоря было бы очень трудно. А Юля почти каждый день прогуливалась с ним. Очень этот домик в садовом товариществе вырубал – летом там часто время проводили, кое-что выращивали.

Погиб Игорь ужасно. Юля не знала подробностей, её не посвящали – жалели. А рассказала Ире Марианка по секрету, как-то сетуя на людскую неблагодарность.

Юля уехала в командировку на месяц – вахтовикам проводить медосмотр. Хотела подработать – она была кормилицей в семье: делала уколы на дому по вызовам, массажи. Зарабатывала, чтобы Игорь хорошо питался, чтобы вывозить его на курорт.

В её отсутствие Игоревы друзья-разгульники привели девиц. Мол, без жены почти месяц, тряхни стариной. А мать Игоря в это время ушла к дочери. Да это она специально, чтобы не мешать веселиться. Будто не знала, чего девок-то привели. Её только заботило, чтобы не утащили что-нибудь, но она всё ценное в своей комнате на ключ закрыла. То ли развести хотела сына, то ли что. Чего вот потакала этому непотребству? А Игорь, скорее всего, не хотел, чтобы друзья думали, будто он не способен ни на что. Он в этом смысле как раз в силе. И умер от сердечного приступа во время того веселья. Так и записали: сердечная недостаточность.

Юля переживала, что недосмотрела, уехала, оставила, может, он скучал так. Врач сказал Марианке, как коллеге, не желая расстраивать вдову, Юлю: скончался на бабе.

Свекровь ещё и обвиняла Юлю. Мол, уехала, мужа оставила, вот и умер.

А Игорь жил в любви и заботе. Хотя до женитьбы просил дать ему яду – не хотел жить парализованным. А потом и мыслей таких не было, надеялся, что наука выгадит его из неподвижности.

В больнице – на своём рабочем месте – Юля с Аркадием Ивановичем познакомилась. Он отеческой заботой её покорила: советы давал, выслушивал, конфетки совал в карман. Она заботы не видела от своих мужей, так уж сложилось, а тут – о ней заботились. Она и влюбилась. Он как-то сказал, мол, жаль, что вы, Юля, не бухгалтер, а то бы я вас к себе на работу взял. Она и выучилась! Надо же! Экстерном на экономиста.

Пришла в его организацию работать. Она девка-то толковая. И совершенно преданно ему служила.

Станным образом, когда они стали работать вместе и встречаться, даже конфетками перестал её шеф баловать – боялся, как бы не подумали чего...

...Виктору трудно было без мобильного. Но строжайше сказано: мобильные с собой не брать! Вычислят и долбанут. Никакие отключения, никакие вынимания «симок» не помогут. Никакой электроники!

Все маршруты, адреса, куда везли продукты, вещи, медикаменты, зараннее были расписаны, скоординированы. А по прибытии уже и звонки могли делать – с местных телефонов.

Встретил их батюшка одного из приходов, сел в «буханку», где ехали Юля с сестрой – сменил за рулём их, двинулись в его село.

Такое только в кинохронике Великой Отечественной видел. И по дороге – разгромленные дома и строения, и в посёлке – это с войны 2014 года. Говорят, сейчас ещё отремонтировали кое-что. А было – 90 процентов разрушений. Просто с лица земли смели, хотя никаких ополченцев здесь не было. И после этого такая ненависть к хохлам у людей! До этого обстрела кое-кто в селе говорил, мол, такие же люди, как мы, сживёмся, всё нормально будет.

Днём «укры» разгромили село, а вечером пришли, всех согнали в церковь – домовые книги захватили, численный состав выяснили! Это же кто-то координировал, где что искать, как действовать.

Сказали: если ополченцы пойдут занимать село – церковь подорвём – заминировали. Два дня в жару под 30 градусов всех – детей, стариков – держали в церкви. Ни воды, ни еды, ни туалета... Но ополченцы сняли охрану, освободили.

Виктор по телевизору смотрел репортажи, истории слышал, но, сам увидев, обомлел. Звери.

Многие уехали – кто куда, в основном в Россию, к родным, но и остались – кто уже по возрасту не мог место жительства менять, кто не хотел родителей оставлять, кто – могилы.

В эту войну село почти не обстреливали. Но помощь была и здесь очень нужна. С едой – проблемы, с вещами – проблемы, с медобслуживанием – проблемы. За три дня, что «караван», как окрестил две «буханки» Виктор, Юля и Ира приняли всех нуждавшихся в медпомощи: кого полечили, кому диагноз поставили и направления выписали, рецепты. Пообещали, что приедут, и если помощь те ещё не получают, привезут нужные лекарства. Из России позвонить-то можно, узнать, что необходимо. Это по российской «симке» из Новороссии нельзя звонить, а по местным – можно.

На третий день их пребывания на приём пришла бабушка – совсем старенькая, привела двух мальчишек-правнуков. Бабушка привезла их из Мариуполя, где погибла её дочь с внучкой – дети были в детском саду и о гибели

мамы и бабушки узнали, когда за детьми-погодками никто не пришёл. С мужем внучка развелась, и он куда-то сгинул, а зять, муж сестры, умер, слава Богу, до войны, хоть он этого горя не узнал.

Прабабушка поехала («Дай Бог здоровья батюшке нашему, он меня и свозил...»), забрала правнуков. Мальчишки были запуганными. Вот прабабушка и хотела узнать у врачей: можно ли их как-то успокоить?

– Вам сколько лет? – спросила Юля старушку.

– Да восемьдесят два уже. Долго не протяну.

– У вас не было мыслей их устроить в детдом ли семью?

– Как же не было? Только об этом и думаю – пристроить. Но куда жива, пусть со мной будут – родной человек. А через год-два, конечно, надо. Умру, так их же могут по разным углам растолкать, – бабушка заплакала. Мальчишки – 5 и 6 лет – сидели, как куклы: ничего не говорили, ни на что не реагировали. Безучастно взяли шоколадки, которыми их угостила Юля.

...Возвращались все в одной машине: свою «буханку» Виктор, как и планировал, оставил для нужд прихода. Сначала ехали молча. Даже не подавленность это, а недоуменное непонимание: как такое вообще может происходить? Такая несправедливость твориться? И с каждой поездкой картина всё удручающее.

Потом вдруг Юля запела. «Ой, то не вечер, то не вечер», ещё какие-то заунывные песни тянула, девчонки, как они и друг друга называли, и Виктор их так называл, подхватывали. Потом – «Священную войну». Он, к своему стыду, слова песен не знал. А они знали. Затем – одна за другой советские песни бравурные. А после – и весёлые, залихватские даже.

– Это психотерапия у нас, – объяснила Ира, которая себя уже самой близкой подружкой считала. Не без оснований. Очень они с ней сблизилась в дороге – как сестра стала.

Остановились на ночлег в придорожной гостинице. Девчонки втроём в номер заселились – попросили раскладушку поставить. Виктор в соседнем номере спал. И пока не «провалился» в сон, слышал непрерывное «бу-бу-бу» из-за стенки. Там что-то горячо обсуждали.

Утром за завтраком такие торжественные сидели! Чего они надумали?

Юля взяла с него слово, что о поездке он никому не расскажет. Они ездили на Донбасс втайне от всех. Это и была их с батюшкой тайна. Чтобы родных не беспокоить, чтобы попусту те не нервничали.

В рутине повседневной Виктор не фиксировал, сколько звонков, СМС и писем приходит. А тут все скопом повалили – сотни! Даже смотреть не стал, от кого что пропустил. Позвонил родителям, заму своему – на этих фронтах всё в порядке, а остальные – обойдутся.

Но, включив телефон, он себя обозначил в сети, и уже его подружки истеребили трубку. А он не отвечал. Сорока ему ещё нет, а уже ни к ним не тянет, ни в клубы. Отрезало. Из кого в кого он переродился? То ли из Павла в Савла, то ли наоборот.

Юля с ним общалась неохотно. А Ира – с удовольствием. Она и стала, сама не сознавая, его информатором. От Иры-то он и узнал, что «трио» опять собирается. Но на этот раз его с собой категорически не берут. Ира очень просила не выдавать её, если что, о том, что проговорилась. Едут тайно.

Виктор Владимирович заехал в офис на отшибе. У руководителя филиала это вызвало панику. Без предупреждения. Дверь кабинета открылась – хозяин стоит.

Шеф поздоровался, спросил, как новичок работает.

Нормально. Как раз сейчас тот здесь, он ведь на полставки, во второй половине приходит.

– Посмотрю, как мой протеже обустроился.

Попросив его не сопровождать, Виктор направился к Виталию – сыну Ирки, которого по её просьбе пристроил у себя: пусть и опыта набирается, и подработает. Ныне в школе не приучают к труду, как раньше. Лоботрясами растут. Отец, дай ему волю, из осознания вины, избаловал бы шальными деньгами. Ира это пресекла на корню. Попросила, чтобы Виктор поблажек не делал. Он бы и без этих предупреждений обошёлся. За поблажками – не к нему. Он уволил двоюродного племянника, когда случайно узнал, что тот не ходит на работу, ссылаясь на договорённость с «дядей Витей», но при этом требует премий по той же самой «договорённости».

Виталик ремонтировал стул. И очень смутился, когда его за этим занятием застал владелец фирмы. Стал оправдываться.

В помещении было ещё несколько человек. Виктор не хотел разговаривать при них, но и давать такую фору новичку – звать попить кофе – тоже неправильно, поэтому велел:

– Закончишь ремонтные работы – зайти к руководителю проектной группы.

И ушёл. Попросил директора филиала оставить их вдвоём, секретаршу – принести чай.

Виталик был не робкого десятка, как и большинство современных пацанов, однако, зайдя, был явно смущён. Никаких других мыслей, кроме того, что получит нагоняй, не было. Нашёл, чем заниматься! Программист!

Виктор Владимирович улыбнулся, давая понять, что всё в порядке, спросил:

– Как устроился сам, как мама? Звонил ей, не отвечает.

– За невестой мне поехала, оттуда звонить нельзя, – засмеялся Виталик.

– Не рано ли тебе? Ты же, она говорила, распланировал – до 30 не жениться.

– Так пока та подрастёт – уж как раз.

– Раньше Иваново было городом невест, а сейчас откуда везут? – хотя Виктор и сам вдруг догадался.

– Из Новороссии. С подружками хотят сирот усыновить, удочерить. Мама – 8-летнюю Ксюшу. Тётя Юля – двоих братиков вместе с бабкой их, тётя Марианна – мальчика тоже, подростка. Баба с дедом ревут – так ждут будущую внучку. Комнату ей приготовили. Меня воспитывают – как сестрёнку встречать. Мама-то пошутила: «За невестой тебе поехала», а они испугались, что я донимать буду. Я чего, отмороженный что ли?

Виктору стало обидно. Почему от него в тайне это держали? Так сблизилась во время поездки, чего было скрывать? Обделённым себя почувствовал.

– Когда мать вернётся, позвони мне, – попросил.

А сам чуть ли не каждую минуту смотрел, когда «абонент» появится в сети.

Он уже с ума сходил по Юле.

Когда абонент появился в сети, Виктор стал набирать каждые 10 минут. Она не брала трубку.

На следующий день после появления в сети позвонил Виталик: мама вернулась, привезла красивую девочку, которая пока ни разу не улыбнулась. Виталик, воспитанно-разбитной парень, говорил скованно.

Виктор вылетел в Москву из Благовещенска, где должен был пару дней работать. Застал Юлю на работе. Уже даже к Фиделю не обращался – все политесы можно отбросить.

Она была очень удручена. Сама предложила пойти в кафе, чтобы на работе не разговаривать.

Ей не дали мальчишек. Ирка Ксюшу привезла, Марианка Тимоху, а Юле не позволили взять на усыновление: она не замужем, а собирается сразу двоих брать. К тому же её дохода не хватит даже на прожиточный минимум для четверых – она же ещё и бабушку забрать хотела.

Тут Виктор и узнал, что зарплата у неё – постыдно низкая для Москвы. Вот тебе и начальник-покровитель!

Как-то Фидель сказал, что Юлька неправильно себя ведёт: она о деньгах никогда не заикнётся, а их коммерческий директор, кощева глиста, как его называли, жутко жадный, желчный матерщинник, сам копейку не выделяет. А шеф – выше всего этого, он вообще не интересуется, как финансово кто вознаграждается. И Юля действительно скромно получает. А сейчас эта скромность очень подвела.

Юля рассказывала о своей неудаче короткими фразами.

Молчали, глядя каждый в свою чашку кофе. А потом одновременно подняли глаза и идеально синхронно проговорили:

– Ваше предложение о замужестве ещё в силе?

– Моё предложение о замужестве в силе.

...Столько было хлопот с усыновлением, с переездом детей и бабушки, обустройством, что обвенчались и сыграли свадьбу – не размашистое торжество, а встречу друзей и близких – всего за три месяца до рождения дочки. Расписались-то буквально через день после того кофейного сговора, как Юля выразилась. И уже детей брали на усыновление в состоятельную полную семью.

На свадьбу Ирка пришла с мужем – выждала.

– У Господа на учёте состою: я – благородный поступок, мне – сверх меры воздадено, муж вернулся. Сейчас у нас даже не полная, а переполненная семья – мама с папой к нам перебрались, чтобы Ксюху в школу водить, уроки учить.

ПОЭЗИЯ

Марина НОВИКОВА

МАРИНА НОВИКОВА

Марина Владимировна Новикова – поэт. Родилась в Москве. Окончила Государственный университет управления. Автор книг «Волны ржи» (2007 г.) и «Малиновый звон» (2012 г.). Член Союза писателей России. Печаталась в журналах «Смена», «Российский колокол», газетах «Сокол» и «Московский литератор». Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008–2011 гг.». Награждена дипломами имени С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама, Н.М. Рубцова, Ф.И. Тютчева, медалями имени А.А. Блока, А.С. Грибоедова, С.А. Есенина, А.И. Куприна, М.Ю. Лермонтова, «55 лет Московской городской организации Союза писателей России», «60 лет Московской городской организации Союза писателей России», «Профессионал России», орденом «В.В. Маяковский», наградным знаком «Серебряный крест» за утверждение православных устоев в русской литературе, наградной грамотой «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Живет в Москве.

Листает время календарь

Участникам специальной военной операции посвящается

От центра до самых форпостов
Молитва звучит и летит,
На Крымский примчит полуостров
И южный рубеж осенит.

Вернитесь с победой, родные!
С победой вернитесь домой!
А в эти часы роковые
Пусть пули пройдут стороной.

Пусть каждый из вас точно знает,
Что верит российский народ –
Боец под огнём прошагает,
Победу стране принесёт!

Гордимся мы вами и знаем –
Боец наш – герой, генерал –
По фронту, переднему краю
Бесстрашно в атаку вставал!

И с вами сейчас вся Россия,
И молится каждый народ –

Пусть будут у армии силы,
Что мир на Донбасс принесёт!

И вновь как тогда, в сорок пятом,
Не будет врага у ворот,
И с алым, багряным закатом
Растает противника взвод!

И вами гордится Россия!
Всевышний, покровом укрой!
И враг перед вами бессилён!
С победой вернитесь домой!

Бессмертный полк

Чрез поколения шагают
Войны далёкой имена,
И солнце в орденах играет,
И гордость в сердце разжигает –
Их будет помнить вся страна.

И в майский тёплый день встречает
Людей Поклонная гора,
В лазурном небе засверкают –
Будто штандарты замелькают –
Салюты в эти вечера.

В Георгиевских лентах тает
Печаль победных этих дней,
И над Москвою воссияет –
Крестом Господним осеняя –
Победный залп всех тех огней.

Идут полки, в руках портреты –
Вот чей-то прадед, чей-то дед,
Их подвиги не канут в Лету,
И по всему несётся свету
Далеким эхом гром побед.

Все вспоминают сорок пятый,
А кто моложе – говорят:
«Нет, не застал я эту дату,
Но среди всех, среди ребят,
Солдатский подвиг будет святым,
И кто – в пехоте, кто – крылатый,
Для всех герой один – солдат».

Серебряная цепь

Распахни окно скорее,
Распахни скорей окно –
Едут сани чуть левее,
Вьюга стелет полотно.

Даль от снега всё белее,
Будет всё, что суждено,
Всё мощнее и сильнее
Жизни новое звено.

Пусть с годами всё крепчает
Жизни цепь из серебра,
Все пороги пусть встречают
Много счастья и добра.

Пусть звено к звену прочнее
Соберётся в той цепи,
Будет пусть она длиннее,
Цепь, ты звенья накопи!

Распахни окно скорее!
Все гадают вновь и вновь –
Кто к нам едет по аллее –
Надежда, Вера и Любовь!

Рождественский день

Дымит старинное кадило,
И снова так же, как и встарь,
Читают праздничный тропарь,
Чтоб мир и счастье приходили.

И снова так же, как и встарь,
Во славу Божию служенье
На Рождество и на Крещение,
И песнь красива как янтарь.

Читают праздничный тропарь,
И Рождество Христово краше.
Мы молимся за счастье наше,
И в свете свеч стоит алтарь.

Чтоб мир и счастье приходили
В любую дверь и в каждый дом
И чтобы вьюга за окном
Их ни за что не охладил.

Во славу Божию служенье
С тех пор, как в мир пришёл Христос,
Надежду, веру он вознёс,
И в этом радость песнопенья.

На Рождество и на Крещение
Мороз украсил серебром
Леса, поля и всё кругом
С великим, дивным вдохновеньем.

И песнь красива как янтарь.
Христос сошёл с небес – встречайте!
И всё друг другу вы прощайте,
Здесь все равны – кустарь и царь.

И Рождество Христово краше,
И краше нет молитвы строк,
Как будто в вязаный платок,
Мороз укутал окна, башни.

Мы молимся за счастье наше,
И словно кафельная гарь
Растают тревоги и этот январь
Для нас будет ярче гуаши.

И в свете свеч стоит алтарь,
Пришел к нам праздник – Бога славьте!
Тропарь для правнуков отставьте,
Листает время календарь.

Зимняя сказка

Стоит в серебряной кольчуге,
Блестит на солнце зимний лес,
Укрыта снегом вся округа,
И днём, и ночью кружит вьюга
И сыплет серебро с небес.

Стоят берёзы в белых платьях,
Осина кутается в шаль,
А дуб с своею мощью, статью
Стоит, не глядя на собратьев,
В его ветвях блестит хрусталь.

А вьюга стелет покрывала
На перелесках и лугах,
Метель узор нарисовала,
И покрывало в жемчугах.

Евгений АНТОНОВ

Вниз по течению

Одноактная пьеса

Действующие лица

Василий – высокий грузный мужчина, 57 лет, с копной седеющих кучерявых волос, страдающий несколькими хроническими заболеваниями.

Михаил – ровесник Василия, среднего роста, лёгкий, поджарый, движется легко и, вообще, выглядит значительно моложе своих лет.

Сентябрь. Довольно густой и сумрачный, несмотря на ясную погоду, лес. Вечереет. Небольшая сухая прогалина на берегу узкой и извилистой лесной речушки. На прогалине расположились Михаил и Василий. Михаил сидит на стволе сухого, поваленного ветром дерева, подстелив под себя брезентовый плащ. Василий полулежит на мху, так же подложив под себя старый плащ и опершись спиной о сухой полусгнивший пенёк. Правый сапог Василия снят, нога его, в области голенистопа, туго перевязана какой-то тряпкой. Тут же, возле них, стоят два алюминиевых короба для сбора ягод.

Василий (устало). И куда теперь?

Михаил. Никуда.

Василий. А что делать будем?

Михаил. Не знаю. Пока тут останемся. Дождёмся утра.

Василий. А потом что?

Михаил. Вариантов много. Может, пойдёт кто с утреннего поезда, как мы с тобой – попросим, чтобы помощь вызвали. Может, сам сбегаю вызову, а ты тут пока полежишь. А можно шину наложить, костыль какой-нибудь сварганить, и самим попробовать добраться. Короба, правда, тут бросить придётся.

Василий. Как бросить?! Столько ягод набрали!.. Да и куда добираться-то?!

Михаил. В любую сторону. Телефон ловит и у реки, и у железки. Нам одинаково ползти, что туда,

Евгений Юрьевич Антонов – родился в 1967 г. в г. Коряжма, Архангельской области. Окончил факультет английского языка Нижегородского Государственного Лингвистического Университета. В настоящее время работает переводчиком. Живёт в Коряжме.

что сюда. У реки быстрее дождёмся кого-нибудь – у Службы спасения катер стоит под самой лодочной. Им собраться – только подпоясаться. Но придётся болото небольшое пересекать, да через залом перебираться... Посмотрим...

Василий. В общем, застряли мы тут... Всё-таки, надо было в Слободчаково ехать.

Михаил. Я ж тебе говорил, нет там ничего, выгорело всё... Здесь хорошая ягода, ты сам видел... Кто ж знал, что в Ильинке так вода поднимется с дождями... Да и ты ведь сам виноват – попёрся напрямую. Я же говорил тебе: давай обойдём, там мостик сделан... *(Передразнивает.)* «Так проще, так проще!..» Это когда вперёд порожняком шли, просто было по жердям напрямую махануть, а теперь... *(Разводит руками.)* Терпи!

Василий. Терпи... Хорошо тебе говорить...

Михаил. Не бойсь! Выберемся! Ты, главное, себя не накручивай, а то ещё и сердечко прихватит. Ты же валидол с собой не взял...

Василий. Не накручивай?! Это как?! У меня инсулина с собой только пара уколов!

Михаил. Так ведь у нас с собой и еды на пару укусов. Чего же ты беспокоишься? Ты же говорил, что тебе нужно укол перед едой делать, вот оно всё в равновесии и будет...

Василий. На пару укусов?.. А чего больше не взял?

Михаил. А ты чего не взял?

Василий. Так ты же сказал, что вечерним поездом вернёмся!

Михаил. Ну, мало ли... В лес идёшь, всегда бери еды с запасом, с тем расчётом, что задержишься там по какой-то причине... Вот как мы сейчас...

Михаил встаёт, привычными движениями разминает плечи и спину, отходит в сторону, собирает сухие ветки и сучья для костра, приносит их на старое кострище, расположенное примерно посередине между пнём и поваленным деревом, раздвигает ногой старые головни. В ходе последующего разговора Михаил разжигает костёр, следит за ним, подкладывает сухие сучья и валежины.

Михаил. А вообще, в эту пору, еда в лесу не столь критична, как для тебя инсулин. Можно ягодами подкрепиться, грибов найти... Сыроежек местами – хоть косою коси! Их и варить не нужно. Ближе к реке пара кедров стоит, можно шишек найти, хоть несколько штук, что зверьё растащить не успело... Кроме того, ты пришёл ко мне с утра, даже не предупредив, я и собраться толком не успел.

Василий. Так ведь, сколько я тебя просил сводить меня по ягоды! Ты же сам сказал: сходим на днях.

Михаил. Сказал... А предупредить с вечера, всё же, стоило...

Василий. Предупредить, предупредить... Хорошо ведь всё утром вышло! На поезд не опоздали... Чего ещё... Если бы не нога...

Михаил. Не опоздали... Это хорошо, что я такой покладистый, спорить с тобой не стал. Пошли, так пошли... *(Пауза.)* А ты почему именно сегодня сподобился? Я думал, в выходные пойдём.

Василий. А так оказалось удобнее всего. И погода стоит хорошая... В общем, все звёзды сошлись!

Михаил. Все звёзды сошлись... Это точно... Ну, значит, так тому и быть! А посему, принимай всё спокойно!.. Всё нормально!

Василий. Да что ты заладил: спокойно да нормально?! Что тут нормального-то?.. Что я с вывихнутой ногой, а то и ещё хуже, лежу посреди леса, где ни связи нет, ни помощи?!

Михаил. Ну, да. Именно это спокойно и воспринимай... Стоит ли так сильно переживать из-за того, что ты не в силах изменить?

Василий. А мы не в силах что-то изменить?!

Михаил. Пока не в силах. Ты же видишь... Ситуацию эту изменить мы не в силах, зато мы можем изменить своё отношение к ней...

Василий. Отношение?.. Хмм... И как, интересно, я могу изменить к ней отношение?

Михаил. Как сказал один мудрый человек, каждая проблема несёт в себе семена возможностей... Ты ночевал когда-нибудь в осеннем лесу у костра?.. Я имею в виду, кроме того случая, когда мы, тридцать лет назад, как раз в Слободчаково, сойдя с ночного поезда, рассвета ждали.

Василий (*задумчиво чешет свою гриву*). Ну... пожалуй, что нет... Чтобы так, в самой чащобе, осенью...

Михаил. Ну, вот видишь! В кои-то веки получится провести чудесную осеннюю ночь в лесу, а ты не рад!

Между тем, сумрак сгущается всё сильнее, лица обоих мужчин освещаются, по большей части, пламенем костра. Василий придвигается к огню поближе, устраивается удобнее.

Василий (*ворчливо*). Мудрый человек... Сказал... Да ты, смотрю, совсем философом стал, под старость-то лет!

Михаил. Ну, во-первых, до настоящей старости нам с тобой ещё жить, да жить...

Василий. Что-то я по себе не чувствую, что жить да жить...

Михаил. Это ты сам себе надумал... А во-вторых, в каждом из нас живёт философ... Живёт, но дремлет...

Василий. Ага... Хочешь сказать, что нужно лишь его разбудить?

Михаил. Нет, не хочу... Он сам просыпается, время от времени... Ты ни разу не чувствовал?

Василий. Как не чувствовал?.. Чувствовал, конечно... Только во мне он обычно просыпается пьяным... И, ты знаешь, такие умные вещи говорить начинает! Хрен остановишь!.. Только вот толку в этом мало... А то ещё и вред бывает, если его советов послушаешься...

Михаил. Ну, да... Бывает и такое... Поэтому ты больше не употребляешь?

Василий. Да нет. Это мне просто здоровье больше не позволяет... А так, плевать бы я хотел на этого философа... и на всех философов сразу!.. У меня своя философия в жизни.

Михаил. И какая же?

Василий. Живи, как живётся!.. Вернее, как легче всего жить, и будет тебе счастье!..

Михаил. Ага... Знакомо... Сам таким был... От того, наверное, мы и оказались с тобой в нашей пятой ГеПе после десятого класса... В одной группе...

Василий. А был выбор?.. Куда мне было ещё податься, с моим-то аттестатом?! А там мы профессию получали, стипендию... Документы подал, и всё! Зачислен!.. Хорошо, удобно...

Михаил. Это точно... А у меня, признаться честно, выбор был... Сам не захотел ехать куда-то, хлопотать, суетиться, поступать... Как ты говоришь, хорошо и удобно... Через год уже сами деньги зарабатывали.

Василий. А ты теперь жалеешь, небось, что не поехал поступать после школы? Я ведь помню, как многие корили тебя, мол, с такими-то оценками...

Михаил. Нет, не жалею... Никогда не жалел... О чём тут жалеть?.. У каждого свой путь в жизни. У меня вот такой...

Василий. Ага... Прямо как в анекдоте: «Ты кто?!», «Я – твоя мечта!», «Но я не о такой мечтал!», «А сбылась такая!». Философ...

Михаил. Не жалел, но понял одну важную вещь...

Василий. Какую?

Михаил. Иногда, всё же, стоит поупираться, пободаться, поднапрячься.

Василий. Зачем?

Михаил. Чтобы хоть что-то изменить... Чтобы и от тебя зависело хоть что-то в этой жизни.

Василий. Ага... от того ты и начал ходить вечерами в музыкальную школу, на пианино учиться играть?

Михаил. Вот-вот. От того.

Василий. И что тебе это дало? Ты же, всё равно, бросил после армии!

Михаил. Бросил... Но чему-то, всё же, успел научиться.

Василий. Ерунда всё это! Пустая трата времени... Помнишь, был у нас такой предмет в ГеПе, невиданный – этика!.. Вела его училка по литературе... Она потом ещё в декрет ушла...

Михаил. Как не помнить!

Василий. Вот... И задала она нам сочинение писать, про осень...

Михаил. Вот этого не помню...

Василий. Задавала, задавала... А я ей сразу тогда сказал: «Да пошла ты!..» Что я, мальчик ей, что ли? Я и в школе-то их не писал... А она мне: «Ну, тогда ставлю тебе двойку!» «Да и хрен с тобой! – говорю ей, – ставь!» И поставила... А дружок мой закадычный, Толик Фирсов, мы с ним ещё в песочнице вместе играли, ты помнишь его... Так он это сочинение два дня писал! И написал! И ошибок столько там нафигачил, что она поставила ему «кол»!.. Ну, и на кой хрен упираться, выше головы пытаться плюнуть, если, всё равно, окажешься там же, да ещё и плевков тебе на бошку прилетит?!

Михаил. Бывает и такое.

Василий. В-о-от!.. Это же самой природой заложено!.. Вот взять, к примеру, реку... Да, вот, хотя бы Ильинку эту. (*Указывает рукой.*) Течёт она себе, течёт... Попадётся бугор какой или, там, валун, или коряга, обежит она их, с какой стороны удобнее, и дальше себе течёт... Так и петляет по сограм да оврагам, где бежать легче всего... Заметь: не пытается через пупочки да борюшки пробиться, силы свои на них не тратит!.. И аж до самой Вычегды добегаёт!

Михаил (*после паузы*). Верно. Добегает... Только если попытаешься по ней на лодке сплавиться, когда вода повыше, в паводок, например, целый день у тебя уйдёт, чтобы до устья добраться, хоть и бежит она весело... А вот если себя не пожалеешь, да прямками шуранёшь, через буреломы да болотинки, так и за полтора часа справишься!.. Уж больно много она петель накладывала, препятствия все эти обегая!

Василий (*разводит руками*). А это уж кому что нравится!.. Кто-то может и напрямую... Ну, хорошо... Возьмём большую реку, ту же Вычегду... Или

лучше сибирскую какую-нибудь, Лену, например. Та плавно бежит, не петляет. И щепочки да травинки в ней всякие плывут себе вниз по течению, никого не трогают, против течения не трепыхаются... И ведь какой путь могут проделать! Весь материк могут пересечь!

Михаил (после паузы). Природой заложено... Это ты хорошо сказал.

Василий. А то!

Михаил. Люди тоже как реки: большинство, как эта Ильинка и прочие мелкие речки, петляют, изворачиваются, пути обходные ищут и добегают-таки до своего конца. А иным, которых единицы, хватает силы прямо бежать... Да и не бежать даже, а спокойно и плывёт течь... А что до щепочек... Можно щепочкой и не быть, не колотиться о камни да берега...

Василий. А как иначе?

Михаил. Можно рыбкой быть в этой реке, и самому себе путь выбирать...

Василий. Ну, брат мой Миша, тут уж кому что дано!

Михаил. Ага. Каждому своё, как говорила моя бабушка... Знакомо... А, вообще, хорошо ты говоришь... Красиво даже... И вот почему ты так школу плохо закончил, я никак понять не могу! Ты же соображал не хуже многих отличников! А в чём-то, пожалуй, и лучше. Даже если по накатанной учиться, по течению, как ты говоришь, плыть, ты бы мог вполне хорошистом быть, не напрягаясь!

Василий. Почему?... А я тебе скажу, почему... Я в семье с двумя старшими сёстрами рос. Ну, и натаскивали они меня, пока я мал был да безответен, будь здоров! И пошёл я в первый класс, уже умея свободно читать, считать, стихи рассказывать... Ну, и что мне было там делать?! Вот и просидел я класса до третьего в отличниках, так просто, ничего не делая, а когда пришла пора действительно заниматься да зубрить, не было у меня уже никакого желания. Абсолютно!.. Зачем?! Зачем, если и без этого можно вполне себе обойтись?! Так и проболтался я до десятого класса, ничего не делая, выезжая только на своей хорошей памяти... В том, что мне было интересно, я и без школы мог разобраться, изучить как следует... Вот единственное, о чём потом немного жалел, так это то, что вместе с другими пацанами не сдал на права в десятом классе... Нас же на шоферов учили в старших классах... Ну, ты помнишь... Производственное обучение...

Михаил. Помню... В нашей школе учили на электриков...

Василий. Вот... Как стали мы теорию сдавать, я, естественно, и завалил... А как иначе, если не учил ничего самостоятельно?! А-а-а... Тогда почти все завалили, потом пошли пересдавать, а я поленился... Позже, когда уже свою «шестёрку» первую купил, пожалел... (Подняв палец вверх.) Но, не сильно!.. Всё равно, категорию менять пришлось бы... Вот такая моя жизненная философия...

Михаил. Ага... Я понял...

Василий. Вот я и говорю, что и твоя немногим отличалась, не то мы бы с тобой не оказались ещё и в одной бригаде, в ремонтной группе завода нашего механического...

Михаил. Всё верно. Куда привёл мастер на практику, там потом и работали, и о другом не помышляли...

Василий. Ну, это, может, ты не помышлял... А я-то сразу прикинул, что не самая денежная у нас была работёнка... Дружок-то мой, Толик, в цех централизованного ремонта попал и получал куда как больше нашего!

Михаил. А что ж ты туда не подался? После армии в любой цех можно было устроиться. Тогда это просто было...

Василий. Так ведь и работали они там как черти! Особенно в капитальные ремонты – по десять-двенадцать часов, без выходных... Чумазые ходили, как шахтёры. Не то, что мы – по полдня чай гоняли да доминушки за столом перебирали.

Михаил. А-а-а... Ну, да... Ну, да... Именно это и угнетало меня, сначала потихоньку, потом всё сильнее... Безделье...

Василий (передразнивает). «Угнетало... Безделье...» А чем плохо, скажи!.. Ну, закончил ты потом свой институт, заочно... Ну, в управление перевёлся, поработал там сколько-то... А в итоге, у нас, в ремгруппе снова и оказался!

Михаил. Оказался... Но не от того, что по безделью соскучился... Там совсем в другом было дело...

Василий. Ага... Или скажи ещё, что цивилизация развивается по спирали.

Михаил. Ну, и это тоже... А так как спираль – не окружность, то, сделав виток, ты не окажешься в той же самой точке. Поэтому и вернулся я к вам, в ремгруппу, уже другим человеком, хоть и числился всё тем же слесарем пятого разряда...

Василий. Не знаю... Внешне было незаметно.

Михаил. А как оно может быть заметно? Я же не с войны вернулся – руки-ноги на месте... Зато я узнал много всего интересного и полезного, чего бы я не узнал, у вас сидючи.

Василий. И что же?

Михаил. Ну, например, что можно легко послать зарвавшегося начальника куда подальше открытым текстом и уволиться по собственному желанию. Ты даже не представляешь, как легко становится после этого на душе! Как после школы – кажется, что весь мир в твоём кармане!

Василий. То-то он у тебя в кармане был, коли ты обратно в слесаря подался... Небось, и выбора другого не было?

Михаил. Почему не было? Выбор был большой. Я мог и сам на себя работать.

Василий. Типа, самозанятый.

Михаил. Типа, да. Но тогда пришлось бы крутиться, и свободного времени совсем бы не оставалось. И, опять же, стаж пенсионный нужно было где-то зарабатывать.

Василий. Во-о-о-т! А я о чём?! Оба мы с тобой одним миром мазаны!

Михаил. Мазаны. Да в разные места... Мне время не для безделья нужно было. Я параллельно ещё и другими делами занимался.

Василий. Да. Помню, как ты в углу за токарным станком прятался и сидел там по полдня, читал что-то... Высидел чего-то? Я думал, ты так просто время убиваешь, книжонки для удовольствия почитываешь... Дома жена, дети не дают, так ты на работе... Всё, кстати, тебя спросить хотел... Ты жену-то себе где нашёл? А то ведь мы за столом своим-то все косточки перемыли, а ты так и остался тёмной лошадкой.

Михаил. В театре.

Василий. В театре?! В каком театре? У нас нет театра... А-а-а... Или ты имеешь в виду театральный кружок в ДК, куда ты ходил?.. Ну, тогда так и говори. А то – в театре!.. Да, помню, как ты раз на работу, после какого-то спектакля, с покрашенными ресницами припёрся... Наделал ты тогда шуму на заводе! Мы и сами чуть все не упали, когда ты в мастерскую зашёл.

Михаил. Да. Было дело... Я тогда льва в сказке играл. Мы перед детскими садами с утра выступали. До обеда меня директор ДК у механика нашего

отпросил. Стёр я тогда после спектакля грим с лица салфеткой, и – на работу... А про ресницы забыл... Мало того, ещё и на автобусе до проходной доехал, всё понять не мог, что это люди так на меня таращатся... В общем, театр... Так ведь он так и назывался – Народный театр Дома Культуры... Да... Сейчас уж того нет... А ты свою, помнится, где-то там же на комбинате нашёл?

Василий. Ну, как сказать... Работала она, и правда, тогда на комбинате, но вот первый раз я с нею встретился не там... Мы тогда, с дружкой моим, Толяном повадились в общагу женскую похаживать, что на Архангельской.

Михаил. Пентагон?

Василий. Вот-вот. Пентагон... Вахтёрша там сидела, ясно дело... Всё как положено. Так мы то в окно залезем к кому-нибудь, то мимо неё проберёмся потихоньку, пока её кто-нибудь отвлекает...

Откуда-то из темноты доносится потрескивание сучьев.

Василий (*дёрнувшись всем телом*). Ё!.. Слышал?! Ходит кто-то!.. Медведь, что ли?!

Михаил (*спокойно, не оборачиваясь на звук*). Может, медведь... А может, и лось... Не бойсь! Если бы это медведица с медвежатами, то, да, это может быть опасно – они же, шалопаи лохматые, везде лезут... Детки... Но мы бы их ещё раньше услышали – они красться не умеют... А взрослые мишки, особенно молодые, любопытны – часами могут за человеком наблюдать, но нападать никогда не отважатся. Волки сейчас тоже не страшны – они только зимой, с голодухи, в стаи сбиваются. А в одиночку они человека боятся... Ещё дед меня учил: нет в лесу зверя страшнее человека!.. Так что не бойсь! Ночью в лесу много чего услышать можно, но в этом нет опасности... Это даже интересно...

Василий. Интересно... А если, всё-таки, выйдет на нас косолапый, что делать?!

Михаил. Да ничего... Лежи, как лежал, и не шевелись, будто не живой. Лучше всего, лицом вниз, а то он может лапой пощупать, убедиться... Понюхает он тебя, да уйдёт. Нужен ты ему!

Василий. А ты?! Убежишь?!

Михаил. Зачем убежишь?.. Убегать начнёшь, как раз ему тем самым интересен и станешь... Да и невозможно это, от него убежать...

Василий. А что тогда?

Михаил. Ветошью можно прикинуться, что я тебе и советую... Можно попробовать напугать. Если не матёрый и не подранок, ещё сильнее тебя перепугается...

Василий. А ты почему ружьё не взял?

Михаил. Какое ружьё? У меня его никогда и не было...

Василий. Как так?! По лесам шатаешься чуть не круглый год... И без ружья?!

Михаил. А зачем оно мне? Зверей я убивать не желаю, а от людей недобрых ружьё не спасёт, если уж на то пойдёт... К тому же, кто ж с собой ружьё таскает по ягоды? Тут уж что-то одно нужно выбирать... Ну-ну? И чего вы там, в Петагоне?..

Василий (*постепенно успокаивается, но иногда всё ещё с опаской поглядывает в темноту*). А чего... Нашли себе по девчонке, что поговорчивее, так с ними и начали дружить, организмами... Меня потом и вахтёрши начали пропускать, как своего – там ведь, в общаге, и семейные жили... Толян – тот

молодец, начал с одной на другую перескакивать... Скандалу было!.. А мне зачем такие заморочки? Мне и так хорошо. Так с ней и сошлись, поженились... Ей потом квартиру выделили от производства, одной из последних... Начало девяностых, сам помнишь – прикрылась эта лавочка халявная... Так неспешно, без особых хлопот и усилий, и стали жить... Дочку нажили, вырастили... Она уж сейчас далеко, в другом конце страны, замужем... А уж потом всё! Никаких больше детей! На кой хрен мне напряг такой нужен?!

Михаил. Всё у тебя легко должно быть, без напряга... А зачем же ты в лес по ягоды со мной напросился? Купил бы на рынке или по объявлению в газетёнке нашей... Тут же ещё как потрудиться приходится! Тебе ли не знать?.. Или молодость решил вспомнить?

Василий. Так ведь дома сидеть ещё хуже! Брал отпуск, думал отдохну, а моя взяла да и ремонт в квартире затеяла... Сегодня с тобой не пошёл бы, пришлось бы плитуса старые отрывать, со шпаклёвкой возиться... А так, и правда, хоть молодость вспомнил... Мы ж тогда, в девяностые годы, хорошо с тобой да с Лёхой ходили. Помнишь?.. Весело было! Особенно, когда он чулок к комбайну приделал и таскался с этой кишкой по кочкам!..

Михаил. Да... Посмешил он нас тогда, изобретатель-рационализатор... Хорошо там было, за Слободчаково – такие ягодники мощные!.. Пока всё не выгорело... К самой железке огонь подходил... Поездами пожарными тушили... Я был там после этого... Вперёд, в сторону реки ушёл легко, а обратно едва по компасу вышел – всё выгорело на полметра вниз, а где и больше... Ни тропинок, ни пней приметных, лишь деревья чёрные стоят, на корнях приподнявшись, как в страшной сказке про Бабу Ягу.

Василий вздрагивает, резко оборачивается, всматривается куда-то в темноту, прислушивается.

Василий. Тихо!.. Слышишь?!

Михаил. Что? Опять тебе блазнится что-то?

Василий. Да, вон... (*Указывает рукой.*) Вон там, между кочками... шорохается кто-то!

Михаил (*невозмутимо*). Успокойся... Это мышь или ещё зверёк какой...

Василий (*недоверчиво*). А какие ещё зверьки тут могут быть?

Михаил. Всяких хватает... И норка водится, и ласка... Выдра тоже может показаться – Ильинка же под боком бежит... Бурундуки, опять же – очень любопытные зверушки. Иной раз, пока вплотную не подойдёшь, не убегает, сидит, на тебя таращится, особенно если насвистывать чего-нибудь...

Василий (*поёжившись*). А змея?.. Змею тут водятся?

Михаил. Да, как не водиться?.. Конечно водятся... Только ведь сейчас не лето, они сейчас по кочкам не лежат, не греются, а прячутся, в спячку впасть готовятся... Да и не тронут они тебя, если сам к ним лезть не будешь или случайно на них не наступишь...

Василий. Наступишь!.. Чем ступать-то?.. Распухла так, что и в сапог теперь не влезет!.. Как теперь идти-то?!

Михаил. Не паникуй... Что-нибудь придумаем... Можно сапог надрезать, да скотчем потом обмотать. Я всегда с собой рулон небольшой таскаю, на всякий случай...

Василий. Надрезать?! Ты чего говоришь-то такое?! Новые сапоги! Летом только купил!

Михаил. Ну, а что ты хотел? Так вот и идти?.. Или думаешь, тебя отсюда кто-то на руках вынесет?.. Нет, Вася. Тебя и втроём по такой дороге не унесёшь!.. *(Пауза.)* Ладно... Если не хочешь сапог резать, сооружу тебе чего-нибудь... Там вон *(указывает рукой)* берёза лежит подгнившая, а береста у неё крепкая ещё, и сняться легко должна... К утру сплету тебе лапоть... Хватит, чтобы отсюда выйти... Сыро, конечно, ноге будет, но всё лучше, чем ничего...

Василий. Лапоть?! А ты что, лапти плести можешь?!

Михаил. Могу... Добрые люди научили в своё время... А, может, опухоль чуть спадёт к утру, и изобретать ничего не потребуется... В общем, всё нормально будет!.. Расслабься и получай удовольствие!

Василий. Удовольствие?! Здесь?!

Михаил. Ну, да. Я же тебе говорил – в любой проблемной ситуации спрячаны новые возможности...

Василий. Ага... Гопники избивали оптимиста Валеру до полужизни...

Михаил. Я не про оптимизм... Я про возможности... Вот, посмотри, например на небо!.. Видишь, какие звёзды?.. А сколько их!.. Осеннее небо самое благоприятное для наблюдений... Ну, где ты ещё такое увидишь?.. В городе?.. Нет! В городе слишком много светового шума. Нет там такого неба!.. А больше ты нигде и не бываешь... *(Указывает рукой.)* А вон, смотри! Смотри!.. Прочертила одна, падающая!..

Василий, задрав голову, пытается разглядеть звёзды в небе.

Василий *(разочарованно)*. Да что мы тут увидим, в такой чащобе?! Два просвета над головой... Как в колодце сидим...

Михаил. Ничего... Тебе, для начала, и этого хватит... А не то, давай в другое место переберёмся, где почище... Я и костёр не поленюсь заново разложить...

Василий. Нет уж! Мне и тут хорошо... На кой ляд мы потащимся ещё куда-то?.. Чего ради?.. Чтобы увидеть ещё пару звёзд?.. А стоят ли они таких усилий?

Михаил. Стоят!.. Несомненно стоят!.. Только спорить с тобой я не буду. Нет, так нет.

Пауза.

Василий. И правда... Я даже припомнить не могу, чтобы ты с кем-то о чём-то спорил...

Михаил. А зачем?.. Только себя распылять по мелочам... Я эту энергию лучше на что-нибудь другое потрачу...

Василий. То есть, если тебя обидят, ты проглотишь эту обиду и молча уйдёшь?!

Михаил. Может, уйду, а может, и нет... Но спорить и доказывать что-то с пеной у рта не стану.

Василий. Почему?

Михаил. Потому что мир вокруг не изменится от того, что я кому-то что-то докажу... И я сам не стану хуже от того, что обо мне кто-то думает плохо и хаёт меня вслух.

Василий. Слишком сложна твоя философия... Моя проще...

Михаил. Не знаю, проще ли, сложнее ли... Мне это и не важно...

Василий. А что тебе важно?

Михаил. Что важно?.. Хмм... Трудно сказать... Я и сам пока не могу этого толком сформулировать.

Михаил поднимается с поваленного дерева, разминает спину, подходит к коробам, достаёт из своего короба полупустой рюкзак, лежащий поверх ягод, подходит к костру, не спеша развязывает рюкзак, достаёт из него скудные припасы, начинает готовить перекус.

Михаил. Видишь ли, я постепенно, с возрастом пришёл к мысли, а точнее, умные люди меня на неё натолкнули, что если ты хочешь изменить течение жизни, которая тебя не устраивает...

Василий. А тебя не устраивает?

Михаил. Ну... Не то, что бы сейчас, а раньше – да, сильно не устраивала... Так вот, чтобы заставить реку сменить русло, изменить течение, нужно изменить саму основу...

Василий. Основу?! Что ещё за основу?

Михаил. Всё, что у тебя внутри: твои взгляды на мир, чувства, ощущения, отношение к людям, к предметам и явлениям... и, вообще, подход к жизни.

Василий. И ты это сделал?

Михаил. И не раз.

Василий. А-а-а... То-то тебя и мотало по жизни из стороны в сторону.

Михаил. Да, всякое бывало... И это тоже... На-ка, угощайся! *(Подает Василию кусок хлеба с ломтиком бекона.)* Сейчас подкрепимся, да на утро ещё останется...

Василий *(оживившись)*. Это можно!.. *(Берёт предложенное.)* Хотя, сало есть мне врачи не велят...

Михаил. Да тут сала-то всего ничего... Хороший бекон... Ешь, не сомневайся!

Василий. А пить что будем?.. Термос пуст.

Михаил. Воды, вон *(указывает рукой)*, целая речка. Ты так про неё хорошо рассказывал, ногу на ней подвернул, а теперь и на вкус попробуешь.

Василий. Сырую?.. А не опасно?.. Дно потом не вышибет?

Михаил. Можно и вскипятить, если боишься. У меня тут котелок маленький припрятан.

Василий. А-а... Ну, ладно... *(Крутит в руках кусок бекона.)* Я лучше вот как сделаю... *(Насаживает бекон на веточку, начинает жарить над костром.)* Как в детстве...

Михаил. Оно, конечно, так, может, и вкуснее, но я бы не советовал...

Василий. Почему? Жареное мясо вредно?.. О здоровье моём печёшься?

Михаил. Точно! Это очень вредно для здоровья, когда на запах жареного мяса придёт мой тёзка.

Василий отдёргивает кусок бекона от костра, затем, ухмыльнувшись, снова подносит его к огню.

Василий. Шутишь?.. Ты же сказал, они не нападают.

Михаил. А он и не будет нападать. Он просто вежливо попросит... Правда, потом штаны в Ильинке полоскать придётся...

Василий. Ладно. Убедил. *(Снимает бекон с веточки, кладёт его на ломоть хлеба, начинает есть. Затем, вдруг, хлопает себя ладонью по лбу.)* Чёрт! Забыл укол сделать!

Михаил. Да, ладно. Не давайся, ешь! Потом сделаешь, успеешь... Много ли тут еды-то?

Оба молча жуют, глядя на пламя костра.

Василий. Так что ты там про основу-то толковал?

Михаил *(после паузы)*. Чтобы не плыть щепочкой по течению и что-то изменить в жизни, нужно сильно над собой поработать...

Василий. Угу... Это точно... Со всеми этими проблемами просто так, с наскока, не разберёшься.

Михаил. Я не про проблемы.

Василий. Это как же?... Жизнь из них только и состоит... От одних ещё как-то можно увильнуть, с другими бороться приходится, решать.

Михаил. Если изменишь ход течения, то и проблемы останутся в старом русле.

Василий. Хм... Интересно... Но тогда появятся новые...

Михаил. Это уж как пить дать... Но и с ними не стоит бороться...

Василий. Это как?

Михаил. Творить!

Василий *(поперхнувшись)*. Что творить?!

Михаил. Что угодно!.. Рисовать, сочинять, лепить, строить... В общем, создавать что-то, чего до тебя ещё не было... А научишься этому, так и жизнь свою можешь реконструировать... Когда человек творит, он становится выше проблем... Они просто перестают быть проблемами!.. Главное – задаться целью, сформировать её, обрести чёткое видение того, что ты хочешь в итоге получить... Вот ты, например, сейчас чего хочешь?

Василий *(неуверенно)*. Ну, до дому добраться... и чтобы нога не болела...

Михаил *(быстро поразмыслив)*. Это ты проблемы насущные решить хочешь, и не более того... Это всё те же рамки, в которых всю жизнь бьёшься, от стенки к стенке... Я же тебе толкую о сотворении, создании чего-то!

Василий. Да ничего я не хочу!.. Что ты думаешь?! Что я сейчас всё брошу и начну ножом из пней фигурки разные вырезать?! Так, что ли?!

Михаил. А, хотя бы и так... Хотя творить можно не только что-то вещественное.

Василий. Что же?

Михаил. Да, даже саму жизнь!.. Свою... Собственную... Вот, что ты хочешь по жизни?

Василий. По жизни?

Михаил. Да.

Василий. Здоровым хочу быть!

Михаил. Вот!.. Вот и задайся целью!.. Сформируй своё видение того, какво это быть здоровым!

Василий *(немного подумав)*. А толку-то?! Это же нереально!.. Просто по мечтать предлагаешь?

Михаил. А ты не думай о том, насколько это реально! Ты делай, твори свою жизнь, создавай себя здоровым, а уж время покажет, что реально, а что

нереально!.. Когда займёшься этим, так и проблемы твои бытовые окажутся сущей ерундой!

Василий *(после паузы)*. Да?.. И много ты натворил... по жизни?

Михаил. Много.

Василий. И чего же?

Михаил. Много всего... И по жизни, и руками... Хотя, кое-что и головой... Всё разошлось по друзьям и знакомым, но что-то и осталось... Не твоя бы нога, так могли бы сходиться до моей избушки – там у меня целый музей...

Василий. Избушка?! У тебя есть своя избушка?! Построил?.. Сам?!

Михаил. Сам. Один. И для себя одного.

Василий. Ну ты даёшь!.. И где она?

Михаил. У реки. Если выйти к ней отсюда, то ещё пару километров вдоль берега...

Василий. Да-а... Интересно было бы посмотреть... *(Пауза.)* А если я не умею творить, тогда что?

Михаил. Учиться... К тому же, как это ты не умеешь?! А кто по ДВП узоры всякие вырезал?

Василий. Так это баловство только было...

Михаил. Нет, Вася. Это как раз не баловство... У тебя очень даже красивые узоры получались... Это как раз то, что нужно... А ты бросил.

Василий. Так ты и сам бросал не раз!

Михаил. Бросал... Но брался за другое!.. Тут ведь главное – не стоять на месте...

Из темноты доносится хруст веток и медвежий рык. Василий дёргается, бледнеет, испугано смотрит в ту сторону. Михаил так же оборачивается.

Михаил. Ага!.. Пожаловал-таки!.. Накаркали мы с тобой, Вася...

Василий *(в панике)*. А что делать?! Делать-то что?!

Михаил. То, что я тебе говорил: лежи и не отвечивай!.. Он нас прогнать пытается... Может, порычит, да уйдёт...

Рык раздаётся снова, ближе и более свирепый. Слышится треск поваленной сушины.

Василий *(хватаясь рукой за левый бок)*. Что же делать?! Как же так?!

Михаил быстро встаёт, хватая рюкзак и плащ, на котором сидел.

Михаил *(возбуждённо, глядя в темноту)*. Напугать хочешь, да?! Ну-ну! Посмотрим, кто кого!

Василий *(держась рукой за сердце)*. Миша!.. Больно-то как!.. *(Слабеющим голосом.)* Миша!

Рука Василия опускается, весь он обмякает. Михаил в это время поднимает рюкзак с накинутым на него плащом над головой, отчего становится похожим на некое гигантское существо, и начинает дико орать в ответ на медвежий рык. Всё это происходит на фоне тревожно звучащей музыки.

Михаил. А ну, пошёл отсюда, баран лохматый!

Михаил продолжает орать, сам переходя на рык, и направляется устрещающей походкой в сторону медведя. Слышится треск сучьев, рык доносится издали, потом вовсе стихает. Стихает и музыка.

Михаил (опуская рюкзак, охрипшим голосом). Вот так-то лучше!.. То же мне, страшила!.. Сам, небось, обделался! Ничего... (Грозит в темноту кулаком.) Появись вот ещё, так я тебе задам перцу!.. (Бросает плащ и рюкзак на землю.) Слышь, Василий, прогнать он нас хотел!.. (Поворачивается, смотрит на Василия.) Вась?! Вась, ты чего?! (Бросается к нему, оцупывает, растёгивает куртку, припадает ухом к груди.) Не-е, Вась, ты это брось! (Рывком укладывает Василия на землю ровно, начинает судорожно делать ему искусственное дыхание.) Ты это брось, брат!.. Умирать он вздумал!.. (Умаявшись, останавливается, ещё раз припадает ухом к груди, затем прикладывает руку к артерии на шее Василия, пытаясь прощупать хоть какое-то биение. Обессиленно садится на землю рядом.) Умер всё же... Что же ты, Вася, со мною делаешь?!

Молча и понуро, Михаил сидит какое-то время, почти без движений. Затем встаёт, подбирает плащ, отряхивает его, накрывает плащом тело Василия. Звучит тихая спокойная музыка, китайские мотивы, сначала как бы издали, затем всё громче. Михаил снимает с себя куртку, кладёт её на землю, выходит на авансцену. Сначала он просто смотрит в темноту перед собой, затем, в такт музыке, начинает выполнять комплекс китайской гимнастики Ба Дуань Цзин.

Занавес.

ПОЭЗИЯ

Марина ЗАЙЦЕВА
(ГОЛЬБЕРГ)

Марина Зайцева (Марина Дмитриевна Гольберг) – член Союза писателей России, член Содружества писателей г. Варны (Болгария). Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Публиковалась в журналах «Сахалин», «День и ночь», «Дальний Восток», «Сихотэ-Алинь», «Аврора», «Смена», «Юность». Лауреат Премии губернатора Сахалинской области. Отмечена наградами МГО СП России. Стихи переведены на болгарский язык.

Живёт в Москве.

Мир вашему дому!

Тревожный сонет

Ирине Глинской

Сентябрь. Ещё деревья зелены.
На лавочку присело бабье лето.
Хотя метель разгуливает где-то –
На самом крайнем севере страны.

В звучание волшебных арф и лир, –
Как в сон блаженный, погружаюсь в мир,
В гармонии с самим собой живущий, –
О тленности не думая грядущей.

Но грозные тучи вдалеке
Бездомно в вышине ползут куда-то.
А тёмно-красный краешек заката
Тревожно отражается в реке...
Ударит в бубен полная луна.
И на рассвете вздрогнет тишина.

Я книгу пишу...

*Рукописи не горят?
(Вопрос к Воланду)*

Я книгу пишу – никуда не спешу.
Я книгу, как будто картину, пишу.

Мазок за мазком – как строка за строкой...
Вожу по бумаге неспешно рукой.

И вот из незримых мельчайших примет
Выходит наружу занятный сюжет.

Пишу и пишу – за страницей страница.
Мелькают события, характеры, лица...

А я с упоением пишу и пишу.
И Музе не жертву – я дар приношу.

И вот уже близок работы венец.
Всё. Кончено. Точка. И я – молодец!

Но вдруг разразилась над миром война.
И нет моей книги... Сгорела она.

Солдату ВСУ

Солдат несправедливой войны,
Ты в их глаза смотри, в их лица:
Чужих детей, чужой жены.
Ведь ты для них – палач, убийца.

Добычи лёгкой ты искал –
Бесславный хат чужих грабитель.
Ты – зверь. И страшен твой оскал –
Жертв безоружных победитель.

Поправ святое: «Не убий!» –
Других на жизнь лишаешь права.
Ведь в жилах у тебя, упырь,
Течёт змеиная отравка!

Они все «ватники», рабы –
Пока над ними ты всевластен.
Не знаешь ты своей судьбы,
Но будет твой конец ужасен...

С Аллеи ангелов Донецк
К глухому миру зря взывает...
Настигнет и тебя свинец –
Финал всегда таким бывает.

Недолго вольнице твоей
Резвиться в гуляй-поле диком.
За кровь детей и матерей
Ответишь на Суде Великом.

Волчья вылазка

Возвращались как с работы:
Утомлённые слегка.
А вернее, – как с охоты.
За спиной у всех «АКа».

Лихо, без сопротивления,
Смерчем огненным прошли –
Превратив село в мгновение
В зону выжженной земли.

И заложников не брали
При набеге в этот раз.
(У бандита нет морали –
На убийство есть приказ...)

Командир вполне доволен:
Всё успели до утра.
(Во дворах лежат и в поле
Старики да детвора).

Он на карте пункт сожжённый
Деловито помечал...
Утром вдруг новорождённый
Из развалин закричал.

Нацик ухмыльнулся криво, –
Вмиг обойму опростав.
Но главарь махнул лениво:
«Мы ещё придём. Оставь...»

...И звенел в весенней сини –
И бесстрашен, и высок,
Во все крошечные силы! –
Новой жизни голосок.

Сергей Пускепалис

Немногословный, хмурый «Ледокол».
А в сердце – нерастроченная нежность.
Невольно встал на вечный ты прикол.
Нелепость! Злого рока неизбежность?

Ты был, по сути, русским мужиком –
Надёжным, и порядочным, и верным.
И знали все, кто был с тобой знаком,
Что ты всегда плечо подставишь первым.

Донбассу ты на помощь так спешил!
Но сделал только шаг на самом взлёте...
Ты добровольцем жизнь свою прожил –
Как рядовой в своей пехотной роте.

Ты настоящим был. Ты не играл.
Не ведающим мужества подросткам –
Вместо отцов пример им подавал.
Пал, как в бою – трагическом и жёстком.

Ты был в душе Орфей и Одиссей...
Капитан... Полярник... Участковый...
Не сыщется в большой России всей
Неповторимый – нежный и суровый.

Материнская явь

Это – сон?! Поскорей бы проснуться –
Сна тенёта с лица стереть.
И в счастливую явь окунуться,
И в сыновни глаза посмотреть.

Бесконечный горячечный бред –
Может, ночь, может, тысяча лет...
То ль обстрела ночной кошмар?
То ли послепожарный угар?

Я одна – с керамической урной,
Что прикрыта салфеткой ажурной,
Мною связанной...

Кончен бой.
Не закрыть мне тебя собой.

Верю в Россию!

Печален стал стихов речитатив.
Исчез из жизни светлый позитив.
Стоим на грани мировой войны.
И ловим вздох последний тишины.

Враги готовят смерть нам, – а не мир.
В разгаре их чумной разгульный пир.
Безумью равен пьяный их азарт.
Ракеты все поставлены на старт.

Спротивляться силе не посмел –
Мир в опиумном сне оцепенел.
Кричит Россия: «Мир, в себя приди!
Ждёт смерть и пустота всех впереди».

Но мир беспечен и пустоголов.
Идёт вовсю там передел полов.
Там в содомию все погружены –
Всем дела нет до мира и войны.

Нас окружила стая злых волков.
Но отобьёмся мы от их клыков.
Мы добрым словом вспомним СССР –
Как стойкости и мужества пример.

Мой клич, как встарь: О, Русь! О, гой еси!
Мир и себя – от гибели спаси.
Победу одержать помогут вновь
Нам Бог, надежда, мудрость и любовь.

Таков удел...

*Сколько немца ни корми,
А он всё равно вождедеет Россию!*
(Автоэпиграф)

Сколько же металла и костей
В этом «гуляй-поле» поместилось,
Гонора, амбиций и страстей
В чернозём безмолвно опустилось...

Что опять здесь потеряли вы? –
Ведь наш климат вам не по здоровью...
Здесь издревле каждый клочок травы
Западных когорт удобрен кровью.

На чужой едва польстившись куш –
Снова подавились русской костью.
Ваш небесный покровитель душ
Только кулаком грозит со злостью.

Но голодной тучей саранчи
Рвётесь по своей недоброй воле
К нам на колосющееся поле.
Разуму учи вас, не учи...

С тупостью ландскнехтов-дураков
На заслон губительный летите –
В войнах, вами начатых, горите.
Или, правда, ваш удел таков?..

Мир вашему дому!

Сколько липкого снега.
Вечный тянется март...
Мёрзнет сердце у века.
Руки жжёт автомат.

Ищешь тропку к жилищу
Наудачу – сквозь мрак.
Ночью по лесу рыщет
Кто-то... Друг или враг?

Пусть не мёд и не сахар –
Жизнь всегда дорога.
Время – солнечный пахарь
Перепашет снега.

И в Донецкие степи,
Пробудив зелены,
Хлынет трепетный ветер –
Грудь расправит земля.

Мир наступит однажды –
Не в огне и в дыму –
И поселится в каждом
Вашем тихом дому.

Россия

Гудят бураны
хлёсткие и злые,
Коростой стужи
даль обложена.
Весна крыла раскинет
над Россией –
От хворей вновь
оправится она.
Её мы обустроим и украсим.
Сожжём в костре
тифозное хламьё.
Настанет на Руси
великий праздник.
Мы молимся усердно за неё.
Ведь преданность стране
у нас не птичья.
На юге птица
жить зимой вольна.
Легко любить Отчизну
в час величья.
Трудней –
когда ослаблена она.
Мы окна ей
широкие поставим.
Венцы заменим.
Выправим пути.
И павших за неё
светло помянем.
И станет нам легко
вперёд идти.

Лирический тенор Сергей Яковлевич Лемешев

Был такой замечательный русский певец Сергей Яковлевич Лемешев. Природа наградила его редкой красоты и тембра голосом, который знатоки оперного искусства назовут потом «лирическим тенором». Но дать такую характеристику голосу Лемешева – это значит не сказать о нём почти ничего. Голос у него был чистым, незамутнённым. Этот голос пленял с самой первой пропетой им ноты, звал за собой с такой убеждённой искренностью, что ваше сердце готово было выскочить из груди от счастья находиться в обществе такого волшебника, который за вас может рассказать в арии, романсе, песне всё, что вы хотели бы, да никогда не сумеете. И сделает это красиво, убедительно, проникновенно и очень внешне просто.

Лемешев был очень знаменит, являлся ведущим солистом оперы Большого театра, носил почётное звание народного артиста СССР, имел много наград, звание Лауреата Государственной премии, входил в очень ограниченную обойму артистов, которых приглашали на закрытые правительственные празднования и застолья.

Сергей Яковлевич Лемешев прославил себя исполнением партий Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин», Бояна в «Руслане и Людмиле» Глинки, князя Владимира в «Князе Игоре» Бородина, Дубровского в одноимённой опере Направника, Берендея в «Снегурочке» Римского-Корсакова, Фауста в одноимённой опере Гуно, Левко в «Майской ночи» Римского-Корсакова, Ромео в опере «Ромео и Джульетта» Гуно, герцога в «Риголетто» Верди, графа Альмавива в «Севильском цирюльнике» Россини, Альфреда в «Травиате» Верди.

В него влюблялись все женщины Советского Союза, а театральные поклонницы называли себя «лемешистками» в отличие от «козловитянок», поклонявшихся Ивану Семёновичу Козловскому. Справедливости ради отметим,

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

что общее количество «лемешисток» значительно превосходило «козловитянок».

Уже зная всё рассказанное, как же важно помнить и не забывать, с чего всё начиналось.

Представим себе глухую и бедную Тверскую губернию конца девятнадцатого и самого начала двадцатого века. В деревне Старое Князево у очень бедных, по существу нищих, простых необразованных крестьян Якова Степановича и Акулины Сергеевны Лемешевых один за другим рождаются дети, обречённые на такую же нищету и прозябание, какое досталось их родителям. Семью подстерегает беда за бедой. Сначала умерли старшие дети. Болезни не забрали в свои цепкие лапы только двоих: более старшего – Сергея и самого младшего – Алексея. Выжившие дети были ещё совсем маленькими, когда Акулина Сергеевна овдовела. Пришлось ей поднимать двух мальчишек одной.

Чтобы прокормиться и хоть как-то свести концы с концами, Акулина Сергеевна работала от зари до зари: в поле, на лугу, в лесу, на своём участке, на участках соседей. Сергей был хорошим помощником матери. Он собирал в лесу ягоды, грибы, орехи, на лугу – крапиву, щавель и растения с полезными лечебными свойствами. С ранней весны и до поздней осени мальчишки бегали по земле и траве босиком. Как-то поздней осенью, когда по ночам уже прихватывал мороз, старушка-соседка увидела Сергея босым. Кожа на его ногах была красна, как гусиные лапы. Сердобольная соседка сходила в дом и вынесла мальчику из своего хозяйства множество старых тряпок. Потом из них соорудили онучи и Сергею, и Алёшке.

Если бы не революция, и Сергею, и его брату Алексею была уготована судьба отца. А после революции недалеко от их деревни в усадьбе её бывшего владельца открыли художественно-ремесленную школу-мастерскую для одарённых крестьянских детей. Их стали обучать строительному ремеслу, чтобы дать людям заработок и шанс не умереть с голоду.

Как раз при этой школе-мастерской образовался любительский кружок из молодых людей, затеявших ставить любительские спектакли.

А крестьянские дети, как и их родители, были от природы талантливы. Во-первых, они в общении изъяснялись правильными русскими словами и фразами без всяких говорков, неправильных ударений, слов-паразитов и другого языкового мусора. Во-вторых, все были носителями очень уважительного отношения к старшим и очень мягкой манеры общения со сверстниками. В-третьих, все любили петь и умели хорошо петь и в одиночку, и хором.

Сергей пел с тех самых пор, как себя помнил. Песня особенно подбадривала при прогулке в лес, на луг, на реку в одиночестве, а также при постоянной хозяйственной работе.

Сергей Яковлевич Лемешев

Упомянутая художественно-ремесленная школа была открыта в усадьбе её бывшего владельца инженера-архитектора Николая Квашнина. Его же сделали и заведующим школой.

Квашнин был личностью незаурядной. Это был настоящий интеллигент, поэт и страстный театрал. В своё время он учился в Петербурге в Российской Императорской художественной академии и окончил её. Для сравнения подскажем, что эту же академию окончил и старший брат Карла Брюллова – Александр Брюллов, ставший хорошо известным архитектором. Квашнин был хорошим профессионалом. Его как архитектора привлекали в Москву во время строительства гостиницы «Метрополь», Третьяковской галереи и многих других известных и достопримечательных зданий.

Квашнин сразу же обратил внимание на особый неповторимый голос Сергея Лемешева, ввёл простого крестьянского парня в свой дом, представил супруге, имевшей музыкальное образование и хорошо игравшей на рояле.

Дом у Квашниных был замечательным. В нём царил творческая атмосфера, собиралась молодёжь, которой помогали ставить любительские спектакли, готовить концерты и осуществлять всё для публики.

В доме Квашниных Лемешев понял и осознал, что пение – это целая мудрёная наука, связанная с голосовыми связками, мышцами горла и гортани, правильно, умело поставленным дыханием с привлечением диафрагмы, чёткой дикцией, учётом роли естественных пазух-резонаторов в области лица и носа. Это была первая встреча с профессиональным ремеслом. Она не оттолкнула Сергея сложностью предстоящего овладения ею, а ещё больше раззадорила его.

И важно, что именно в доме Квашниных Лемешев познакомился с настоящей классической оперной музыкой и осознал всё её величие и поразительное прямое влияние на душу, настроение человека. А оперный театр отличался ещё потрясающим созвучием нескольких разных мужских и женских голосов, хора, оркестрового сопровождения. Супруги Квашнины помогли ему осознать в себе талант и судьбу оперного артиста и занимались с ним индивидуально.

Сергею Лемешеву очень захотелось начать свою карьеру, как можно скорее выступить перед публикой. В суровый зимний морозный день, встав пораньше, он покинул свою родную деревню и пешком отправился в Тверь, до которой нужно было шагать по холоду около пятидесяти километров. И он дошагал, пришёл в городской клуб, которым руководил композитор, капельмейстер и певец местного гарнизона Красной Армии Николай Михайлович Сидельников, и с порога заявил руководителю: «Хочу у вас спеть!».

В ту пору настоящие интеллигенты к талантливым самородкам из народа относились чутко, внимательно, не отказывали с порога, а пытались разобраться в существе дела и искренне помочь. Лемешева отогрели, накормили и прослушали. Удивительной красоты голос и естественная манера исполнения, которые пестовали в нём супруги Квашнины, произвели на Сидельникова, его помощников и особенно активных певцов хора, присутствовавших при прослушивании, очень сильное впечатление. Решение и ответ были однозначными: «Пожалуйста. Мы будем только рады».

Как же хорошо Сергея Лемешева приняла публика! Ему хлопали, аплодировали, кричали «бис!», просили петь ещё и ещё. Но даже такой успех когда-то заканчивается. После концерта Лемешеву пришлось опять идти пешком те же пятьдесят километров, только на этот раз из Твери в родную деревню.

Обратно Сергей летел, как на крыльях. Сидельников подсказал ему, как оказаться в городе.

Весной Лемешев снова отправился в Тверь, поступать в кавалерийское училище. И поступил. Курсанты училища служили в армии, бесплатно обучались, обеспечивались бесплатным обмундированием, бесплатным питанием, бесплатным проживанием в казарме и стипендией. Для нищего и не имевшего образования крестьянского парня это были райские условия.

В училище Сергей Лемешев проучился полтора года. Он был дисциплинированным курсантом, а как пел! Командиры поддержали талантливого человека и дали ему рекомендательное письмо в Московскую консерваторию, чтобы он имел возможность принять участие в прослушивании.

В 1920 году восемнадцатилетний Сергей Лемешев успешно прошёл и это испытание и был зачислен в консерваторию студентом. А в 1924 году Сергей Яковлевич, продолжая учиться в консерватории, поступил в оперную студию Константина Сергеевича Станиславского. Его первой театральной работой в оперной студии стала партия Ленского в опере Чайковского «Евгений Онегин». Как потом подсчитали, Сергей Яковлевич Лемешев участвовал в 501 спектакле «Евгения Онегина». В одном из них, дневном, в первый день нового года, послушать Ленского в исполнении Лемешева посчастливилось и мне. Каким же надо было обладать уважением к своему делу, чтобы выступать на сцене Большого театра 1 января в утреннем спектакле. Это значит, что никакой полуночной встречи Нового Года, которую мы, простые смертные, никогда не упустим, Сергей Яковлевич из уважения к зрителям, Большому театру и Петру Ильичу Чайковскому себе не позволил. Вот, что такое прекрасный артист и всенародно любимый тенор!

После окончания консерватории руководивший его подготовкой профессор помог ему подготовиться к конкурсному прослушиванию в Большой театр и хорошо представил его дирекции. С.Я. Лемешев прошёл конкурсное прослушивание с успехом и был зачислен в оперную труппу. Через несколько дней Сергея Яковлевича вызвали в дирекцию и предупредили, что сначала ему будут давать только маленькие роли. И вот тут Лемешев, поблагодарив дирекцию за заботу, заявил: «Спасибо, но я уже подписал контракт со Свердловской филармонией, где мне предоставляют право петь главные партии. А к вам, в Большой театр, я приеду лет через пять».

С.Я. Лемешев после выпуска из Московской консерватории сначала работал в Свердловске, потом в Китае в Харбине, затем в Грузии в Тбилиси. Солистом Большого театра он стал в 1931 году, но уже на очень хороших условиях.

Творческая жизнь Сергея Яковлевича сложилась успешно. Безусловно, как вокалист он состоялся и вырос в ведущего оперного певца всей страны. Это потребовало от него фантастического труда, дисциплины, преданности избранному делу. Он пел в Большом театре самые яркие партии оперного репертуара, участвовал в концертах, пел на радио. Он преподавал в Московской консерватории и руководил Оперной студией при ней. Под его руководством были поставлены оперные спектакли в Малом оперном театре в Ленинграде. Некоторые оперы с его участием были экранизированы. Наконец, он проявил себя прекрасным киноартистом и вокалистом в известной всей стране кинокомедии «Музыкальная история».

А ведь судьба Лемешева могла сложиться совсем иначе. И этому есть доказательства.

Известно, что учиться пению в доме Квашниных Сергей Яковлевич начинал одновременно со своим младшим братом Алексеем Яковлевичем. Квашнины не могли не обратить внимания на самой природой поставленный голос Алексея. Квашнины считали, что у Алексея голос сильнее, чем у Сергея.

Алексей позанимался-позанимался у Квашниных, убедился, сколько пение отнимает сил, какого требует ежедневного постоянного труда, дисциплины, самоограничения, и отказался от идеи стать певцом. Ему просто надоело заниматься. И если Сергей ради того, чтобы научиться профессионально петь – петь так, как оперные певцы, готов был заниматься часами, Алексей смотрел на мир более приземлённо. Он бросил занятия, женился, занялся деревенским хозяйством.

Прошло много времени. Сергей был уже солистом оперы Большого театра. Алексей приехал на несколько дней к брату в столицу. Голос у него сохранился. Сергей обратился в дирекцию театра и попросил прослушать брата. Сергеем пошли навстречу. И на прослушивании Алексей Лемешев продемонстрировал такой великолепный природный голос, что комиссия, отметив красоту, чистоту, силу голоса, поставленного самой природой, приняла решение принять и младшего Лемешева в труппу Большого театра. Но терпения для систематической работы у Алексея Яковлевича не хватило. Он ещё раз убедился, какой это каторжный труд, требующий дисциплины и самоограничений. Это оказалось не по характеру Алексея Яковлевича, и он уехал обратно в деревню и так и прожил оставшуюся жизнь в глухой деревне Тверской области.

Когда природа наделяет человека талантом, она одновременно очень сурьёзно испытывает его. Хочешь быть обыкновенным – живи, как все, не высовывайся. А уж если осознал, что в чём-то талантлив от природы, помни, что успеха добьёшься только при ежедневном каторжном труде, самодисциплине и умении оградить себя от соблазнов – лени, обжорства, пустого времяпрепровождения, надежды получить всё и сразу, разбрасывания себя по мелочам на ненужное.

Если бы старший брат пошёл дорогой младшего, мы бы никогда не узнали великого вокалиста и артиста Сергея Яковлевича Лемешева.

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Покуда помним про молитвы...

Хотя бы день такой, чтоб не соврать,
Ну так, по пустякам, на всякий случай,
Тогда, даст Бог, не сунется в кровать
Бессонница пружиною скрипучей.

Не факт

Что не вменял себе заслуг,
Чужим достоинствам что верил,
Что не держал друзей за слуг,
Не факт, что я не лицемерил.
Что не менял подруг себе,
Доверившись одной невесте –
Не факт, что пёкся о судьбе
Заложницы замужней чести.
Что не служил при должностях,
Не составлял подмётных строчек,
Ещё не факт, чтобы в гостях
Меня до нецензурных точек,
Чиня по-родственному суд,
Благословляли на инсульт.

Помогут ли тебе врачи,
Когда молитва в коме
И тень погашенной свечи
Струится по иконе?

Луна, надолго ли кругла,
Опять, как мяч, упруга?
Бессонницу мне принесла.
Не жалко, раз для друга.

Что глаз положен на меня
Луной, мне незадача:
Не до крылатого коня,
Когда не дремлет кляча.

Пока плафон луны висит
На дальнем небосклоне,
Я пропущу её визит,
Зашторив окна в доме.

...Пролечу кометой,
Опясаю круг
Над моей планетой,
Восприму на слух
Океан Вселенной
В звёздной вышине,
И душой нетленной
Сдамся тишине...
Так ли до рассвета
Завершится акт
Пьесы для поэта?
Думаю, что так.

Постом себя не подлечил,
Зато (пускай всё так же болен)
Приглашена на куличи
Душа, что у меня в неволе.

Подарен мне ещё денёк
(На Пасху радостна отсрочка).
Вот и лампадки огонёк,
Как вербы лопнувшая почка.

Иконостас

Люблю в углу иконостас,
Переставлять на нём иконы.
Чуть отступил, прищурил глаз –

Нет, ангелы не по канону,
Угодник Божий высоко,
А преподобный далеко.
Чин Деисуса не нарушен?
Лик Богородицы здесь нужен,
Она пред Господом сейчас...
Так и ушёл молитвы час.

Господи мой, Боже,
Господи, прости.
Не сумел, похоже,
Веру обрести.

Гор не потревожил,
Сколько ни корпел...
И, выходит, Боже,
Даром, что потел.

Господи мой, Боже,
Господи, спаси.
Раз никто не может,
Сам меня паси.

Сам меня Ты, Боже,
Поделом брани,
Но от брани, всё же,
С близкими храни.

Сохрани от жажды
Хвастовства и лжи.
Было. Не однажды.
Так что, накажи.

Господи мой, Боже,
Господи, прости.
Что во мне негоже,
Впредь не попусти.

Господи мой, Боже,
Строг иконы лик.
Нерадив я. Всё же
Твой я ученик.

На Тебя надежда,
Отче, на Тебя,
А не то в невеждах
Разгляжу себя.

Мобилизация. Война.
Без выходных. Без передышки.
Уже не первая весна
Там, где вчерашние мальчишки
Героями на поле битвы
В непобеждаемом строю,
Покуда помним про молитвы
За них и Родину свою.

ПАМЯТЬ

Михаил ОРДЫНСКИЙ-
ДАВИДОВ

Свидание с Александром Вампиловым

17 августа 1972 года, трагически оборвалась жизнь Александра Валентиновича Вампилова.

Судьба отпустила ему до обидного мало – только 11 лет литературной работы. Но его пьесы «Старший сын», «Прощание в июне», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» вошли в золотой фонд мировой драматургии.

При жизни этого скромного провинциала московские литературные «мэтры» и партийные надсмотрщики над литературой не сумели оценить по достоинству, не желали ставить в театрах его пьесы, жестоко терзали, прорабатывали, обвиняя автора в недостаточной идейности произведений.

Вот так же травили, мешали жить и творить Василию Шукшину, Николаю Рубцову, Валентину Распутину. И ещё сотням российских провинциальных писателей.

Но жизнь всё расставила по местам.

Полвека нет с нами Александра Вампилова. Но его пьесы живы, их ставили и ставят в 112 странах мира!

Когда идёт спектакль по произведению Вампилова, в зале нет равнодушных лиц, все живут одной жизнью с героями, взятыми из их реальной повседневной жизни. Вместе с Вампиловым в театр пришли искренность и доброта, истинная любовь человека к человеку.

Вот такие мысли обуревали меня, когда я в июле 2021 года слушал мерный стук колёс поезда, который мчал меня через всю Россию в Иркутск и на озеро Байкал.

Главной целью поездки было продолжение знакомства с теми местами, где жил и творил замечательный драматург, один из моих кумиров (Первая поездка с этой целью состоялась в июле 2018 года). Словом, я отправился на новое свидание с Александром Вампиловым.

Иркутск и Байкал встретили меня очень холодной погодой. Температура воздуха 14-18°C, температура воды в Байкале 5-6 °C. Все ходят в

Михаил Иванович Давидов – доцент Пермского медицинского университета, кандидат медицинских наук, врач высшей категории, автор 10 медицинских статей. Член Союза писателей России, автор 6 документальных повестей о жизни великих писателей – «Дуэль Пушкина», «Дело №37», «Бунт души», «Тайна смерти Гоголя» и других, опубликованных в журналах «Москва», «Урал» и отдельными изданиями, а также 65 статей по истории жизни Ф.М. Достоевского, П.И. Багратиона и других выдающихся русских людей, опубликованных в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт» и других. Включён в энциклопедию «Отечественная медико-техническая наука» (2013), лауреат премии Лермонтова, кавалер ордена Достоевского.

Живёт в Перми.

«Белый дом». В этом здании находится научная библиотека Иркутского университета, в которой сотни раз долгими часами занимался студент Александр Вампилов.

(Здесь и далее – фото М.И. Ордынского-Давидова).

курточках и плащах и восклицают: «Да на Байкале, однако, теплее и не бывает!», отвечая на мои глупые вопросы о погоде.

Вампилов всю жизнь прожил в Иркутской области. Первая моя остановка – железнодорожная станция Кутулик. Здесь и родился 19 августа 1937 года Александр Валентинович Вампилов. Посёлок малюсенький, малоэтажный, окружён таёжными лесами. Но здесь Саша впитал в себя настоящий сибирский, русский дух, впервые ощутил страстную тягу к литературе. И, окончив 10 классов, поступил в Иркутский государственный университет.

Я стою на улице Карла Маркса, у административного корпуса Иркутского университета, которому в 2018 году исполнилось 100 лет! Когда в него поступил Вампилов, все студенты сначала учились в соседнем корпусе (Бульвар Гагарина, 20), а затем филологи переехали в этот учебный корпус. Саша Вампилов занимался в аудиториях 2-го этажа, где тогда размещался филологический факультет. Окна этих аудиторий смотрят на соседнее здание, так называемый Белый дом.

В то время там размещалась научная библиотека университета. По воспоминаниям преподавателей, Саша Вампилов, в целом учившийся хорошо, частенько сбегал с наиболее скучных лекций в Белый дом, где часами сидел за книгами любимых авторов или постигал тайны драматургии, вникая в искусство сочинения пьес. Он, весёлый и общительный, временами нуждался в уединении, осмыслении прочитанного и пережитого.

Публиковаться начал рано, писал статьи в местные газеты, а из литературного – только рассказы. Товарищи по курсу считали, что из него вырастет мастер коротких рассказов, второй Чехов или О'Генри.

Но он увлёкся драматургией.

Уже на первом курсе осенью студентов направили на уборку картофеля в колхоз. Саня Вампилов предложил устроить для жителей посёлка концерт. Главной частью и изюминкой последнего была пьеса Чехова «Свадьба», постановкой которой занялся Саня Вампилов, репетируя с друзьями вечерами после работы в поле. Юных артистов и 18-летнего режиссёра ждал грандиозный успех. Сельские жители, до отказа заполнившие клуб, не скупились на аплодисменты!

Недалеко от корпуса университета и Белого дома, за драмтеатром, возвышается своими мачтами стадион «Труд». Саня Вампилов не был хилым

слабаком, просиживающим целыми днями за одними книгами. Он был стройным и атлетичным. Несколько раз в неделю приходил на стадион, под руководством тренеров успешно занимаясь лёгкой атлетикой. Увлекался также футболом, волейболом, боксом, плаванием.

Улицу К. Маркса (бывшую Большую) он очень любил. Она выходит прямо на набережную Ангары, где был сад Парижской коммуны. Вход в него был платным. А какие у бедных студентов деньги? Саня Вампилов с друзьями любили перелезать через внушительный чугунный забор. Однажды их обманули дружинники, спрятав повязки и крикнув: «Перелезайте! Милиции нету!», а потом отвели в отделение, где оформили протокол. Кстати, Саня Вампилов имел ещё один привод в милицию, когда, защищая девушек, подрался с «зэками», работавшими в Иркутске на «химии». И даже получил от них лёгкие травмы. Виновниками признали заключённых.

Сейчас решётки по периметру сада нет, современные студенты ходят по нему свободно, взирая без особого почтения на гигантскую фигуру императора Александра III, чью голову облюбовали вороны и байкальские чайки.

Я знал адрес, по которому официально жил студент Вампилов. Это была избушка 4×3 м, которая стояла во дворе деревянного дома. Там Саня жил с бабушкой и старшим братом Михаилом, геологом. Поехал искать «избушку» на улицу 3-я Железнодорожная. Долго ходил по этой современной улице с высотными домами, расспрашивая. Приехал назад, к иркутским литераторам, которые посмеялись надо мною и ехидно так спросили: «Ну, что, Михаил, нашёл домик Вампилова?» Они, оказывается, знали, что он давно снесён, но специально утаили это – «пусть пермяк – солёные уши походит, поищет». Решили пошутить. Обидевшись, я их поддел: «А почему вы дали властям домик Вампилова снести? Вот ведь стоят в г. Чусовом домишко Виктора Астафьева, а в Нижнем Новгороде – изба М. Горького, прямо посреди современных домов!». Злость засверкала в их сибирских глазах. Нет, пожалуй, плохие они наследники Вампилова! Ведь он призывал к доброте и любви к людям!

Понятно, что в домике размерами 4×3 м втроём жить было тесно. Поэтому Саня частенько проводил вечера и даже ночевал в общежитии. Оно располагалось в здании бывшей Харлампиевской церкви, что возвышается на пересечении улиц Горького и 5-й Армии. Купол и кресты были снесены, а вместо монашеских келий соорудили комнаты для студентов, в которые втиснули железные кровати. Студентам запомнились необычайно высокие потолки – лампочка висела на 4-метровом проводе, но свод уже не освещала, и потолок виделся в полумраке. Саня был завсегда в общежитии, сутками не бывая дома. Спал на койках студентов, которые подрабатывали в ночную смену.

Жили в общежитии очень дружно. Увлекались музыкой, причём не только эстрадной, но и классической. Доставали и слушали пластинки Моцарта, Бетховена, Чайковского, Глинки. Саня Вампилов и его близкие друзья состояли в струнном оркестре университета. Вампилов виртуозно играл на мандолине и неплохо – на гитаре и домбре.

Часто в комнатах общежития устраивали шумные шуточные бои. Боевым оружием были подушки и увесистые томики Ленина. Из окон был виден Дом писателей, куда они бегали на «Литературные пятницы».

Девушек-однокурсниц уважали. На первом курсе часто влюблялись, но после успокаивались и относились, как к сётрам, не обижая их.

Харлампиевский храм, в котором раньше располагалось общежитие Иркутского университета, когда в нём учился Вампилов.

Я стою на пересечении улиц Горького и 5-й Армии и люблю Харлампиевский храм. У университета он давно отобран и, после реставрации, превращён в действующий. Храм величественный, нарядный, с белоснежными стенами, украшенными лепниной, с золотыми куполами и крестами, устремлёнными в небо.

Беседую со священнослужителем. Он в рясе, с чеховской бородкой. «Михаил, вы первый за полгода, кто спросил у меня о Вампилове. Все спрашивают о Колчаке, который в 1904 году венчался в этом храме с Софьей Омировой, – спокойно и уважительно говорит батюшка. – Ничего внутри, к сожалению, показать не смогу. Нет уже тех комнат, в которых бывал Александр Вампилов. Ведь мы всё перестроили». Но он ведёт меня к наружной стене храма и показывает окна 2-го этажа: «Это окна тех комнат, где жили однокурсники Вампилова и где он часто бывал». Я с благоговением смотрю на них. Батюшка прощается и спрашивает: «А вы, Михаил, верующий?». Мне не хватает смелости соврать ему: «Крестик ношу, крещёный. Но верю наполовину: не соблюдаю посты, и вызывает сомнение существование загробной жизни». Батюшка, покачав головой, говорит: «Верить наполовину невозможно – вера или есть, или её нет». Мы прощаемся, а я думаю: «Трудно поверить в Бога, когда тебя воспитывали в духе атеизма!»

Мой путь пролегает по улице 5-й Армии – одной из самых любимых Вампиловым. По ней он проходил сотни или даже тысячи раз: из общежития на занятия, в университет, библиотеку (Белый дом), стадион «Труд», а позднее, после студенчества, – к драмтеатру и в Дом писателей, который располагался на этой улице. Здесь, около «планетария», снимала квартиру первая жена драматурга.

Улица 5-й Армии утопает в зелени, тенистая и уютная. Редко по ней проезжают машины. Подхожу к дому 20, фотографирую его. Здесь проживал друг писателя, актёр драмтеатра Валерий Алексеев, который исполнил роль Сильвы в легендарной 1-й постановке «Старшего сына» 1969 года. Саня Вампилов, закончив университет, частенько приходил к другу домой, они долго

Бывший планетарий (ныне – восстановленный Троицкий храм), описанный в пьесе «Утиная охота». Вид из окон домика, в котором жила первая жена Вампилова – Людмила Добрачева.

беседовали, обсуждали творческие планы и жизнь. На противоположной стороне улицы замечаю двухэтажный деревянный, типично сибирский дом, очень похожий на тот, который описан в пьесе «Старший сын». Быть может, и замысел этой пьесы родился в голове Вампилова после наблюдения за жителями этого старинного дома.

Наконец, я у знаменитого здания бывшего планетария, описанного Вампиловым в пьесе «Утиная охота». Меня охватывает ощущение озноба и трепета – ведь здесь протекала жизнь самого Вампилова, и эти места вошли в его произведения.

Я застыл на углу улицы 5-й Армии, откуда открылся прекрасный вид на перекрёсток Чкалова и Степана Разина. Здесь при жизни Вампилова стояла круглая театральная тумба, возле которой познакомились Таня и Колесов («Прощание в июне»). Я поворачиваю голову назад и вижу стоящий за мною величественный Троицкий храм, ныне действующий. В советское время в храме был размещён планетарий, описанный в «Утиной охоте». Посетив храм, я обхожу по кругу его строения в поисках двух деревянных домиков, описанных в той же «Утиной охоте». И нахожу эти домики. Они одноэтажные, старые, а окна их выходят на «планетарий» (Троицкий храм). В одном из этих домиков жила первая жена писателя, Людмила Добрачева. Отношения в первом браке у Сани были сложные. Однажды он, после очередной ссоры с Людмилой, выскочил из домика, в сердцах грохнул о калитку свою гитару, разбил её вдребезги, а щепки забросил в палисадник.

Со второй женой Сане повезло больше. Они жили с Ольгой недалёко от Ангары, в пятиэтажном доме из красного кирпича по адресу: ул. Дальневосточная, дом 57а. С этим домом, который я, не поленившись, съездил и осмотрел, связаны лучшие сцены из «Утиной охоты». Например, пламенное признание Зилова в любви и красочное описание утиной охоты, которые случайно выслушала «Ирина» (Ольга). Здесь же произошло то новоселье, на которое к Вампилову пришли его лучшие друзья и в качестве подарка принесли лавочку с улицы. Эпизоды этого новоселья драматург не преминул включить в «Утиную охоту».

Наверное, самое знаковое и символичное место в городе, связанное с Вампиловым, – это здание Иркутского драматического театра им. Н.П. Охлопкова.

Иркутский драматический театр им. Н. П. Охлопкова, в котором в 1969 году была впервые в истории поставлена пьеса А. В. Вампилова.

Именно здесь состоялось крещение А. Вампилова как драматурга. До этого его произведения публиковались лишь в местных альманахах, а пьесы никто не ставил. В 1969 году Иркутский драмтеатр решил рискнуть, и режиссёр Владимир Симоновский начал готовить спектакль «Старший сын». В работе непосредственно участвовал сам автор, который после очередной репетиции спросил у режиссёра: «Что ты с ними так скрупулёзно работаешь? Я же всё написал, пусть просто выйдут и сыграют». На что Симоновский ответил: «Ты это прочувствовал, а они видят одни тексты. Я должен возбудить в них то, о чём ты и написал пьесу».

Первая постановка «Старшего сына» имела бешеный успех. Зал рукоплескал стоя, зрители кричали «Браво!». Именно с этой легендарной постановки началось триумфальное шествие пьес Вампилова по всей стране. Впрочем, пьесы сибирского драматурга охотно ставят и в других странах мира.

Через некоторое время я выехал из Иркутска на Байкал к месту трагической гибели Александра Вампилова. Обстоятельства её по документам и воспоминаниям очевидцев мною собирались более 30 лет, а сейчас предстояло на местности разобраться в случившемся.

На Байкале, поселившись в Листвянке, провёл несколько недель. Результаты проведённых исследований будут опубликованы в дальнейшем, так как они очень объёмны и опровергают многие положения общепринятой версии обстоятельств гибели Вампилова.

Кратко, не раскрывая основных положений своей версии, приведу здесь лишь некоторые факты, показывающие, как утонул Вампилов.

19 августа 1972 года ему исполнилось бы 35 лет. Напряжённо работая над очередным шедевром – водевилем «Несравненный Наконечников», Вампилов не желал отвлекаться на празднование дня рождения. Поэтому он уехал из Иркутска и поселился в посёлке порта Байкал в доме знакомого писателя Глеба Пакулова. Общепринятая версия – 17 августа днём Вампилов и Пакулов на моторной лодке отправились на другой берег Ангары за водкой для празднования дня рождения драматурга. Ознакомившись с документами и всеми обстоятельствами дела, я установил лживость этой официальной версии. Оказывается, весь день 17 августа 1972 года Вампилов провёл в Иркутске! Вернулся только вечером. Вчетвером (Пакулов, Вампилов и их жёны) ловили рыбу на Ангаре, сначала у Молчановской пади, затем у посёлка Никола.

Высадив жён вблизи дома, они продолжали ловить рыбу у посёлка Никола, но клёва не было. Поэтому отправились рыбачить к Байкалу, пройдя на моторной лодке по Ангаре к её истоку. Однако на Байкале бушевал шторм. Стало понятно, что рыбачить здесь невозможно. Нужно было разворачиваться назад. Пакулов совершил крутой разворот моторной лодки на 180°. Именно во время рискованного виража большая волна накрыла и перевернула малоустойчивую и технически неисправную моторную лодку Пакулова (она не имела булей – бортовых крыльев для устойчивости, – а мотор был очень тяжёл и не соответствовал классу лёгкой лодки «казанки»). Версия Пакулова, что лодка ударилась о топляк (бревно) голословна и не подтверждается материалами дела.

Лодка перевернулась, встав носом кверху, а корма её с тяжёлым мотором ушла под воду. Глеб ухватился за днище и начал истошно кричать. Позже в печати появилось утверждение, что он не умел плавать, однако я нашёл свидетельства, что Пакулов плавал даже лучше Вампилова.

Что было делать Александру? Лодка стояла торчком в очень неустойчивом положении, готовая вот-вот затонуть. Двоих она бы точно не выдержала. Поэтому Вампилов был вынужден плыть к берегу. Вода была ледяной (5°C), очень большие волны в любой момент могли накрыть пловца с головой, а плыть до берега надо было (по моим данным) около 300 метров, в телогрейке и высоких туристских зашнурованных ботинках, сбросить которые он не смог.

Александр мужественно плыл к берегу. Но длительная тяжелейшая работа в ледяной воде привела к истощению миокарда (сердечной мышцы) и затем к остановке сердца. По показаниям свидетелей И. Пядушкиной и В.И. Кузьминского, Вампилов утонул в 8-10 метрах от берега, на мелководье, когда ему уже вроде бы на мгновение удалось встать на ноги. Но, потеряв сознание, он упал в воду и остался там лежать, захлебнувшись.

Двое юношей в это время гребли на лодке к Пакулову, который громко кричал и привлекал к себе всё внимание. В итоге Глеба спасли, а Вампилов погиб. Никто из стоявших на крутом берегу людей не рискнул спуститься вниз и оказать ему неотложную медицинскую помощь. Виктор Кузьминский вытащил Вампилова из воды, но всё оказание помощи заключалось в похлопывании по щекам, а проходившая мимо старушка открыла ему веки и сказала, что он, наверное, уже умер. Между прочим, Листвянская больница располагалась очень близко, а дорога на склоне была полна машин, которые могли быстро доставить пострадавшего в больницу.

Наручные часы Вампилова «Полёт» были водонепроницаемые и поэтому остановились, когда он плыл. Они показывали время 8 часов 23 минуты (20:23), а в карманах его оказалось около 5 рублей, что полностью исключает версию поездки за водкой для юбилея (в 1972 г. водку продавали до 18 часов, а денег бы хватило только на 1 бутылку).

На крутом берегу Байкала в месте гибели Вампилова стоит памятный знак. На белом мраморе стелы высечены слова: «17 августа 1972 года здесь утонул Александр Вампилов». От самой стелы до конкретного места гибели более 80 метров крутого склона. В течение нескольких дней я изучал это место. Оно расположено не в Листвянке, как все почему-то считают, а на территории, относящейся к посёлку Никола. Обследовал я и дно в районе гибели, для чего залез в воду при её температуре в 6°C. Оно здесь каменистое, и в 8-10 метрах от берега вода достигает уровня груди и шеи. Таким образом, действительно, как показали Г. Пакулов и другие свидетели, драматург мог

Памятный монумент у места гибели А.В. Вампилова на озере Байкал.

уже встать на ноги. Но сердце его уже не выдержало, наступила остановка сердечной деятельности, Вампилов потерял сознание и упал в воду.

Перед отъездом из Листвянки я пришёл к месту гибели Вампилова с моим новым другом, обретённым на берегах Священного моря. Вдруг небо потемнело, началась гроза. Словно сама природа негодовала и скорбела, что на этом месте так рано ушёл из жизни такой замечательный человек. Молния выхватила из темноты моё напряжённое и скорбное лицо в тот момент, когда была нажата спусковая кнопка фотоаппарата.

Возвратившись в Иркутск, я пришёл в сквер около драматического театра к памятнику Вампилову, чтобы исповедаться и поклониться великому драматургу.

Вампилов, отлитый в бронзе, гордо и независимо стоял на постаменте, засунув правую руку в карман. Взгляд его был ясен и чист.

Его ровесники давно состарились, устали бороться и лишь с обидой смотрят, как рушатся их светлые идеалы.

А он, молодой, смелый и чистый душой, гордо шагает вперёд, в своё бессмертие.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий МИЛОВ

Дмитрий Михайлович Милов – родился в с. Орудьево Дмитровского района Московской области 8 июля 1983 г. Образование – высшее юридическое. Поэт. Член Союза писателей России. В 2009 г. вышел первый сборник стихов «Между двумя», в 2014 г. – сборник стихов «Над временем», в 2017 г. – сборник стихов «Парадигма». Публиковался в газетах «Московский литератор», «Дмитровский вестник», журналах «Студенческий меридиан», «Огонёк», «Смена», «Дмитровский вестник», «Северная жемчужина». Имеет несколько общественных наград, лауреат литературных конкурсов и премий.

Живёт в Дмитрове.

Пропать стократной памяти

Растворюсь в океане – стану всем...
 Полечу над страстями людской пустыни
 Вместе с гарью и лязгом от всех систем,
 Не дождавшись, когда это всё остынет.
 Ты останешься там навсегда, внизу,
 Упиваясь властью, своей короной, –
 Громоваца, расколота в грозу,
 Удержав всё небо сгоревшей кроной.
 Часть обмана – пейзаж, издали рябой,
 Нескончаемый, долгий, лишённый страсти,
 Жизнь как будто застряла в себе самой
 В диастеме резцов своей волчьей пасти.
 Но останется тот, чья звезда ярка,
 И моё поколение – продукт горенья –
 Разобьётся о маятник сквозняка
 И взлетит, как я, за одно мгновенье.

Даже не с протянутой рукою,
 Не с горсти черпнув, а отскребя,
 Понимаешь, что это такое,
 Когда небо смотрит на тебя?!
 Он и не пророк, и не мессия,
 На ступенях к храму его скит.
 Бедная богатая Россия
 Вместе с этим нищим там стоит.

Было когда-то пастбище,
Теперь осталась плешь от него.
Время менять пристанище,
Отказываясь от внешнего.
Горечь немого свидетеля
Наблюдаю в объёме стапеля,
Отражаясь в хромульке вентиля,
Стоя в чёрном квадрате кафеля.
Лунного света маслице
Льётся сквозь стёкла в наледи
В комнату, где вмещается
Пропасть стократной памяти.
Слава! Родная кириллица!
Всем, кто, ныряя в бездне,
Думает, что им выбраться...
С песней или без песни...
Ты принимай движение –
Пусть и винить в нём некого –
Как не своё отражение
В остром осколке зеркала...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана ВОЛОШИНА-АНДРИЙЧУК

Джу и «Ромео»

О пьесе Юрия Богданова «Джульетта»

Литература и театр ещё до недавнего времени были у нас мощными средствами воспитания и образования, особенно молодёжи, формировали общественное сознание и общественный вкус. Ныне, в большинстве своём, перестав удовлетворять высокому назначению, литература и театр разрушают сознание человека, ставя под удар прежде всего подрастающее поколение.

Пьеса Ю.Н. Богданова – положительный пример современного искусства, правдиво вскрывающий проблемы общества и молодёжи.

Обращение авторской мысли к образцам античности, классики – в мире искусства не новость. Живопись, скульптура, литература, театр и т.д. изобилуют подобными примерами. Происходило и происходит это по разным причинам: кризис художественных форм, поиск неизбитых сюжетов, или, наоборот, исследование одной из вечных тем, стремление к высоким человеческим идеалам, гармонии, красоте как реакция на тупик в социально-общественном развитии общества. Культурное наследие велико и может служить щедрым источником вдохновения для творчества.

Что ж, тем отвратительнее выглядят примеры современных новоделов-мастеров, как осквернить и извратить искусство, в котором люди на протяжении веков искали божественный смысл. Мотивы таких дельцов от искусства грязны и антигуманны и направлены на уничтожение всего лучшего, что есть в человеке.

Как острое раскалённое, смертельно ранящее железо, впиалась в тело общества проблема ответственности художника за то, что он содеял. Отравил он чей-то ум или посеял семя добра. Как никогда актуальна сейчас идея нравственности, к которой призывали все великие гуманисты прошлого, и неотступно требует своего разрешения. Укором служат мировые шедевры тому дешёвому

Светлана Сергеевна Волошина-Андрійчук – писатель, режиссёр, актриса. Член МГО Союза Писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Профессор, действительный член Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). Почётный член Международной академии современных искусств (МАСИ). Родилась в Москве. Окончила Московский государственный университет культуры (специальность «Режиссура») и Высшее театральное училище им. Б.В. Щукина при Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова (специальность «Режиссура драмы»).

Живёт в Москве.

буржуазному искусству, которое лезет на нас изо всех щелей, как расплодившаяся колония паразитов, и прививает буржуазное мышление, буржуазное мировоззрение, буржуазные ценности, буржуазную мораль.

Что стало главной темой и целью, навязываемой широким массам ширпотребного искусства? – Деньги любой ценой. О чём бы ни шла речь, деньги выходят на первый план. Их неизменно сопровождают сцены секса и насилия. Этот победоносный триумvirат каждый день вторгается в нашу жизнь с телевизионных экранов. Убого! Нищенство духа пришло на смену философскому поиску истины, благородной любви, самопожертвованию во имя счастья человечества. О светлом будущем без денег стыдятся говорить, в него никто не верит. Так чем же жить человеку? Какие идеи вынашивать в себе?

В театре бывает ещё хлеще. Достаточно проанализировать репертуар некоторых столичных «храмов искусств». Но не каждый личностный взгляд драматурга или режиссёра имеет право на художественное воплощение. Искусство – не свалка, а наука делать человека лучше, совершенствовать. И не стоит втаптывать в грязь нравственный эталон тысячелетий.

Но, увы, театр преобразуется, и не в лучшую сторону. Современные технологии изгнали живую душу театра, заключающуюся в тончайших нюансах актёрской игры, в природе актёрских переживаний и человеческих сопереживаний. Но это полбеда. Гораздо опаснее для театра – получить новое определение и формат. Неустанно куётся его новое лицо – театральная маска и театральная перспектива.

Например, превратить театр в перформанс. Множество мнений существует в защиту такого уподобления и складываются в досконально обставленную позицию.

Столько умных слов звучит, но никто не вспоминает главного, ключевого момента, в котором содержится смысл театра. Наверное, потому что сейчас это неудобное воспоминание, которое обесмысливает многое из современно-го театрального течения.

Никто не обращается к истокам, никто не вспоминает о «Поэтике» Аристотеля, в которой обосновано театральное искусство.

В театре главное – нравственная идея, которую должен усвоить зритель. Катарсис, очищение души, совершенствование личности, человека. Всё остальное считалось низким и недостойным, даже комедия была презренной. Это уж Мольер своим искусством, создав высокую комедию, вознёс этот жанр и уравнивал комедию с трагедией.

Но высокое нравственное назначение театра всегда было его сутью. Допустим, Гоголь называл это кафедрой для добра; Шиллер – свершением правосудия и т.д.

«Развлекалово» не связывалось с серьёзным театром. Это входило в категорию театральных зрелищ, театрализованных представлений.

Наличие обязательной нравственной идеи абсолютно противопоставляет театр перформансу.

Это сейчас, когда понятие театра извратили и изуродовали, когда ему отказано в изначальном высоком предназначении, его можно сравнивать с чем угодно. Можно сколь угодно долго рассуждать о действе, творческом акте, художественном образе, исследовании человеческих отношений, – всё это составляющие театра, можно цитировать театральных классиков, но если из театра изъята высокая нравственная идея, – идея театра кончилась.

Провокационность перформанса, которую проецируют на театр, в сценическом искусстве обычно должна сводиться к эмоциональному воздействию, направленному на формирование общественного мнения, исполненного разумного, доброго созидющего начала.

Сегодняшние дискуссии о театре часто направлены на то, чтобы окончательно освободить театр от нравственных обязательств, обесценить его и лишить его воспитательной функции. Впрочем! У нас уже и школы лишены воспитательной функции, а всего лишь оказывают образовательные услуги. Какой уж тут театр?!

Какое уж тут: «Любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Кстати, ещё одно радикальное отличие театра от перформанса: театр не строится на субъективистском «Я есть». Театр строится на событиях, на объективном, что произошло (со-бытие множеств).

По мне, говорить о родстве театра и перформанса – это сильное преувеличение. Ведь перформанс – это акция и зрелище, поэтому правильнее искать его истоки и родство да хотя бы в европейских традициях карнавальной культуры, подробно описанной у М.М. Бахтина! И не переносить ложный образ театра на отечественную почву.

Но вернёмся к классическим образцам, с которых начали, и рассмотрим один из них в свете драматургии и театра. Это трагический сюжет, всем известная история любви Ромео и Джульетты. Сюжет известен с античных времён и находил много литературных разработок. Наивысшую степень совершенства сюжет обрёл у Шекспира.

Драматургические и художественные достоинства его пьесы «Ромео и Джульетта» (1595 г.) бесспорны, это произведение стало мировым шедевром.

Классический сюжет также нашёл отражение в музыке, поэзии и других видах искусства (опера В. Беллини, балет С. Прокофьева).

Если говорить о постановках пьесы и её драматургических и режиссёрских адаптациях, то их великое множество: фильмы, спектакли, мюзиклы.

Пожалуй, самые известные – это фильм Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта», мюзикл «Вестсайдская история» (режиссёр и хореограф Джером Роббинс), спектакль «Ромео и Джульетта» Анатолия Эфроса. К сюжету обращались в прошлом, обращаются сейчас, и даже есть его обработка, где действие происходит в будущем. Такое пристальное внимание к этой истории любви обусловлено её острой проблематикой и конфликтом, существующим вне времени и вне эпохи. Гибель юных влюблённых, почти ещё детей, – всегда будет страшной, трагической темой, «печальнейшей на свете».

*Пред образом твоим я трепещу,
Ловлю неуловимые движенья,
Как облака неслышное скольженье,
И небом розовеющим дышу.*

*Я ощущаю запредельный свет
В твоих глазах, разбуженных зарёю...
Встаёт на горизонте не рассвет:
Твой светлый образ
Всходит надо мною...*

Юрий Богданов. «Джульетта» (отрывок из пьесы)

По-своему интерпретировал этот сюжет и наш современник, поэт, критик, драматург Юрий Николаевич Богданов. Кажется, что он собрал воедино все пороки нынешнего общества, возведя до максимума концентрацию зла. В одной истории затронуты социальная сфера, семейные отношения, проблемы в среде подростков и молодёжи.

Этот «проблемный» список огромен: бандитизм, криминальные разборки, коррупция, предательства, убийства; развал семьи, браки по расчёту, измены, домашнее насилие; педофилия, растление юношества и молодёжи, уязвимость их воспитания, разрушение личности, суицид и т.д.

Проблемы, связанные с подрастающим поколением, основные в этом произведении. Каково влияние современного общества на юные души, какая судьба уготована всем Ромео и Джульеттам XXI века? Как сформировать здоровую личность, если при желании молодым людям могут быть доступны ночные клубы, наркотики, алкоголь, оружие?

Вершит список общественных пороков пагубная власть денег. Особо подчеркнул драматург безнравственную сторону суррогатного материнства – продажу своих собственных детей. И не даром, ведь в суррогатном материнстве утрачивается основной женский инстинкт, заложенный природой, – быть матерью, быть носителем духовной, жертвенной любви. В отречении от этого божественного акта попираются основы мироздания. Любовь к своему ребёнку побеждается, подавляется властью Золотого тельца. Непросто в одночасье постигнуть эту вывернутую женскую психологию, это неизбежное разрушение личности. В сознании раскаявшейся Варвары, матери Романа (Ромео) – это её нравственное падение, её грех 17-летней давности, который нельзя замолить. Бизнесмена Даниила (Дана), совратившего её на этот шаг, она клеймит «чёрным человеком», человеком роковым в её жизни.

Так в пьесе неожиданно возникает известный классической литературе образ чёрного человека, несущего смерть, символ мистического рока.

Схожего мнения о Дане и его собственной жене Элеонора (Эл). Современный бандит-бизнесмен, криминальный авторитет в её сознании – абсолютный мерзавец, чёрный во всех смыслах, чёрный душой, «жестокий злой, за кошелёк готовый на убийство», человек-рок, губящий вокруг себя всё прекрасное, даже своих собственных детей.

17 лет назад в бандитской перестрелке погиб родной сын Дана. Но рок неуловим. Трагический конец, по его мнению, уготован всей семье, в том числе и двум его детям от суррогатной матери – Роману (Ромео) и Джульетте (Джу).

По мысли драматурга Юрия Богданова, современный бизнес, зачастую криминальный, приравнивается к року, грозящему человечеству гибелью. Впрочем, по нравственному закону жизни в общественном сознании крупные деньги всегда носили роковой характер, а несправедливые деньги – особенно.

Показательна аннотация к этой небольшой одноактной пьесе-трагедии под названием «Джульетта», вышедшей в 2012 году: «Возрождение классического жанра в наше время оправдано той ситуацией, которая сложилась в нашей современной жизни, полной напряжения всех духовных и физических сил человека».

И действительно, окружающая реальность требует неимоверных человеческих усилий, чтобы выжить.

В пьесе Юрия Богданова адаптировавшиеся к современности молодые люди вполне освоились в грубой среде, ставшей для них естественной. У них нет особых запросов, кроме материального благополучия.

Роман
(с насмешкой)

*<...>
Добуду сам и славу, и почёт,
А к ним бабло, естественно, прилипнет.
Законно, не законно – всё равно.
Таков уж мир, людьми извращённый.*

Бездумные развлечения в ночных клубах стали обычным времяпрепровождением для Романа, прозванного друзьями Ромео, его близкого друга Николая (Ника) и их компании друзей. Они нормальные ребята и даже неплохо учатся, а Роман – так лучше всех. Но алкоголь и другие вредные привычки водят ребят по краю пропасти. И одна из возможных опаснейших угроз – наркотическая зависимость, почти всегда влекущая за собой летальный исход. По мнению матери Романа, ночной клуб, который стал ему дорожке дома, – неподходящее место для молодых людей, а уж для девушек и подавно. Ведь это облюбованное злчное место – роковое, сборище пороков, где играют, курят, пьют и дань шерстят с панели.

Варвара
*Ночных друзей твоих не признаю:
По шаткому мосточку вы идёте...*
(задумчиво, про себя)

*Быть может, в наркотический дурман?..
Как увести от страшного суда
Моё дитя по выжженной Земле,
Где пепел чувств и помыслов прекрасных.*

И именно там произошло основное событие пьесы:

*И для знакомства Ромео и Джульетты
Их в клуб ночной привёл злосчастный рок!*

В интерпретации Юрия Богданова трагическая обречённость любви Ромео и Джульетты кроется не во вражде «кланов», а в их родстве. Ромео и Джульетта – родные брат и сестра, рождённые суррогатной матерью для Даниила. Бизнесмен взял только одного ребёнка, девочку, оставив мальчика его матери Варваре. Разлучённые с младенчества, юноша и девушка понятия не имеют о том, что они кровные родственники, в отличие от взрослых, которые пытаются сохранить роковую тайну и всеми силами препятствуют их любовному союзу.

В этом конфликте заложены многие важные составляющие пьесы. Это и тема неотвязного карающего рока, преследующего за грехи и преступления, и тема современного порочного мироустройства, толкающего слабых на «смертоносный» путь, и тема трагических, гибельных страстей, и тема самого Шекспира.

Для прочтения и понимания пьесы тема Шекспира чрезвычайно важна. Она постоянно вскользь вплетается в повествование ненавязчивым лейтмотивом. Это и прямое упоминание имени великого английского драматурга, его героев (как, например, Дездемоны, Ромео, Джульетты). Это и полусовременные-полушекспировские имена персонажей, введённые Юрием Богдановым. И сами образы трагедии. Они нашли свои истоки у Шекспира, в XVI веке, но у Юрия Богданова получили своё развитие и адаптированы применительно к современным тенденциям века XXI.

Тема Шекспира в пьесе Ю. Богданова – это и аллюзии со многими шекспировскими произведениями. И даже в сюжете о разлучённых в детстве брате и сестре тоже читаются обстоятельства шекспировской пьесы – пьесы «Двенадцатая ночь».

Элеонора

<...>

*Не страсть к Шекспиру двигала тобой,
А рок витал над гордой головою.
Надеялся на лучшее? Зачем
Девчонке дал ты траурное имя?
Трагедия бедняжку в жизни ждёт...*

В некоторых строфах словно зашифрован прообраз шекспировских стихов.

*Замерцаю в атмосфере...
Различишь меня средь звёзд?*

– пишет «минорными стихами» Роман (Ромео) к своей возлюбленной Джу. И сразу вспоминаются слова шекспировской Джульетты, заклинающей ночь в ожидании свидания с Ромео:

*«...Когда же он умрёт,
Изрежь его на маленькие звёзды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце».*

(Перевод Б. Пастернака)

Ещё пример.

Элеонора

(решительно)

*«А то»?! Зачем ты нам грозилась?
Мы не боимся ни тебя, ни банды!
Не в силах ваших души погубить.
Они – как птицы в чистом поднебесье –
Подвластны Богу...*

Эти строки наводят на мысль о трагедии «Король Лир». В сцене заключения под стражу Лир утешает свою дочь Корделию:

*«...Нет, нет!
Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке будем петь.
<...>
Как будто мы поверенные божьи.
Мы в каменной тюрьме переживём
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив».*

(Перевод Б. Пастернака)

В пьесе Ю. Богданова образ бизнесмена Даниила также полон шекспировского подтекста. Дан главный носитель порока и страстей, за которые полагается возмездие. Его талант употреблён во зло, а неуёмное тщеславие и гордыня требуют постоянного удовлетворения и жертв.

Автор в нескольких штрихах раскрывает «шекспировскую» подноготную Дана, словно ставшую залогом довлеющего над бандитом-бизнесменом и его домом рока.

«Мою Джульетту мир ещё узнает!» – в запальчивости произносит Дан.

А после продолжает:

*Любовь к Шекспиру ей передалась,
Как и талант бесспорный, по наследству.
Кто может усомниться, что она
Не дочь моя? Мои черты и гены...*

Возникает вопрос, какую же судьбу, какое великое будущее прочит он своей дочери, кроме выгодного брака по расчёту? Отвергая любовь, что предлагает взамен?

В противовес отцу, Джульетта не наделена талантом разрушения. Чистым, непорочным ангелом пришла она в этот мир, с другим талантом и просит у отца иного дара, не представляя, однако, до конца, каков её «папá» на самом деле:

Джульетта

(подходит к отцу, обнимает его)

*Вот видишь, сам-то счастье ухватил...
И стал невыносимым эгоистом.
А для любви – есть времена любви:
Познал их тот, кто сам любил когда-то.*

*Папа-счастливец, мне бы дар любви
Ты передал... И большего наследства
Не надо в жизни!*

Так же многозначен в плане «шекспировского подтекста» и образ Элеоноры, несчастной жены Дана. В пьесе постоянно говорится о её рассудке, расстроенном 17-летней тоской по погибшему сыну. Но её «помутившийся разум» сродни безумию Лира, у которого в сумасшествии открывается дар философа и горькая правда о мире.

Подобное прозрение приходит к Элеоноре в её снах, оно рождается в разговорах с умершим сыном. Эти сны становятся для Элеоноры более материальными, чем сама жизнь, заставляют быть смелой и прямолинейной в своих суждениях. Её правдивость, тоску и слёзы по сыну Дан и истолковывает как психическое расстройство.

Дан
(не слушая её)
*Сварганим свадьбу... И – долой проблему!
Потом и внуки скрасят нашу старость...
Наследника, надеюсь, «принесёт» –
Тогда не будешь в мыслях падать в пропасть!
А Славу и молитвой не вернёшь.
Но ты всё плачешь...*

Как возможная подпитка выводам Даниила в отношении своей жены, всплывают строчки:

*«Поплакать в меру – знак большой любви,
А плач без меры – признак тупоумья».*

Шекспир. «Ромео и Джульетта». Перевод Б. Пастернака

Мотив помешательства неоднократно использовался Шекспиром в его произведениях. Вспоминается «Гамлет», где в забытии угасшего разума несчастная Офелия напевала песни. Временами любила напевать и Элеонора. В какой-то мере эта черта роднит её с Офелией. А тот нюанс, что её сын Слава постоянно напоминает ей во снах о своей гибели, перекликается с образом-призраком отца Гамлета.

Обращение к этому шекспировскому образу позволяет автору акцентировать вопросы о мироустройстве, порядке и справедливости, позволяет почерпнуть атмосферу таинственности средневековья и Возрождения – жёсткую, фатальную, потрясающую глубиной адовых ужасов, имеющую отношение к чему-то масштабному, на уровне космоса, бытия.

В трагедии Юрия Богданова «Джульетта» отголоски Шекспира всё время проникают в наш мир. Проанализировав речь героев пьесы, можно заметить, что они говорят то, как современные люди, то высоким слогом, как в шекспировской драматургии. Но эти два стиля не входят в противоречивый диссонанс, а органично дополняют друг друга, подчёркивая мысль, что у порока, злодеяния, преступления, страсти, любви, добродетели нет времени, нет эпохи.

Привнося элемент шекспировской лексики, автор делает речь персонажей возвышенной, пластичней, привлекательней, что немаловажно для эстетики текста. Он не теряет актуальности, но при этом воспринимается

приятней, становясь художественно совершенной, объёмной. Это может быть важно и для артистов. Ведь тогда тексты их ролей звучат интересней, становятся глубже, полноценнее, весомее.

Через действенные и напряжённые диалоги пьесы рисуются картины жизни персонажей, их планы, намерения, мысли, чувства, сложившиеся обстоятельства. Через восприятие персонажей возникает общая картина действительности, и окружающий мир предстаёт в своей неприглядности. Здесь нет как таковых сцен разгула зла или проявления насилия. Многое словно происходит за сценой, за кулисами, в тени, но ярко отражается на судьбе героев. За кулисами происходит встреча и знакомство Романа и Джу в ночном клубе. За кулисами происходит трагическая дуэль между Романом и его другом Николаем (Ником). За кулисами происходят перестрелки, нелицеприятные беседы и всё прочее грубое, жестокое.

Раскрывается жизнь также и через сны героев. Но сны всё тревожные, печальные, в них нет света и покоя, они наполнены тенями реального мира.

Элеонора
(Элеонора остаётся одна, отстранённо)
*О, эти сны... Приходит мальчик мой
И разговоры снова затевает:
Что наша жизнь, как скоротечный бред,
У вечности насмешливой в плену,
Что мы больны во тьме сиюминутным...
Мрачнеет ликом, вспомнив об отце,
И слёзы жалости кровавые текут...*

Джульетта
(скорбно, стонущим голосом)
<...>
*Все дни слепились в чёрный липкий ком –
Томящий душу, страшный и зловонный...*

*Во сне, как сумасшедшая, бегу
Я за Романом, но его не вижу:
Перед глазами серое пятно,
Как мяч тряпичный, скачет по ухабам...
Проснусь в ночи, но явь – страшнее сна...*

На протяжении всей пьесы непосредственно перед нами жизнь героев протекает то в доме родителей Джу, то в доме матери Романа, где стены подобны заслону от воздействия внешнего мира, куда проникает только тень реальности.

Именно в этих стенах произносятся самые искренние, пылкие и нежные слова любви Романа и Джу, звучат самые возвышенные стихи, посвящённые этому прекрасному чувству.

*Язык отнялся, дух перехватило.
Почудилось: я с нею полетел
К далёким звёздам, светом морозящим...*

На фоне грубого, жестокого мира в минуты наивысшего счастья из уст молодых людей вырываются на волю неземные строки поэзии... небытовые,

несущие в себе задумку иных сфер. И эта любовная лирика как отголосок божественного подобию человека, сохраняющегося в самой глубине его естества.

Тема любви, глубокой, чистой, непорочной, звучит в молодых людях. Она прорывается в жизнь сквозь грязь, сквозь привычный ход повседневности.

Эти стихи идут контрапунктом, вплетаются в повествование красной нитью, раскрывая главную тему – божественного дара любви, и намеренно звучат вразрез с другими сценами пьесы, в которых отражена разговорная речь, языковые характеристики персонажей: просторечия, молодёжный сленг, лексикон дельца и т.д.

Надо отдать должное автору, в его текстах нет ни пошлого, ни вульгарного, а между тем при необходимости создаётся и подобная атмосфера, и ощущение низкого, хамского. Но это не приевшаяся чернуха, а умело выписанная в стихах заданная автором действительность. Пьесу «Джульетта» отличает индивидуальный стиль, высокий профессионализм и оригинальность драматургических приёмов.

Трагедия Юрия Богданова «Джульетта» о любви. Этому понятию в пьесе посвящено множество строф, образных характеристик, метафор и т.д. Тема любви исследована автором очень внимательно, с позиций разных персонажей. Но на первый план выходит любовь чистая, духовная. В поле зрения автора не только двое молодых людей Роман и Джу. В этой пьесе все персонажи имеют свою выписанную историю, иногда более подробную, иногда несколькими штрихами, и у каждого она доведена до логического конца. Все действующие лица пьесы как индикатор любви, позволяющий проследить уровень и градус чувств, от самых низких до самых высоких.

Автор констатирует порочный адюльтер тщеславца и гордеца Дана, мнившего себя в своём мирке царём и богом. Поправ былую любовь к жене Элеоноре, он увлёкся своей молодой секретаршей Маргаритой (Марго).

Автор подчёркивает низменную страсть к молодым девушкам продажного и развратного Витька.

Обрисовывает назойливые ухаживания алчного, корыстного Ника. (Как Марго, так и Ник ещё достаточно молоды, но уже хотят устроить свою жизнь по расчёту).

На примере Элеоноры и Варвары автор исследует природу духовной любви, материнской. Святое неостывающее чувство к своим детям делает обеих женщин безутешными от невозвратности своих горестных утрат. Эл оплакивает убитого сына. Варвара жестоко тоскует и мучается от содеянного преступления – продажи собственного ребёнка по правилам суррогатного материнства. Даже имя Варвара будто намекает на её варварский поступок. Но смягчённая форма Варя будто говорит о раскаянии.

Варвара

Смертельный грех вовек не замолить...

Бог не простит такое преступление:

Из выгоды святое продала

И на Его творенье покусилась...

Зачем ещё хожу я по Земле,

Когда пустоет место в преисподней.

Семнадцать лет меня с терпеньем ждут,

Но я всё здесь топчусь в пыли со страхом.

Сильна любовь, связующая 17-летних Романа и Джульетту. За год знакомства любовное чувство выросло, окрепло, усилило их духовные узы, ослабило влияние привычного окружающего быта, изменило характер молодых людей, привнесло новые качества. Влюблённые готовы преодолеть любые препятствия на пути к своему счастью.

Но счастье невозможно там, где над всеми персонажами довлеет неумолимый рок. Семнадцать лет назад цепью преступлений и безнравственных поступков был заложен фундамент трагических событий.

Как и много веков назад в пьесе Шекспира, покончили с собой нынешние Ромео и Джульетта в пьесе Ю. Богданова. Печальная статистика наших дней свидетельствует о суициде среди подростков, потерявших жизненную опору, дезориентированных, надломленных реалиями окружающего мира.

В финале пьесы «Джульетта» погибли все, наравне с молодыми людьми и взрослые. Это не кажется абсурдным, в это верится. Человечество погрузилось в мир хаоса, вера в хорошее постепенно истончается, безверие крепнет. В такой ситуации превосходящая степень трагизма не кажется чем-то надуманным.

Когда-то в перестрелке с бандитами был предательски убит Слава, сын Дана и Элеоноры. Теперь так же погибли сам Дан и его любовница-секретарша Марго. Отравлены палёным спиртным компаньон Даниила Витёк и его приятель. Умер от передозировки тяжёлыми наркотиками бывший друг Романа Ник. Все эти смерти, кроме смерти Ника, происходят не на наших глазах, они происходят за стенами дома.

Но чем ближе к финалу, тем активнее, сильнее и беспощаднее раскручивается колесо роковых событий. И вот уж мы становимся свидетелями гибели четырёх, пожалуй, самых важных для пьесы персонажей, выразителей духовной любви. Это Элеонора, Варвара, Роман и Джульетта.

В страхе потерять сына и невозможности защитит от нависшей угрозы жестокого внешнего мира (обвинении в убийстве его друга Ника), Варвара умирает от инфаркта. Удалившись в окрестности святого монастыря, подальше от мест, напоминающих о роковых ошибках её молодости, она не находит ни спасения, ни мира ни покоя. «Бог не услышал её искренней молитвы» – дети расплачиваются за вину родителей. Рухнула надежда и жизненная опора. Рок, как смерч, настиг её в далёком от Москвы, тихом селе близ монастыря. Перед смертью она открывает Роману роковую семейную тайну кровного родства Романа и Джульетты – брата и сестры.

Потрясённый смертью матери и открывшейся правдой, крушением надежд и любви, мечты о физической близости со своей избранницей, Роман также теряет жизненную опору. Его поглощает абсолютное безверие и внутреннее опустошение, он остаётся один на один со злым роком, с враждебным миром. Не находя сил противостоять и не видя смысла в дальнейшем существовании, он кончает жизнь самоубийством, застрелившись над телом умершей матери. Его настигла судьба отца и брата – смерть от пули.

Роман

<...>

Любовь моя пройдёт сквозь бурю зла,

Осилит тьму и в небо устремится.

Уже ничто не сможет помешать

Душой и телом с ней соединиться.

Роман

(рыдает)

Сестра?...

(кричит с ужасом)

Сестра!!!

(пауза)

Всё в жизни потерял...

Нет счастья здесь... И там его не будет:

В геенну улетит моя душа:

С душой Джульетты не соединится!

Прости меня, любимая, прости!

Я ухожу, но счастья не желаю.

Оно навек... Навек ушло со мной...

Подобная трагедия разыгрывается и в доме Джульетты.

Как и 17 лет назад происходят бандитские разборки. Всё повторяется. Но на этот раз застрелены сам Даниил и его секретарша. Вторая потеря, теперь уже мужа, утверждает Элеонору в мысли о финальной роковой развязке. Рухнула последняя опора её жизни, гнившая 17 долгих лет, и она больше не знает, как ей существовать в её «безумном мире». Считая, что «настал коварный, жуткий час расплаты», она открывает Джульетте тайну её рождения и факт родства с Романом, её братом-близнецом. В этом кругу роковых событий их настигает известие о смерти Романа и его матери. И вновь утраты, и вновь психическое потрясение. В одно мгновение жизнь Джульетты разрушена до основания. Она потеряла семью: отца, мать, потеряла возлюбленного. Свет жизни для неё потух. Сумасшествие Элеоноры довершает страшную картину.

Истощение нервных и физических сил окончательно сводит Элеонору с ума. Она видит погибшего сына. Её желание исполнилось. Она бежит на балкон, чтобы лететь за его тенью. Её примеру следует Джульетта, которая в небесах слышит голос Ромео и устремляется на его зов. Ещё две трагические смерти, чтобы замкнуть роковой круговорот.

(Элеонора выходит на балкон, разводит руки и... исчезает. Джульетта выбегает на балкон, также, как и Элеонора, поднимает руки и исчезает на фоне звёздного неба).

Этой поэтической ремаркой автор уводит читателя от понимания материальной, физической смерти героев и выводит восприятие событий на духовный уровень, где властвуют иные законы существования.

Последняя – главная сцена пьесы – «сцена на балконе». Она, как антипод знаменитой шекспировской сцены, где «балкон» – начало начал, открывающий юным сердцам Ромео и Джульетты путь любви навстречу друг другу. Там звучат первые слова признания и первые клятвы верности. Там, под звёздами, зародилось чистое юношеское чувство невероятной духовной силы. У Шекспира это самая нежная и красивая сцена любви почти в самом начале пьесы.

Как зеркальное отражение, – сцена на балконе в финале пьесы Юрия Богданова, исполненная духовной любви и трагизма. Можно сказать, что в этой сцене главное действующее лицо сама любовь, приносящая спасение измученным любящим душам, соединяющая с близкими. На балконе открывается путь к звёздам и дорога к счастью...

Впервые за 17 лет Элеонора наконец увидела сына наяву, а не во сне. К балкону пришла его тень и позвала за собой.

(И вновь возникает параллель – Гамлет, тень его отца, Шекспир...)

Крепка духовная связь Элеоноры с сыном, в этой долгожданной встрече видит она разрешение от своих земных бед и, не раздумывая, выходит на балкон и следует за тенью, устремившейся к звёздам.

Элеонора

(подходит к балкону)

Смотри туда... К балкону тень пришла...

Да это Славик! Вижу по походке.

Зовёт меня!

Я выйду на балкон.

Он говорит, что сердце замерзает,

А там под солнцем вечное тепло...

Зовёт с собой лететь к привольным звёздам...

Также сильна духовной любовью и Джульетта. В этой любви, в отличие от Романа, нашла она выход из земного тупика, в чистой, непорочной любви, где соединяются не тела, а любящие души. Слыша зов Ромео, в надежде устремляется она к счастью.

Джульетта

Ромео, нет мне счастья без тебя:

Пусть наши души там соединятся!

(останавливается, прислушивается)

Зовёшь меня... К себе, мой друг, зовёшь?

Лечу, лечу к тебе земною птицей.

В образе Джульетты, «похожей на ангела без крыльев – прозрачной, как чистый горный воздух...», – сконцентрирована наивысшая степень духовности и любви, в ней свет, возрождающий из самой глубокой тьмы. В сцене на балконе (или в сцене с призраками) образ Джульетты достигает своего кульминационного развития и звучит в полную мощь.

*Если ты меня услышишь
Через много-много вёрст, –
Над моей воздушной крышей
Звёзды лягут в перекрёст,
И зачну я стих о небе,
О неопытной судьбе,
О твоём духовном хлебе,
Обо мне и о тебе...*

В духовной любви, способной стать внутренним стержнем человека и сохраняющей его человеческий облик, заключена идея пьесы. Придёт ли человечество к пониманию этого, чтобы преодолеть путь во мраке, пока раскручивается его круговорот роковых событий?..

Член Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств Юрий Николаевич Богданов создал прекрасное произведение, в котором отразились размышления автора над нашей современностью и над вечными проблемами человечества, произведение, где каждая строфа пронизана

мыслью и переживанием о будущем человеческого сообщества. Эта пьеса рождает в уме и сердце множество эмоциональных впечатлений, требующих обсуждения и анализа. А его идея напоминает о катастрофических последствиях разрушения не только внешнего мира, но и внутреннего мира человека в условиях нарастающего «прогресса» и наступающей цивилизации.

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г.; победитель Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2021», автор семи сборников стихотворений и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах, журналах и ежегодных конкурсных альманахах и сборниках. Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, профессор кафедры микро- и нано-электроники МФТИ, ответственный секретарь научнотехнического журнала «Электронная техника. Серия 3. Микроэлектроника», автор более 200 научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии.

Живёт в Москве.

Всё исполнится!

Рощица берёз

Белые одежды,
Золото волос.
Ждёт меня с надеждой
Рощица берёз.

Думает, замечу
Чудо-красоту
И весь этот вечер
С нею проведу.

Не пройдёт, заметит!
Подниму глаза,
Душу мне осветит
Рощи красота!

Обниму рукою
Белый стройный стан.
Для себя открою,
Что моложе стал.

Нам смешает ветер
Волосы с листвой...
Вновь, душою светел,
Возвращусь домой.

Броситься вниз головой
В звёздный слепящий свет.
И дальше, глухой тропой
Бежать и кричать: нет!

Трудно уйти в сон,
Много прошло лет.
Зелёный цветущий склон.
Сладкий, зовущий бред.

В преддверии кровавых драм
В своём бессилье не заплачу.
Клочка России не отдам
В раздорах ищущим удачу!

Я позову Святых, Богов
С озёр великих, с косогоров.
Пусть грянет гром, или Покров
Закроет лица от позора.

Но отдавать себя врагу,
Лизать подмётки этим свиньям!..
Я не хочу и не могу
На поруганье сдать Россию.

Быстротечное лето,
Твоих дней синевы снова хочется.
Надоели снежинки и ветер слепящий в окно.
Нынче в комнате этой
Утверждается вновь одиночество.
Неуютно и душно, и от лампочки жутко темно.

Всё исполнится.
Не во снах твоих, нет!
Всё исполнится!
Отражением яркий свет
В окна ломится.

И ручки твоих
Слёз непролитых
Вновь растают.
Переливами облаков золотых
Светает.

Ах, уберите эти руки
С моей горячечной щеки.
В аллеях счастья и разлуки
Ещё слышны твои шаги.

Ну обними, и слов не надо.
Я так по счастью изнемог.
Уснувшей улицей прохлада
Струится мимо наших ног.

Ну не дрожи, прижмись сильнее,
Поток притворства оборви.
Гляди, скамейки захирели
В безумных мыслях о любви.

Пойдём со мной, я место знаю,
Где до утра, под тишь полей,
О счастье будущем слагает
Свои сонеты соловей.

И там, у окончания роци,
Под предрассветный аромат,
Мы друг пред другом станем проще
И я признаюсь, что богат.

Богат я тем, что был с тобою,
Что от твоих любимых глаз,
Ты не казалась мне родною –
Была родной на этот раз.

Вот и церковь, и бабушек тени
Закружили грачами над крышей
И со стаей в поля полетели.
Только голос родной всё я слышу.

И с грачиной тоской по былому,
Мимо чёрных, бездонных болот,
Пробираюсь, с трудом, буреломом
К тем местам, где не ходит народ.

Любимая страна,
Истерзанная Русь!
Я всеми силами
Помочь тебе стремлюсь.
Пока врага встречают
Как героя,
Моей душе
Не обрести покоя.

Полуночное глупое бдение
И непрошенных мыслей рой.
Наваждение, наваждение...
Серебрится Лиль под луной.

Мой приятель, студи мою голову.
Позабудем о прожитом дне.
Говорят – всего в жизни поровну.
Сколько счастья достанется мне!

Попытаюсь заснуть, довольно.
Я вчера ничего не ел.
Но опять тебя вижу невольно.
Видно, долго в тебя глядел.

Коронавирус

На Земле вселенский маскарад.
В масках все – и взрослые, и дети.
Слуги зла за действием следят
И грозят, что мы за всё ответим.

На Земле убойный карнавал.
Непрерывно, больше года длится,
Разобшил людей, в дома загнал,
На Земле безумие творится.

Отгорает Земля
Миллиардами гаснущих грёз.
Оторваться нельзя,
Как нельзя удержать наших слёз.

Мы так мало живём
Вовлекаясь в безумство игры.
Мы сторим, мы уйдём,
Не узнав, для чего мы нужны.

Чёрный юбилей

То ли поздняя осень,
То ли ранней весны отголоски,
Только небо закрыто холодной водой;
Только зимнюю просесть,
Снегов только памятник броский,
Подмывает и точит червяк внеземной.

Небо в насморке пляшет,
Нагибаются в гриппе деревья,
В самых диких болезнях застыли дома.
Мы вцепляемся в наше,
Мы потеем холодным неверьем,
Мы живём и трепещем, пока не приходит Она.

Но проходит полвека,
И другие бесценные люди,
Выбирают в отчаянье самый действенный путь.
И качание лампы напомним мне вдруг человека,
Хоть лекарство – «забудем»
Мешается в терпкую грусть.

Рассказы

Шепотки

— Не ходила бы ты в лес, Танюша, — ни с того ни с сего сказал дед и закашлялся.

— Дед, ты чего? — Танька и сама чуть не подавилась бутербродом. То ли от такой странной просьбы, то ли от странного обращения. Дед всегда звал её Танькой. — Постучать?

— Не надо по мне стучать, — улыбнулся дед, — а в лес не ходи.

— Дед, какой лес? «Тайга» ещё скажи... две сосны и берёза — вот и весь ваш Шепоткинский лес.

Деревня, где жили Танькины бабушка и дед, давно называлась Новым Бытом, а не Шепотками, но лес все продолжали называть по-старому.

Бабушка вошла в комнату и посмотрела поверх очков на кашляющего деда.

— А лечиться ни в какую! — обратилась она к Таньке, как прокурор к судье. Бабушка требовала принудительного лечения.

— Кто бы говорил!

Дед откашлялся и с улыбкой закрыл заседание суда:

— Я к мужикам в гараж, а вы, девки, ведите себя хорошо.

— Дед, в лес-то почему не ходить? — не могла взять в толк Танька. — Заблудюсь, что ли? Так я его, как свои пять пальцев, знаю. Кстати, почему пять? Как все двадцать. И мобильник у меня с собой. Позвоню тебе из дебрей, если что.

— Четырнадцать тебе? — спросил дед.

— Ещё и склероз, — бабушка продолжала медицинскую тему с явным удовольствием, — пятнадцать ей давно!

— Не ходи, — сказал дед чересчур серьёзно и вышел.

Утром в деревне ещё можно было жить. Танька помогла бабушке проредить морковку, потом не дала перезреть малине, то есть аккуратно объела несколько кустов, и была довольна собой. В обед

Галина Львовна Бурденко — прозаик. Родилась в 1970 г. в Тульской области. В 2019 г. окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького. Лауреат международных литературных фестивалей «Интеллектуальный сезон» (г. Саки, Крым), «Степная лира» (ст. Новопокровская, Кубань), «Седьмое небо» (п. Николаевка, Крым), «Генуэзский маяк» (Генуя, Италия). Стихи и рассказы публиковались в журналах и альманахах «Москва», «Веси», «Литературные знакомства», «Тула», «Великороссь», «Рукопись», «Белая скала» и др. Литературно-критические статьи и рецензии публиковались в «Литературной газете», журнале «Москва», на веб-сайтах и порталах «Литературный Ежедневник», Ассоциация Просвещённого патриотизма/АП-ПА, «Топос». В 2020 г. вышла её первая книга «Стоп-кадры».

Живёт в Москве.

бабушка сказала, что в огороде днём делать нечего, и отправила Таньку читать Тургенева из списка по литературе.

День тянулся медленно, как это бывает только летом в жару. «Не, я тут неделю без интернета не выдержу, сдохну», — вздыхала Танька. Читать классиков совершенно не хотелось. «Даже в окно не высунешься, везде сетки от комаров. Тюрьма какая-то», — нагнетала Танька в себе отчаяние.

Танька вышла на вымершую улицу, даже собаки не лаяли, попрятавшись от жары кто куда. «В лес! Срочно в лес! — решила Танька. — Там хоть дышать можно!»

Танька шла по тропинке к поляне и всё думала, что это деду в голову взбрело её взаперти держать? Вот и поляна с корягой. Она в прошлом году зацепилась тут за сучок и юбку порвала. Справа от коряги, на краю поляны, должна быть сломанная берёзка, на которой её Петька Утопленников качал, как на качелях. Танька посмотрела направо, но берёзы не увидела. «Да куда же она могла деться?» — подумала Танька и пошла искать пенёк от берёзы. И пенёк не было.

Танька посмотрела в сторону тропинки, по которой пришла. Но тропинки тоже не увидела. Танька повертела головой. Высокая трава и низкий подлесок окружали поляну со всех сторон. «Да ладно, не смешно!» — сказала она вслух. А про себя подумала: «Это всё дед, напустил тумана, не зря его в деревне за глаза колдуном зовут. Попугать меня решил».

В какой стороне дом, Танька не могла сообразить. Родной лес в одно мгновение показался чужим, нахмуренным.

— Ну ладно, дед, ты выиграл, — сказала Танька и достала мобильник, — пошлю тебе SOS.

Но телефон, равнодушный к Танькиным проблемам, показал отсутствие сети.

— Приколись, — сказала Танька, — а дальше что?

Солнце успело опуститься за кроны деревьев. Танька знала, как быстро темнеет в лесу. Странно, ей казалось, до заката ещё далеко. Поднялся такой желанный днём ветерок и пригнал небольшую тучку. Первые, предупреждающие, капли тут же ударили по Таньке. От ветра и дождя зашелестело всё вокруг. Казалось, высокие деревья наклоняются к тем, что пониже, что-то шепчут им про Таньку, те передают подлеску, подлесок шепчет мелким кустам, кусты — траве. Трава стелется по Танькиным ногам, но не ласково, а словно опутывает.

— Ну вот, чтоб совсем как в триллере, — подбадривала себя Танька, хотя настроение было не очень, — так, ну ладно, без паники!

Танька посмотрела в небо, нет ли где дыма, и на своё счастье увидела вдалеке еле заметный дымок. В его сторону она и направилась, пока не услышала сзади знакомый кашель. Танька обернулась. Дед шёл к ней с другой стороны поляны. Танька так обрадовалась, что не стала даже спрашивать, что дед делает в лесу. Хотя успела подумать, что с него станется, наверняка стоял за деревом и наблюдал за её мучениями.

— Здравствуй, Танюша, — сказал дед, подходя к ней, — давай немного левее возьмём.

Они с дедом без труда вышли на знакомую тропинку.

— Хорошо, что ты здесь, дед, — призналась Танька, — а то я бы забрела не пойми куда.

— В болото, — сказал дед коротко.

– Я даже позвонить тебе пыталась, но сети не было.
Танька достала мобильник, проверить, появилась ли сеть.
На экране высветилась позавчерашняя фотка, где она, только что приехавшая, обнимает свободной рукой деда и бабушку.
– Покажи карточку! – попросил дед.
Танька протянула телефон.
– Хорошая, – сказал дед.
– А чего ж ты тогда сказал, чтобы я стёрла? – удивилась Танька.
Дед не ответил. Он шёл, задумавшись о чём-то. Поэтому Танька не удивилась, когда он сунул мобильник в карман брюк.
Танька не стала мешать деду думать и тоже шла молча. Лишь то и дело поглядывала на дедовскую рубаху, зелёную с красным кантом. В таких только в ансамбле народных инструментов на гармошке играть.
Перед тем, как выйти из леса, дед сказал:
– Ты, Танюша, иди домой, мне надо к соседке Марии зайти поговорить.
Не успела Танька сказать, что тропинка-то в деревню одна, как деда и след простыл. Только что его зелёная рубаха мелькала между деревьями, а вот уже и не поймёшь, шёлковая рубаха на солнце бликует или листья на кустах шевелятся.

– Иди ужинать, гулёна, – сказала бабушка, – деда случайно не видела? Тоже загулял. Бросили меня тут одну.
– Ну что ты, ба, мы тебя не бросали! Мы тебя любим! Дед следом идёт.
Танька обняла бабушку и поцеловала в щёку.
Дед и в самом деле пришёл следом за Танькой.
– Дед, когда ты переодеться-то успел? – удивилась Танька.
– У тебя, Танька, солнечный удар? – пошутил дед. – Я с утра в этой рубахе хожу. Это моя рабочая. Чтоб твоя бабушка не ругалась, что я всю одежду поперепортил. Я эту её моду поворчать хорошо знаю.
Таньке стало тревожно, как было в лесу. Даже ещё тревожнее. Там лес, мало ли что в лесу померещится. А здесь, дома, всё всегда было простым и понятным.
– А мобильник? – тихо спросила Танька.
– Что мобильник? – не понял вопроса дед.
– Кажется, мобильник потеряла, – с трудом подбирала слова Танька.
– Эх, Маша-растеряша. Так надо позвонить тебе.
– Дед, перестань разыгрывать. Ты же меня из леса вывел?
«Вот оно как! Значит, давешний сон в руку», – подумал дед.
– Какая рубаха на мне была?
– Зелёная, шёлковая, с кантиком.
Дед не удержался и бросил взгляд на фотографию, висевшую в рамочке на стене. Василий Павлович, его отец и Танькин прадед, был на ней в косоворотке с кантиком, молодой совсем, ещё и тридцати нет.
Танька поймала взгляд деда. Да, рубаха на фото та самая, правда, фото чёрно-белое, а прадед на нём без бороды.
– Зелёная, значит... – только и сказал дед.
– Я пойду почитаю, – сказала Танька, чтоб только побыстрее уйти в свою комнату.
– Да, и ужинать не буду. Худею я, на диете, а то в дверь скоро не пройду!
Танька вспоминала то одну, то другую подробность своего похода в лес, но

не могла сосредоточиться, чтобы вспомнить всё от начала до конца. Вот она на поляне. Поляну она знает с детства. На поляне коряга. О сучок она порвала новую юбку. Стоп! Какую юбку? Это она сегодня из-за аномальной жары в шортах, но обычно ходит в лес в джинсах. В лесу ведь гады-клещи. Да и в принципе она носит юбки только в школу. И то, когда учителя наседают. Совершенно ненужный предмет одежды – юбка.

А берёза? Качели? Петька Утопленников – сын соседки Марии? Какой Петька? Какая Мария? Кажется, действительно перегрелась, если не хуже.

Танька решила узнать, насколько она сумасшедшая, и для начала спросить деда о соседях. Подходя к комнате, она уловила обрывок разговора.

– А ты, дед, и правда, с бородой – вылитый Василь Палыч в старости, царство ему небесное. Говорила тебе, чтоб сбрил.

– Да, может, к лучшему, что не сбрил? Как думаешь, может, свечку в церкви поставить сходить?

– Сходи, поставь.

– Что, Танька, ужинать решила? – спросил дед, увидев Таньку в дверях.

– Дед, а ты знаешь бабу Марию и Петьку Утопленникова?

– Знаю. Вернее, знал. Они уехали давно. Я примерно в твоём возрасте был, когда они в город подались. Избы их тоже давно нет. Разобрали. На этом месте другой дом стоит, кирпичный. Да ты его из своего окна всё время видишь. То и дело его перепродают, перестраивают. Жильцы каждый год новые.

Танька подумала, что дед сейчас спросит, откуда она про тех соседей узнала. Дед не спросил. И Танька больше не стала ничего выяснять.

– А телефон не жалеи, отец новый купит, – сказал дед, – даже к лучшему, что так.

Почему к лучшему остаться без телефона, Танька не поняла, но расспрашивать не стала.

Ночью сон долго не шёл к Таньке, а потом навалился всей тяжестью. Таньке снилась осень, она идёт за дедом и бабушкой по картофельным грядкам. Дед копает, а они с бабушкой достают из сухой земли клубни. Земля сыплется с клубней, превращаясь в пыль. Пыль забивает глаза и нос, так что невозможно дышать. Бабушка работает быстрее, они с дедом уже впереди, а Танька всё копается на месте. «Подождите меня!» – кричит она им. Пыль оседает во рту. Старики оборачиваются, машут ей, чтобы догоняла. Танька видит впереди много крупных картофелин, ей надо их собрать. Но дед и бабушка не ждут её, они ушли далеко вперёд. И Танька плачет, как будто она совсем маленькая и её обидели. Старики уже не слышат её, их уже не видно. Поле впереди такое большое, Таньке никогда не догнать их, не собрать всех клубней. И бросить урожай нельзя.

Бабушка, услышав, как Танька бредит в голос, подошла пощупать внучке лоб. «Только горячки не хватало», – заволновалась она, убедившись, что лоб горячее некуда. Бабушка пошла в сенцы, где стояло ведро с колодезной водой, зачерпнула кружкой, и вернулась к Таньке, прихватив по дороге полотенце. Потом приговаривала над кружкой:

Не ходи к колодцу – воды не пей.

А пойдёшь к колодцу – вниз не смотри.

Коль помотришь вниз – воды не черпай.

А воды зачерпнёшь – выливай в репей.

А ещё зачерпнёшь – тяжела будет вода.

*Попроси её отдать то, что даром взяла.
Третий раз зачерпнёшь – выливай в ручей,
У него на дне пятьдесят ключей.
Ключ в замке держи, а замок в ключе,
А уронишь ключ – пусть лежит ничей.*

Прикладывая мокрое полотенце к Танькиному лбу, она повторяла и повторяла шёпотом: «Вода, вода, верни то, что взяла... Ключ в замке, замок в ключе».

К утру температура спала, Танька задышала спокойно. Бабушка перекрестила её и пошла подремать, пока никто не проснулся.

За завтраком дед предложил Таньке:

– Давай отцу позвоним, пусть приедет за тобой.

– Так ведь только приехала! – возмутилась бабушка.

– Да не спорьте, я с вами до конца лета останусь, – сказала Танька не терпящим возражений тоном, – буду бабушкину библиотеку изучать, у меня длинный список.

История, которую Таньке очень хотелось услышать, да некому было её рассказать, началась сразу после войны, когда её прадеда все звали не Василием Павловичем, а просто Василием. Коряга, так напугавшая Таньку, была в то время дубом, мощным и здоровым, стоявшим посреди поляны. Как будто остальные деревья, расступились, давая ему необходимое для жизни пространство.

Василий только вернулся домой, и вся деревня Шепотки говорила о скорой женитьбе его на соседке, красавице Марии, наконец-то дождавшейся жениха. В Шепотках, похоронивших большую часть мужчин, все бабы похорошему завидовали Марии.

Со стороны могло показаться, будто Василий затягивает с предложением. А получалось так потому, что всякий раз, когда он собирался его сделать, Мария умудрялась поссориться с ним из-за какой-нибудь ерунды. Василий не узнавал своей Маши. В письмах на фронт она была совсем другая. Эта же спорит по любому поводу.

Очередная ссора закончилась тем, что Мария в сердцах заявила: «Кто ты такой, чтобы мне указывать? Ты никто мне!»

Василий, уязвлённый в самое сердце, тоже в карман за словом не полез: «Подумаешь, королева нашлась! Да вас таких полдеревни – выбирай любую!»

Немного остыв, Василий принял решение подождать, пока Мария одумается, погулять вольным соколом, а потом можно посвататься и свадьбу сыграть.

Но время шло, а примирения не происходило. Мария старательно его избегала, что было для него удивительно, ведь жили они по соседству.

А потом кто-то из баб сказал ему мимоходом:

– Твоя-то замуж выходит.

– Чего мелешь-то? – вспыхнул Василий.

– Да я-то что? Вон у друга своего спроси!

Друг у Василия был один с самого детства – Петька. К нему он и направился за подробностями. Но, не пройдя и половины пути, понял, почему так редко видел Петьку в последнее время. А на днях видел, но так, что лучше бы не видел. Петька и Мария стояли разговаривали у магазина, и тогда у Василия

будто что-то лопнуло внутри от злости. Он развернулся, пока его не успели заметить эти двое, ушёл и постарался забыть о том, что видел. И вот сейчас всё стало на свои места. Эта парочка предателей задумала свадьбу.

Василий к Петьке так и не дошёл. Петька сам пришёл к Василию.

– Чего надо? – глухо сказал Василий.

– Так на свадьбу хочу позвать, – Петька говорил тихо, у него с детства было столько болезней, что все удивлялись, как Петька вообще выжил, когда столько здоровых мужиков поубивало. И сейчас эта Петькина немощь злила Василия ещё сильнее.

– Зачем?

– Ты же друг мой. В свидетели тебя хочу позвать.

Василию казалось, кровь в нём вот-вот закипит, и он взорвётся, как котёл.

– Друг? Вспомнил, значит? Иди ты отсюда, друг липовый. Сунешься ещё раз – убью.

Шепотки заговорили о свадьбе Марии и Петьки, заодно жалели Василия, но не сильно. Тогда-то и взял в привычку Василий уходить в лес, от людей подальше. Придёт на поляну, сядет под дубом и ругает Петьку последними словами. И вроде как легче становится у него на душе.

День свадьбы был самым тяжёлым. Василий сидел под дубом, ему мерещилось, будто песни из деревни доносятся даже сюда. Василий кричал, призывал на голову Петьки все мыслимые несчастья, пока не устал кричать и совсем на шёпот не перешёл. Вернулся домой уже в полной темноте. Коробок спичек по дороге извёл, чтобы шею не свернуть.

Под утро разразилась страшная гроза, редкое для сентября явление. В лесу что-то горело. Василий пошёл посмотреть. Он не узнал своего дуба. Молния прожгла его насквозь сверху донизу. Остались от дерева две обгорелые половины. Мужики потом их спилили и порубили на дрова. Хотели и пень выкорчевать, но тот таким неподъёмным оказался, что бросили они это дело. И осталась коряга торчать посреди поляны.

И у Василия на душе всё перегорело и улеглось. Так бы закончилась эта история, если бы через год не утонул в реке Петька. И река-то в Шепотках по колено, одно название, а не река, и Петька спиртного не употреблял, а вот случилось. Мария чуть не потеряла ребёнка, родила раньше срока, назвала Петром. Мальчик родился хилым. Бабы шептались, что не жилец, нельзя было именем утопленника называть.

Василий по-соседски стал Марии помогать. Так что Шепотки опять заговорили о свадьбе. Глядишь, и сладилось бы дело, если бы не чувство вины, которое носить в себе Василий больше не мог. Пришёл к Марии и всё ей выложил, как на духу, про дуб, про проклятия, про любовь. Пока говорил, Мария смотрела молча в окно, будто и не слушая; рассматривала дом Василия: брёвна крепкие, с такими ещё сто лет простоит, а наличники сгнили, никуда не годятся. Когда Василий закончил, сказала тихо:

– Не приходи больше.

На этом их встречи прекратились. Шепотки, опять не дождавшись свадьбы, жалели Василия, но недолго.

Мария замуж больше не вышла, быстро, как это бывает в деревне, утратив свою красоту. Василий в скором времени женился на молоденькой учительнице из райцентра. Родились у него погодки – Танюша и Павел. Особенно дочку он любил, души в ней не чаял. Не нравилось ему, правда, что соседский Петька, стоило Танюше чуть подрасти, начал ходить за ней, как приклеенный.

Сама Танюша эти ухаживания принимала, как должное, совершенно равнодушно. Павел, хоть и маленьким был, часто над старшими подшучивал: жених и невеста – объелись теста.

Но больше всего не нравилась Петькина любовь Марии. Бабы шептались, что Танька Петьку приворожила. Мария верила: всё так и есть, всё правда. Даром что маленькая ещё эта девчонка, а вся в отца, единственной отрады хочет лишиться – сыночка, Петеньки. На всё готова была Мария, лишь бы сын одумался.

И случилось страшное. Как-то вечером Танюша долго не возвращалась с прогулки. Так что Василий всерьёз подумывал, не всыпать ли дочери, когда вернётся, по первое число, хоть и взрослая уже. Усидеть дома он не мог, взял фонарь, хотел по деревне пройти, однако смутное предчувствие потянуло его в лес, на поляну. Там, у коряги, и нашёл он свою Танюшу, неживую. Врачи сказали потом, что это порок сердца, внезапная смерть.

А Марию с сыном больше никто не видел. Говорили, они в город подались, и тут же добавляли, что странный отъезд, ничего с собой не взяли. Косились на Василия, но тот больше других удивлялся такому отъезду, да и не было ему дела до этих разговоров.

Эту историю Таньке не от кого было услышать. Даже дед не знал, с чего всё началось, хотя хорошо помнил похороны сестры, а потом и матери, не сумевшей пережить потерю.

Больше в деревне с Танькой не случилось ничего странного. В конце августа она вернулась к родителям, начались школьные будни. И вдруг утром второго понедельника сентября отец сказал Таньке:

– Похоже, кто-то нашёл твой телефон.

У Таньки, наскоро запикивающей в себя йогурт, по спине пробежал холодок.

– Как это? Кто?

– Не знаю, кто. Дед Пихто. Позвонили с него. Но тут же трубку бросили. Теперь номер недоступен.

– Деду позвони, – выдавила из себя Танька.

– Да звонил уже. Не берёт.

– Тогда бабушке.

– Тоже не берёт.

Таньку охватило чувство паники.

– Поедем, пап.

На кухню заглянула мама, как всегда опаздывающая на работу.

– Куда собрались? – спросила мама.

– В Шепотки! – с вызовом сказала Танька.

– С ума сошла? Ты только оттуда.

– Старики трубки не берут, – вступился отец.

– Ну вышли куда-то без телефонов. Вы оба спятили? Понедельник! Марш учиться и работать, тунеядцы! И я побежала, пока!

– Ладно, я с работы им позвоню, – примиряюще сказал отец.

Вечером стали решать, что делать. Старики на звонки по-прежнему не отвечали. Танька ходила с мокрыми от слёз глазами, но рассказывать родителям мистику про прадеда не хотела. Мама настаивала, что всё объяснится само собой, и не надо устраивать ей бахчисарайские фонтаны. Учебный год только начался, а кто-то уже мечтает о каникулах. Отец нервничал, но молчал.

Во вторник решили: если до вечера старики так и не ответят, в среду отец с Танькой поедут в Шепотки.

Старики не ответили. В среду утром отец и Танька поехали в деревню. Уже на подъезде увидели, как с кладбища идёт народ.

– Похоронили кого-то, – буркнул отец, молчавший всю дорогу.

Танька прилипла к окну, пытаясь увидеть среди идущих деда с бабушкой. Не увидела.

Дом оказался открытым. Бабы, накрывавшие столы, бросились причитать и обнимать отца и Таньку. Наперебой говорили, что хотели позвонить, но телефонов почему-то в доме не нашли. Пришлось хоронить всей деревней.

На столе стояли две фотографии с углами, перекрытыми чёрной лентой, перед ними лампадки. Старики, как оказалось, умерли в ночь с воскресенья на понедельник, в своих постелях, во сне. Шепоткинские старухи то и дело повторяли, какая это хорошая смерть, им бы такую.

Танька плакала, пока у неё не кончились слёзы. Перед отъездом, вешая на дверь дома замок, отец поделился с ней мучившими его мыслями: «И что потом с домом делать? У нас здесь больше никого нет».

– Как это нет? – удивилась Танька. – У нас все здесь, пап. Все. Никто нас отсюда не выживет.

Отец посмотрел на Таньку, но та не заметила его внимательного взгляда. Танька сосредоточенно смотрела в сторону леса, как будто она не подросток, а полководец, собирающий полки в атаку. «Дочь выросла», – отметил отец. Новые тревоги неожиданно кольнули его в сердце. Что тут произошло без него? Может, напугал кто-нибудь в лесу?

– Замок только в ключе не оставляй, пап, – добавила Танька, – летом вернёмся, наведём свои порядки, новые, и ремонт сделаем.

– Ключ в замке? – переспросил отец, думая, что Танька оговорила.

Танька повернулась, посмотрела на отца, больше ничего не сказала.

Никто в деревне не мог слышать этого разговора. Но всем интересующимся, не продаётся ли дом, в Шепотках отвечали: «Нет, не продаётся. Пал Василий дом внучке завещал». И казалось интересующимся, местные знают что-то, но недоговаривают.

Крот у дачи

Как упоительны в России вечера!..

Виктор Пеленягрэ

Моей прабабушке Екатерине Петровне Морозовой (в девичестве Одицовой) летом 1905-го года едва исполнилось семнадцать. История, однажды рассказанная ею, видится мне так...

– Как вам спалось на новом месте, сударыня? – спросил Юра, подливая Кате чаю.

– А знаете, Юра, спалось! Но как-то странно...

– Отчего же странно? Комары?

– Приснился мне огород с капустными грядками, а посреди грядки будто бы наполовину вылез из земли огромный рыжий крот, этак удобно устроился – смотрит слепыми глазами и улыбается.

– И к чему бы такой сон? Не иначе как к выгодной партии! Не менее генерала, думаю.

– Полноте шутить! Это всё ваши вчерашние проказы!

Вчерашний день выдался для Юры необыкновенно сумбурным. После обеда приехали гости – семейство Одинцовых – давние знакомые родителей, с детьми – Катей и маленьким Володей. Юра всегда был рад Кате, смотревшей на него немного снизу вверх, ибо Юра был студентом университета, и ему оставался последний год. Он любил рассказывать ей, зная наперёд, что она поверит всему. Приятно было украшать рассказы невозможно яркими деталями, то есть попросту привирать.

Катю в новом белом с кремовыми цветами платье с фестончиками Юра мог бы сравнить с фарфоровой куклой, если бы не Катино изменчивое лицо, которое то очень ему нравилось, то не нравилось вовсе. Эта особенность её внешности раздражала Юру ещё и потому, что за собой он знал ту же манеру излишне гримасничать. Вдобавок у Юры были рыжие волосы и веснушки. Ни один его приятель не получался на фотографиях таким дураком, как он. Когда все с упоением дарили друг другу карточки на вечную память, Юра, напротив, прятал свои подальше от чужих глаз.

Катя выглядела с дороги немного утомлённой, но оттого спокойной и прелестной. Родители, радостно встретив гостей, повели старших Одинцовых смотреть подготовленные комнаты. Лиза – восьмилетняя сестра Юры – взяла на себя роль няньки и забрала маленького Володю рвать малину. Юре поручили заботу о Кате.

– Не хотите ли прогуляться, сударыня? – спросил Юра. – Вы любите грибы? Если, конечно, не устали с дороги. Знаете, уже несут грибы, много!

– Страсть как люблю лисички! – соврала Катя не моргнув глазом, а, напротив, мило улыбаясь. – И я совсем не устала.

Юра принёс две корзины, и вскоре они шли по широкой тропе, безуспешно пытаясь найти тему для умного разговора. Лес по обе стороны казался Кате диким и пугающим, но по тропинке идти было легко и приятно.

– Ой! Ой! Не наступите! – вскрикнула Катя, заметив, что Юра вот-вот наступит на свежий труп крота.

Юра присел возле трупа и решил немного рассказать: «Вот посмотрите, Катичка, какой прелестный крот! Если бы я был художником, то непременно изобразил бы! Посмотрите, ведь он настоящий цилиндр! Я бы так и нарисовал бы цилиндр, потом закрасил бы чёрным, без оттенков, и сделал пушисто. А потом бы приделал нос и лапки».

Катя с интересом слушала Юру и наблюдала, как двигаются его руки, изображая процесс рисования цилиндра, и немного дрожат.

Насмотревшись на труп крота, они пошли дальше, туда, где начинался настоящий лес. Комары набросились на обоих, и стало неромантично. Решено было вернуться. На обратной дороге уже Катя чуть не наступила на крота, а потом она же предложила завернуть труп в платочек и принести младшим. Катя, не раздумывая, предоставила батистовый платок с кружевом и вышитыми инициалами «А. Г.». «Что ещё за фрукт?» – отметил про себя Юра, но интересоваться посчитал ниже своего достоинства.

Юра завернул крота и положил в пустую корзину.

Сначала подошли к маленькому Володе, который занимался тем, что нюхал свои ладошки. Он раздавил клопа и теперь обиженно сопел и кривился, размышляя, плакать ему или нет.

– Володичка, смотри, что у нас! – притворно-ласково сказала Катя. Вообще-то, она любила брата, но под влиянием Юры иногда становилась несколько непредсказуемой. Катя раскрыла платок. Володя уставился невинными глазами на дохлого крота, забыл про свои дурно пахнущие ладошки и сказал: «Кыса!» Юра с Катей переглянулись и разочарованно закрыли крота обратно. Володя обиделся, что «кысу» забрали, и заревел. На его крик прибежала Лиза, испуганная тем, что в её недолгое отсутствие с Володей могло случиться плохое. Юра решил идти до конца и вытряхнул крота из платка прямо на Лизу со словами: «Лови крысу!»

Юра никогда не думал, что Лиза умеет издавать такие звуки. По крайней мере, учитель пения Христофор Петрович всегда печалился, что «у Лизаньки необычайно скромный голос». На крик выбежали родители и, разобравшись, в чём дело, отчитали Юру весьма обидными для человека, считающего себя взрослым, словами. Юра, красный, ушёл к себе и не выходил в гостиную до послеобеденного кофе.

После кофе читали по ролям последнюю пьесу Чехова – «Вишнёвый сад». Дошли до третьего действия, где Трофимов, чьи реплики зачитывал Юра, дразнит Варю и называет её мадам Лопахиной. Реплики Вари читала Катя. Взрослые чему-то улыбались, стараясь не смотреть ни на Юру, ни на Катю.

Катя читала, делая паузы после каждого предложения, будто не веря, что Чехов, кончину которого оплакивала вся прогрессивная общественность, мог написать такой сомнительный текст: «Мамочка, не могу же я сама делать ему предложение. Вот уже два года все мне говорят про него, все говорят, а он или молчит или шутит. Я понимаю. Он богатеет, занят делом, ему не до меня. Если бы были деньги, хоть немного, хоть бы сто рублей, бросила бы я всё, ушла бы подальше. В монастырь бы ушла».

«Благодение!» – произнёс Юра свою реплику, и сделал это с таким довольным и комическим выражением лица, что взрослые рассмеялись.

Катя чувствовала, как у неё горят кончики ушей, но не останавливалась: «Студенту надо быть умным!» Продолжение реплики следовало читать мягким тоном, со слезами. Катя, глядя на Юру, мстительно запричитала: «Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели!»

Неожиданно Лиза, до сего момента, сидевшая тихо, воскликнула: «И во-все Юра не старый! Давайте лучше пить чай с вишнёвым вареньем!» И все, почувствовав облегчение, пожелали чаю и перешли на разговоры о вишне, которой в это лето уродилось с избытком, так что уже и компота наварили, и варенья, а её всё некуда девать.

Вечером зарядил дождь, спать легли раньше обыкновенного.

Теперь, утром, вчерашнее их с Катей поведение выглядело слишком детским в глазах Юры. И воспоминание об этом сделало Юру излишне жёлчным с Катей:

– Ваша, между прочим, была идея с кротом! Вы ещё совсем дитя! Хоть и замуж хотите.

– И ничего подобного! С чего вы себе взяли? Да я даже не думала об этом. Да и зачем бы мне об этом думать? – затараторила Катя.

– А вот и неправда! Вы сами знаете, что неправда. Все девушки вашего возраста только об этом и мечтают. И пишут всякие глупости в альбомах. У вас же есть альбом?

– Но с чего вы про меня так решили?

– Ну есть же у вас альбом? Покажите!

У Кати был альбом, но признаться в этом было никак невозможно, потому что тон Юры сделался слишком насмешлив.

Юра улыбался, наблюдая, как, надув прелестные губки, Катя решительно встала из-за стола и направилась к своей маменьке любоваться розовым кустом.

Потом Юре стало немного стыдно и немного скучно. «А напишу-ка я ей письмо, а лучше стихи!» – решил он и отправился в комнату сочинять.

– Катичка, смотри какая шикарная Cabbage rose! – восторгалась маменька кустом центифольной розы.

«Замуж, значит, мечтают все девушки», – думала Катя, пытаясь справиться с охватившим её праведным гневом.

– Да, маменька, шикарная, – ангельским голосом произнесла она. – Только название несколько прозаическое. Капустное несколько.

Тут же ей вспомнился придуманный давеча сон про капустные грядки. «Ах ты крот с веснушками!» – мысленно съязвила она.

– Ну что тебе до названия? Посмотри, какие махровые цветки! В каждом не менее ста лепестков.

– Думаю, более.

– Ну, вряд ли более...

– Как скажете, маменька.

«Я отомщу! – обещала себе Катя. – Отомщу за всех обманутых девушек». В этот момент ей казалось, что Юра обманывает девушек одну за другой. Но с ней такой номер не пройдёт!

– Катичка, ты сегодня какая-то бесчувственная! Посмотри на тот поникший цветок! Он же в точности, как на картине де Хема.

– Да, маменька, я вижу. Абсолютный де Хем!

«Любит – не любит», – повторяла про себя Катя, обрывая у поникшего цветка один лепесток за другим.

Раньше Юре писать стихов не доводилось, но, представляя, как это делают другие, он запер дверь, взлохматил себе волосы, сделал в зеркало безумные глаза и начал:

Зачем, коварная, меня вы соблазнили

Бросать крота издохшего в детей?

Перечитал. Показалось, что «издохшего» не очень поэтично, исправил на «покойного». Продолжил:

Хотите замуж вы? Признайтесь! Или – или...

Я как поэт далёк от ваших хитростей.

Сначала обрадовался, что очень хорошо, просто Фет! Потом перечёл и хотел уже совсем выбросить. Начались муки творчества. Вспомнились кремлевские цветы на платье Кати и пятно от вишни, которое он обещал помочь вывести, понятия не имея, как это делается. Перечеркнул всё. Начал заново:

Зачем, коварная, меня вы соблазнили...

Остановился в мечтаниях. Хотелось представить себе соблазнение, но образ Кати никак не годился для этого. Вспоминалась совсем другая особа, из-за которой он хотел стреляться год назад. Правда, пистолета взять было негде, да и вообще передумал.

Зачем, коварная, меня вы соблазнили

Бросать крота покойного в детей?

Хотите замуж вы? Признайтесь! Или – или...

Я вас возьму, простую, без затей.

Прочитал вслух. Подумал, что Катя, пожалуй, обидится на «простую». И пусть себе! Достал хорошей бумаги, красиво переписал и сделал подпись «Непризнанный гений». Передал письмо с Лизой, которая так была горда выполнить столь деликатное поручение, что окончательно простила брату вчерашнего крота. Сам же поэт устроился в плетёном кресле на веранде наблюдать...

Катя, отойдя от маменьки и куста, развернула записку и увидела вдруг стихи. Прочитала, почувствовала, что стала розовее розы, которую она не успела общипать до конца, хотела уже изорвать письмо, но показалось, что будет слишком как в театре, да и пожалела стихов. Катя посмотрела на веранду, где Юра медленно раскачивался в кресле, перечла ещё раз, улыбнулась и, подойдя к маменьке, сказала, что Юра сделал ей предложение. Маменька, а за ней и все остальные, очень обрадовались такому известию. «Наконец-то!» – слышалось со всех сторон. Один Юра выглядел обескураженным до самого вечера, что, впрочем, было истолковано как неверие собственному счастью. На следующий день он почувствовал себя вполне женихом, и в сентябре сыграли свадьбу.

Такие перемены в судьбе заставили моего прадедушку Юрия Юрьевича Морозова почувствовать на себе всю силу поэтического слова. Стихов он больше никогда не писал.

Коля и Ануш

У Коли в кармане лежал билет на пять поездов, но он решил сэкономить, пристроившись вплотную за одним из гостей столицы. Было время, когда о любом билете Коля задумывался, только заметив контролёра. Теперь, в тридцать с хвостом, он экономил не так принципиально – исключительно в толпе. В шесть вечера на «Павелецкой» толпа гарантирована. Коля пристроился за девушкой с тяжёлой сумкой в одной руке и билетом в другой. У турникета девушка замешкалась, пытаясь понять, куда воткнуть билет. Сзади наплывал народ, расходясь влево и вправо. И только Коля ждал, когда девушка приложит билет к жёлтому кругу.

– Да приложите билет, девушка! – не выдержал он.

Девушка наконец-то попала билетом в жёлтый круг. И Коля неловко прошёл следом, слегка толкнув её вперёд. Лучше бы он прошёл по билету, чем так. Девушка и ещё пара человек неодобрительно посмотрели на Колю. «Да, давайте ещё устроим товарищеский суд», – подумал он и ускорил шаг.

На платформе не протолкнуться. Коля пропустил первый поезд и дождался следующего. После «Добрынинской» в вагоне стало свободно, и Коля

заметил невдалеке ту самую девушку, не умеющую входить в метро. Она сидела с прямой спиной, подавшись вперёд, как сидят люди, боящиеся проехать свою остановку. Вид у неё был нездешний, именно такой, с каким останавливает полиция проверить регистрацию. Лицо приятное, почти детское, длинные чёрные волосы собраны в унылый хвост, из одежды – некрасивая куртка, то ли мужская, то ли женская, длинная юбка и на ногах нечто, похожее на тапки, но носящее у девушек гордое название балеток. «Да, с таким колхозным видом вряд ли можно покорить Москву», – мысленно подытожил Коля.

Ануш прилетела в Москву впервые. Здесь с семьёй жил её дядя – брат матери. Он пообещал пристроить племянницу торговать на рынке в Тёплом Стане, просил не сомневаться, стоит ли приезжать. Конечно, стоит, ведь Ануш нужно самой заработать на учёбу. Дядя написал адрес в Москве и инструкции, как доехать до дома, на случай, если у него не получится встретить её в аэропорту. Добраться из Степанакерта до Москвы оказалось непросто. В Ереване её приняли родственники отца, которых она знала хорошо, хотя отца не помнила совсем, его убили в 2002-м, когда ей было три года. Потом самолёт до Москвы. Московских родственников Ануш знала только по общению в интернете и переживала из-за того, что придётся жить у них приживалкой.

Мобильник разрядился ещё во время полёта, зарядное устройство осталось в багаже. Поэтому не получилось вовремя позвонить ни матери, ни дяде. Ануш долго всматривалась в лица встречающих, однако дядю не увидела. Или не узнала. Уставшая от долгого пути, она хотела только одного – доехать до неведомого Тёплого Стана и выпить там тёплого чая, а лучше горячего. Название района казалось ей странным, на память приходили картинки с монголо-татарскими кочевьями из учебника истории. Но те кочевья не казались слишком гостеприимными, тёплыми. Интересно, как будет здесь.

Мать заставила её взять куртку, которую Ануш терпеть не могла. Мать, как всегда, оказалась права: в Москве было холодно, хотя всего-то середина октября, шёл противный дождь. Хорошо, что ноги ещё не успели промокнуть, а она уже добралась на аэроэкспрессе до метро «Павелецкая». Как всё здесь сложно!

Через турникет за ней прошёл мужчина без билета, толкнув её в спину и не извинившись. Ануш не понравилось его лицо, небритое и колкое.

Своё прозвище – Сарафан – Коля получил, будучи во втором классе, от брата Вовки – абсолютного авторитета. Во-первых, Вовка был старше на целых восемь лет, а во-вторых, у него денег было больше, чем у матери. Когда Коля пытался расспрашивать, где можно столько заработать, тот говорил, что есть такой бизнес – торговля, но Коля до неё носом не дорос. Коля очень хотел заняться торговлей и решил для начала продать что-нибудь ненужное. Выбор пал на ткань, которая годами хранилась в гардеробе. Она осталась ещё от бабушки. Бабушка любила покупать ткань, но не умела шить.

Коля понимал, что делает не то, за что взрослые хвалят детей, потому дождался, когда дома никого не будет, и открыл скрипящую дверку гардероба. Он вообразил, будто снимается в детективном фильме, выбрал для начала отрез ситца в мелкий цветочек, выдернул его из-под других кусков ткани, аккуратно разгладил те, что помялись после выдёргивания, потом положил ситец в заранее приготовленный пакет и сунул в рюкзак. Если бы мать случайно наткнулась на ситец, сказал бы, что велено принести материал на урок труда.

До начала уроков Коля подошёл к одноклассникам и спросил шёпотом: «Вам ситец не надо? Дёшево». Девочки переглянулись, испуганно замотали головами. На этом его карьера торговца текстилем закончилась. На втором уроке обнаружилось, что вся школа в курсе несостоявшейся купли-продажи. Классная вызвала мать. А дома Вовка ржал, как конь, и называл Колю Сарафаном. Кличка приклеилась намертво.

Ануш думала о матери, которая сейчас, конечно, сходит с ума, выбирая из всех версий отсутствия контрольного звонка самую катастрофичную. Наверняка, сидит перед телевизором и смотрит, где разбился самолёт. Непонятно, как она вообще отпустила её одну.

Ануш увидела, что по вагону медленно движется женщина с кривой картонкой в руках. На картонке – обращение к добрым людям помочь деньгами на операцию. Ануш наклонилась к сумке достать кошелёк.

«А, покажи всем, что у тебя набитый наличкой кошелёк... вот дура-то!» – сердился Коля на девушку. Та долго искала кошелёк в сумке, потом так же долго вынимала деньги. Всё это время остальные пассажиры безуспешно делали вид, что их в этом вагоне нет. Сама больная застыла с протянутой рукой. Наконец девушка сунула свои копейки. На лице больной отразилось разочарование, она рассчитывала на большее.

Объявили «Октябрьскую». Оказалось, гостя столицы выходит. Коля последовал за ней.

После перехода на другую ветку Ануш оставалось доехать до «Тёплого Стана» и пешком дойти до дома. Дядя сказал, от метро совсем близко, пять минут. Не верилось, что её долгое путешествие вот-вот закончится. Она встала у дверей (сесть было некуда) и от нечего делать принялась рассматривать москвичей. Одно лицо показалось знакомым. Конечно, это же тот самый тип без билета, который прошёл вместе с ней! Мужчина посмотрел ей в глаза и смутился. Ануш стало не по себе.

«Вот чёрт, узнала меня, – подумал Коля, – придётся отстать, а то ещё попадётся по дороге мент, так она, чего доброго, пойдёт к нему за защитой». Коля сам от себя не ожидал решения незаметно проводить девушку до дома. Желание поработать ангелом-хранителем, оказывается, может грозить личными неприятностями. Девушка даже не красивая. Хотя глаза ничего так, выразительные.

Толпа, сначала сильно не понравившаяся Ануш, теперь стала её защитой. Несколько раз оборачивалась проверить, не идёт ли за ней этот тип, похожий на вора. Нет, его не было.

На улице уже стемнело, дождь лил сильнее. Она спросила женщину, шедшую навстречу, как пройти к дому два, корпус три. Оказалось, дом действительно рядом, – от метро к его торцу вела тропинка, выложенная плиткой. Ануш добежала до конца тропинки и повернула за угол. Как же медленно она двигается, всё из-за сумки! Первый подъезд, к счастью, был её. Но железная дверь закрыта! Дядя что-то говорил про дверь. Она достала из кармана бумажку с адресом.

Коля вышел из метро. Девушки нигде не было видно. Вряд ли она успела далеко уйти. Значит, направилась к ближайшему дому. Он пошёл по тропинке, вжимая непокрытую голову в плечи, дождь противно капал за шиворот. Свернув за угол, Коля налетел прямо на девушку возле подъезда. Даже вздрогнул от неожиданности. Та выглядела типичной жертвой маньяка. «Да не бойся ты!» – сказал Коля, понимая, что это не самая подходящая фраза.

Ануш не успела разобраться в записке с адресом, как на неё выскочил тот самый ужасный мужчина из метро. Единственное, о чём она успела подумать, – мама этого не переживёт... Неожиданно мужчина заговорил с ней. Не понимая смысла фразы, Ануш услышала в его голосе что-то доброжелательное.

- Что?
- Не бойся, говорю.
- Зачем вы за мной идёте?
- Провожая, – сказал Коля, понимая, что выглядит глупо.
- Зачем?
- Чтоб не обидел кто. Дверь-то можете открыть?
- Да вот, никак не пойму, что тут за кнопки.
- Ну давайте помогу, что ли.

Ануш протянула Коле листок. Тот, объясняя, что значат цифры и знаки, набрал код на домофоне. Раздался звонок, как будто сработал будильник.

- Вот сюда говори.
- Да, – сказал железный замок изменённым дядиным голосом.
- Это Ануш.
- Ну наконец-то, нашлась, входи, шестой этаж.

Ещё один звонок, долгий, как гудок поезда. Коля открыл и придержал дверь.

- Зовут-то тебя как? Ануш? Меня Коля, то есть Николай.
- Ануш, – сказала девушка, улыбнувшись.

С улыбкой её лицо можно было назвать красивым.

Дверь за Ануш закрылась. Коля достал авторучку и записал на ладони этаж и номер квартиры.

Возвращаясь к метро, Коля подумал: «А если бы у нас родилась дочь, мы бы назвали её Нинуш, в честь обоих родителей – Николай плюс Ануш».

Химия и жизнь, или Леночка как причина буржуазной революции

Провалив после окончания школы вступительные, я оказалась на химическом заводе. Не в цеху с потолками высотой в три этажа, где на любой поверхности, как горизонтальной, так и вертикальной, лежал слой неизвестного, но ядовитого вещества, а в светлой лаборатории, к тому же исследовательской, что должно было будоражить моё комсомольское воображение.

Нас было трое лаборантов-исследователей, одну из нас звали Леночкой. Леночка была ослепительной красавицей. Лаборатория объясняла это

составом Леночкиной крови, включавшим в себя равные доли армянской и литовской крови. Химики, что с них взять!

Успех в работе лаборанта во многом зависит от правильно приготовленной посуды. В идеальном коллективе ты должен ровно в 7:45 утра взять с общей полки чистую, сухую колбу комнатной температуры и взвесить её на электронных весах.

В нашем коллективе всё было иначе. По утрам начальница Людмила Ивановна, ещё с порога бросив взгляд на раковину, спрашивала, кто оставил невымытой посуду. «Это не я!» – отвечал слаженный хор лаборантов-исследователей. Мне, как самой молодой, приходилось чаще других мыть вчерашнюю посуду. Когда наступало святое время взвешивания колбы, оказывалось, что сухой и остывшей для меня не осталось. (По инструкции колбы сушат в сушильном шкафу, остывают они долго.) Весы отказывались определять вес неидеальной колбы. Весам вообще всё равно, моют исследователи посуду или нет. Но колба должна быть сухой и остывшей. Только тогда вес не будет ползти. Леночка с не сходящей с лица улыбкой, поставив раствор фильтроваться, садилась пить чай. Хотя все знали, что посуду накануне не вымыла именно она. Ей всегда нужно было бежать.

В один прекрасный день нам принесли целую коробку сверкающих первозданной чистотой стаканов, воронок, колб и бюреток чешского производства. «Давайте разделим всю посуду на троих!» – предложила я, сама удивляясь этакому бунту. И сразу добавила: «И шкафы тоже поделим!»

«Глупость какая!» – возмутилась Леночка. Однако на этот раз её никто не стал слушать. Случилась маленькая буржуазная революция в одной отдельно взятой лаборатории. Всего на этаже было три лаборатории, ещё три – в других цехах. Никуда больше эта буржуазная зараза не распространилась, но вызвала много слухов. «Вы правда всю посуду поделили?» – спрашивали лаборантки ОТК. «Правда. И вам советуем!» – свысока кивали мы. Почему революция буржуазная? Ну хотя бы потому, что антисоциалистическая. И, конечно, мелкособственническая.

На завоёванных колбах и стаканах карандашом для стекла я нарисовала синие снежинки. Никто на мою посуду не покушался.

Само собой, в раковине посуда по утрам никуда не исчезла. Но теперь, когда Людмила Ивановна спрашивала, кто не вымыл, Леночка, ослепительно улыбаясь, говорила: «Ой, извините, это, как всегда, я. Можете меня убить, только не ругайте!»

Каждый день, видя полный шкаф посуды, я удивлялась, как это мне раньше приходилось искать колбу для анализа? Этих колб у меня теперь было как грязи. И все сверкали чистотой, даже пятен от воды не оставалось, я мыла старательно, по всем правилам. Для себя же, не для Леночки.

Леночка была женщиной замужней. Её муж носил форму капитана милиции и фамилию Кошечкин. По Леночкиным рассказам, Кошечкин был крут и красив, как комиссар Каттани. Но семейная жизнь Леночки то складывалась, то не складывалась. О том, сложилась или нет в очередной раз её семейная жизнь, можно было догадаться по выражению лица, с которым она нашёптывала на ушко очередной доверенной особе, почему опоздала на работу. Однако единственным человеком, которого Леночка действительно любила, был их с капитаном пятилетний сын. Она так мило сюсюкала, пересказывая каждое слово ребёнка («Мамуйюубью, капиканайубью!»), что в эти минуты я всякий раз укоряла себя: «Вот Леночка – она красивая и добрая! А что такое ты?»

В октябре нас с Леночкой как самых малоценных работников всех заводских лабораторий отправили на картошку. На картошке был рай. Погоды стояли солнечные, располагающие к романтике. Меня даже покатали на тракторе. Трясло сильно, но весело. Из посланцев других цехов образовалась компания моих бывших одноклассников, ожидающих повестки из военкомата. Позже оказалось, за колхоз и платят отдельно. Так что я, добровольно продлив сезон полевых работ на месяц, прилично заработала. Чуть ли не больше директора завода. При этом все лаборанты были благодарны мне за то, что я избавила их от поездок на поля. Правда, после возвращения в лабораторию мне пришлось учиться заново каждому анализу. Я умудрилась забыть вообще всё, чему меня научили!

На картошке Леночка встретила Сергея, инженера цеха приборов и автоматики. Когда их взгляды пересеклись в первый раз, все, находящиеся в радиусе поражения, почувствовали, как воздух сотрясся от электрического разряда убойной силы.

У Сергея была фигура футбольного бога, выцветшие за лето кудри и голубые глаза. Ещё у него была жена и двое детей. Его жену наш класс знал очень хорошо, потому что она хоть и недолго, но преподавала в школе. Это была приятная, доброжелательная и принципиальная женщина. Молодые учителя с подобными характеристиками каждый год уходили из школы в райком комсомола – на повышение. Представить, что при такой жене можно закрутить роман на стороне, я не могла. Однако роман у Леночки и Сергея закрутился, кажется, с первых же случайных фраз, брошенных ими в общий котёл беседы. Впрочем, какая могла быть общая беседа, когда всем было интересно только одно – что с этой парочкой будет дальше?

А дальше всё было логично: Леночка перевелась в цех Сергея. Я не представляю кем, потому что у неё даже школьный аттестат был утерян в связи с бегством из бывшей союзной, но с некоторых пор недружественной республики. Иногда она заходила к нам в исследовательскую в гости и так же, как раньше, возбуждённо рассказывала на ушко посвящённым об отношениях в новом коллективе. Я думала, как всё-таки хорошо, что Леночка ушла. В таком состоянии она бы тут всю посуду переколотила.

Незадолго до её ухода из лаборатории у нас произошёл очередной, мелко-собственнический с моей стороны, конфликт. Я привезла из Москвы дефицитный набор из четырёх теней для век, с зеркальцем. Набор, пахнувший Францией. «Дай посмотреть!» – сказала Леночка. Прежде чем я успела сказать «нет», Леночка выхватила набор и тут же выронила его; зеркальце отлетело под шкаф (хорошо, что не разбилось), а крышка треснула. Кажется, сам запах Франции в один миг улетучился, подменившись запахом пепла, остывающего в тигельном стакане. «Ой, я не хотела!» – сказала Леночка. Её ослепительная улыбка в этот момент стала ещё несноснее, чем обычно. «Криворукая!» – примирительно сказала Людмила Ивановна, не любившая скандалов. Я смерила Леночку таким презрительным взглядом, на который только была способна.

Да, я завидовала Леночке. У неё была не объяснимая никакой химией красота, муж, с которым у неё то складывалось, то нет, любовник, прекрасный, как футбольный бог, и сынишка – не выговаривающий половину звуков ангелочек. А что было у меня, кроме сломанного наборчика теней, молчаливых переглядываний в столовой с одним сомнительным типом и моей посуды со снежинками? Надо было срочно всё менять! И в скором времени я уехала и поступила в Университет. Но странное дело, иногда на некоторых фотографиях

вместо своей улыбки я вижу хитрую улыбку Леночки. «Галюня! – слышу её шёпот в ухо. – Хочешь, я тебе расскажу, как устроена жизнь?» «Да нет, Ленусь, – отвечаю ей, – пожалуй, я интереснее расскажу!»

Единственное, о чём мне грустно думать, проезжая мимо зданий бывших цехов, – нет уже ни лаборатории, ни завода. Не выдержало социалистическое предприятие буржуазной революции. Но тут уж я совершенно ни при чём. Мне было бы приятно знать, что эта школа жизни по-прежнему работает. Лишний раз я там не езжу. Дорога разбита.

Пятница, 13-е

Арнаутский забыл сон. Вообще-то Арнаутский уже много лет не помнил снов, а потому был уверен, что они ему не снятся. Но в пятницу утром, выходя из подъезда, он увидел чёрного кота, сидящего на пути. Арнаутский помедлил. Он вовсе не был суеверным, однако где-то в глубине души немного и был, и Эдгара По в детстве читал, потому чёрным котам не доверял. Пока Арнаутский выбирал маршрут обхода, кот внимательно следил за ним. Арнаутский шагнул вправо – кот бросился наперерез, и в это самое мгновение Арнаутский ощутил тревожное послевкусие забытого сна. Но как ни пытался вспомнить сон, не получилось.

В обед неожиданно позвонила бывшая одноклассница Женя Лапкина, прозванная когда-то Лапкиной-Тапкиной. Они поделились друг с другом новостями об одноклассниках (вернее, делилась одна Лапкина, Арнаутского эти люди давно не интересовали), а потом Лапкина сказала, что у неё ностальгия, поэтому она хочет отметить свои тридцать лет (Представляешь? Тридцатник! Совсем старуха! – Ну что ты! Ты ничуть не изменилась!) со школьными друзьями, и была бы рада видеть и его. Арнаутский обещал быть всенепременно.

После неудачного брака Арнаутский почти не интересовался женщинами. Ему было хорошо одному. Он не держал даже собаку. Правда, у него жил джунгарский хомяк Степан. В лучшие моменты хомяка называли Степашкой, в худшие – Свиньёй.

В субботу Лапкина перезвонила:

– Знаешь, у многих неотложные дела, поэтому я решила не заказывать столик, а пригласить всех к себе. Будет небольшая компания, так даже лучше, пиши адрес...

В назначенный час Арнаутский с букетом из тридцати красных роз, который должен был восхитить всех одноклассниц, позвонил в дверь квартиры Лапкиной. Дверь открыла хозяйка. Первое, что бросилось в глаза, – помада цвета ростовских помидоров. Потом Арнаутский отметил некоторые возрастные изменения и, испугавшись, что Лапкина заметит его реакцию, сказал: «Ты почти не изменилась! Только стала ещё красивее!» Но Лапкина заметила, что он отметил. А он заметил, что она заметила.

Прошли в комнату, стол был накрыт на две персоны.

– Очень небольшая компания! – пошутил Арнаутский, протягивая букет, не сыгравший своей роли.

Лапкина, улыбнувшись, поблагодарила за цветы, но объяснить ничего не стала. Арнаутский почувствовал себя тигром, за которым громко захлопывается дверь клетки, и смело шагнул к столу. «Главное – ничего не обещать!» – решил он.

После нескольких тостов Лапкина стала намного привлекательнее. Помидорная помада то ли стёрлась, то ли перестала раздражать, и Арнаутский признался:

– А знаешь, Лапкина-Тапкина, ты мне нравилась в седьмом классе.

– Арнаут, меня так уже лет десять никто не называл! Правда, что ли, нравилась? Почему я этого не помню? А как же твоя Малая Арнаутская?

Так прозвали их одноклассницу Лену, отличавшуюся невысоким ростом.

– Ленка? Не, Ленка – в восьмом. В седьмом – только ты!

Лапкина нарушила табу на курение в квартире, и они дружно покуривали, попивая кофе. Выяснили, что у Ленки уже трое детей.

– А ты чего ж развёлся?

– Да я и не помню уже. Мусор, что ли, не вынес...

– Шутишь?

– Ха! Если бы...

– А чего ты мусор не вынес? В мусоре любишь сидеть? – Лапкина вдруг хрюкнула от смеха и стала похожа на себя же школьницу.

Арнаутский подумал, что красная помада – это круто и сексуально!

– Ну, а ты чего же не замужем?

– Нету, Арнаут, достойных такой красоты! И интеллект, как ни прячь, вылазит в самый неподходящий момент.

– Да какой там у тебя интеллект? У тебя тройка по химии всегда была.

– Да. Да! Но и этого достаточно. А химия не помогает. Ну, не о ядах же с мужчинами говорить.

– Можно о спиртах ещё.

Лапкина опять хрюкнула, брызнув кофе во все стороны. На белой рубашке Арнаутского появились мелкие, как из пульверизатора, пятна цвета жжёной сиены.

– Ой, прости! Снимай! Я скоренько постираю с отбеливателем.

Арнаутский, снимая рубашку, быстро трезвел и думал: «Ну вот, началось!» Он втянул живот. Пока Лапкина отсутствовала, немного отдышался. Потом снова втянул.

– Толя, у меня к тебе дело!

– Ну, выкладывай! – сказал он понимающе, отметив, что Лапкина даже вспомнила, как его зовут.

– Ты не мог бы отвезти мою маму на дачу?

Арнаутский хорошо помнил Лапкину Старшую. Характером и фигурой она походила на немецкий танк Первой мировой «Мефисто». Такого поворота он не ожидал.

А Лапкина продолжала уговаривать:

– Я ей пообещала, понимаешь? А тачка в ремонте...

Арнаутский подумал, что тоже разбил бы тачку, если бы это могло избавить от Лапкиной-Мефисто.

– Толечка! Ну, я очень тебя прошу! Буду твоя должница на всю жизнь!

Через неделю Арнаутский вёз Лапкину Старшую на дачу вместе с шестью баулами и саженцами облепихи в багажнике. Забытый сон вспомнился сам собой: кто-то ломится в дверь, Арнаутский из последних сил подпирает плечом и одновременно крутит замок, но замок предательски прокручивается и прокручивается.

Дирижёр

Начало октября выдалось на редкость холодным. По вечерам на оконных стёклах проявлялись графические заготовки для будущих морозных шедевров. Мы, слушатели вечерних курсов Литинститута, занимались в пальто – в только что отремонтированном главном корпусе не спешили запускать систему отопления.

Именно в это время у входа в метро появился бомж. И я теперь дважды в день проходила мимо него. Вернее, вечером и очень поздно вечером. Проходила мимо.

Хорошо помню первое чувство – раздражение, перерастающее в злое бессилие. Его вжатая в плечи голова никак не вязалась с моим представлением о человеке как существе, созданном по образу Божию. Бомж был похож на собаку, которая боится, что её заметят и убьют.

Когда стало совсем промозгло, бомж перебрался к стене торгового центра. Он сидел на ящике, подставив руки под вентиляторы кондиционеров, и ловил струи тёплого воздуха, не заботясь о том, что сверху льёт дождь. А выглядело это так, будто он дирижирует симфоническим оркестром и не замечает ничего, кроме музыки.

Больше всего меня ужасали его голые колени. Джинсы, когда-то супермодные, пошли по классическому пути превращения в шорты. Распухшие колени бомжа за несколько дней превратились для меня в символ безразличия, которое не может не погубить мир. Если бы я писала настоящий рассказ, моя героиня и весь остальной мир в финале расплатились бы за всё. Дирижёр бы додирижировал симфонию «Конец света», поклонился и исчез. Аплодисментов не последовало бы. Трещина равнодушия к тому моменту достигла бы земного ядра и расколола мир на много маленьких мирков.

Вот такой ужас чувствовала я два раза день. И вдруг бомж пропал. Я спрашивала себя: «Может быть, его забрали и поместили в более пригодное для жизни место?» И отвечала себе: «Может быть». Но ни в какое волшебное место не верила.

А вчера иду – сидит под эстакадой. И голову не вжимает. Его безумный взгляд упирается в лица прохожих, как вилы в стену сарая. Кажется, ограбь и убей он кого-нибудь – сразу получит тёплую камеру и ежедневную баланду. Для всех это ужас, для него – счастливый билет. Что ему терять?

Я – тот автор, которому не известны ни перипетии героя, ни финал. Хотя нет, финал как раз получился. А то меня на семинаре прозы частенько ругают: «Концовки опять нет, концовки нет!» Да вот же она, в середине! Трещина растёт... растёт – вспышка – и тишина.

ПОЭЗИЯ

Светлана КРАВЦОВА-РЫСЕВА

Светлана Валентиновна Кравцова-Рысева – родилась в Кирове, но в детстве переехала с родителями жить в Красноярск. В Красноярске окончила профессиональный лицей, колледж и институт. Стихами увлекается с детства, также пишет афоризмы и рассказы.

Живёт в Красноярске.

«Ходит по кругу жизнь...»

Я прошу, подари

Я хотела малышкой повзрослеть,
Да про старость не знала ещё тогда.
Время детства шутило, даря билет,
А потом не оставила и следа.

Юность больно ударила по щекам,
Показав ненадёжность людской любви.
И не прыгала я тогда к облакам,
Заливалась слезами, да до зари.

Помню, в зеркало гляну и рассмеюсь,
Кучерявые локоны распустив,
А сейчас перед зеркалом лишь конфуз,
Нет той прыти из детства, и взгляд скучлив.

Время было не спонсор, а ростовщик.
Силы взяты, потрачены ни на что.
Догорает в ночи уже твой ночник,
Только милым осталось пока лицо.

Фонари зажигаются вновь и вновь.
И любовь будет снова шептать стихи.
Пусть немного его и пусть из кусков,
Я прошу, это время мне подари.

От чего же не идёт этот Он

Я накину капюшон и пойду
Там, где в сумерках отводят глаза.
Помолюсь я мостовой и дождю,
Не окрикну никого, никогда.

Предрассветной тишиной наслаждаясь,
Родниковой разольюсь я водой.
В этой жизни ты один был мне князь,
Оказалось, не такой уж и мой.

Звёздной поступью восходит луна,
Ветер снимет капюшон с головы,
Свет из окон говорит: «ни одна»
И подарит поцелуй – «На, лови!»

И на окна помолясь, снова в дом
Входишь осенью, садясь у окна.
От чего же не идёт этот «Он»,
Ведь он знает, без него я одна?

Не ругайте вы зиму, она приходила ко мне

Не ругайте вы зиму, она приходила ко мне.
Вновь рассыпала снег и немного пугнула вас вьюгой.
Не поверите, но мы сдружились, и вот мы подруги,
Расставаться настала пора, что обидно вдвойне.

А бывало, затянем мы с ветром простецкий мотив,
Лишь свеча огоньком задрожит, разволнует картины,
Освещает свой метр, а мы грезим и дуем на спины
Тех, кто, днём проходя, был немного хотя бы учтив.

Не ругайте вы зиму, она приходила ко мне
Защитить от обид и смахнуть мои горькие слёзы,
Не спешите сказать, что к душе моей ближе берёзы,
Вы не знаете то, что останется после извне.

Давали шанс

Солнце снова встаёт, освещая нам жизнь и дорогу,
И трава на лугу покрывается снова росой,
Мои ноги босы, я лечу их волшебной водою,
Несмотря ни на что, я готов к диалогу с тобой.

Седина из волос, словно инеем нежно укрыла,
Позволяет судить и рассматривать многое вновь,
Да душа, что мешок, в ней не спрячешь холодное шило,
Многочисленных ран не считая, от разных кнутов.

А минут уже нет, сэкономить, то значит потратить,
Не вернуть время вспять и, как водится, следует жить.
Начинаешь гадать, да придумывать, что было ради,
И в итоге теряешь последнюю истины нить.

Ветер жизнь как свечу, что горела, задует тихонько,
Соберёт всех как пепел, и снова раздует на раз.
Вновь на сердце тоска, и в груди так мучительно горько.
По судьбе никого ты не встретил, хотя дали шанс.

Тишина

Уснул закат в деревьях спящих,
Шуршит листва от ветерка,
Глаза не колет свет горящий
От света близкого окна.

За белой занавеской солнцем
Свет люстры освещает дом,
И я смотрю в твоё оконце
Да вспоминаю о былом.

Когда-то в нём кипели страсти –
Гостей весёлая гульба,
А ныне просто чай и счастье,
Да странным делом тишина.

Хотел зайти к тебе, как прежде
С охапкой сорванных цветов,
Но осень не дала надежды
И клумбы разорила вновь.

И я, как все теперь прохожий,
Уже не вхожий в этот дом,
Всё в прошлом, но оно дороже,
Есть поскучать теперь о чём.

Вновь осень кружит листопадом,
Волнует прежнего меня
И что для счастья было надо,
Не уж-то эта тишина?

По кругу

Ходит кругами ночь, в окнах считает огни,
Где-то мурлычет кот, кто-то торопит дни.
Где-то потух костёр, где-то его зажгли.
Ходит по кругу жизнь и с нею, конечно, мы.

Тихо скрипит качель, ветер снуёт по дворам,
Где-то завоет пёс, так же порою сам.
Кто-то стучится в дверь, кто-то порою в храм
Тихо приходит жизнь, шумно приходишь к крестам.

Тлеет судьбы уголёк, ветер задул свечу,
Где-то поёт сверчок, где-то и сам пою.
Где-то осенний лист хворь подцепил мою,
Тлеет в огне душа, ель раскидала хвою.

Фата из серебра

Пушистый иней на траве лежит ковром,
На диком поле, где не скошена трава,
И ветер бродит, как не здешний агроном,
Пиная комья, говорит тебе: «Права!»

А ты не смотришь в серебро пушистых трав,
В глазах слеза засеребрилась ручейком,
И с щёк стекает, потому что он неправ –
Он в правоте застрял своей, стал «мужиком».

А ветер рядом тормозит твой капюшон,
Сдувает с щёк его обидные слова,
Снимает шляпу, извиняется: – «Пардон».
Разводит руки и готов для колдовства.

И он поднял всё серебро с сухой травы,
Оно кружилось и сплеталось в кружева.
На плечи девушки легли его труды,
Как оберег легла фата из серебра.

Забытая привычка

Кто сказал, что человек-привычка,
Словно оголённый тонкий провод?
Кто-то называет его спичкой,
Мол, горит, покуда только молод.

А иные, словно птицы в клетке,
Бьются о натянутые струны.
Кто-то и звучит порой как песня,
В основном рассыпанные руны.

Кто сказал, что люди – это ребус,
Разгадать который очень сложно –
Те от боли говорят лишь небу,
Когда больно им или тревожно.

А ведь хочется такую малость –
В человеке видеть человека.
Не успеешь оглянуться, старость,
Жизнь прошла, в отмеренных полвека.

И сгорает человек, как спичка –
Без тепла души, без человека.
Где теперь забытая привычка –
В человеке видеть человека?

Ополченцы сорок первого

Бойну Михаил Егорович закончил в Берлине. Многие пришлось повидать за долгие военные годы, но тот короткий бой в сорок первом накрепко впечатался в памяти.

Критический для страны сентябрь сорок первого. Враг прорвал оборону Западного фронта и подходил к столице. Пытаясь остановить ударную группировку немцев, командование фронта выставляло заслоны из частей и подразделений, которые были под рукой.

Наспех сформированный батальон ополченцев привезли на позиции ночью. Должны были отправить на полигон, чтобы бойцы хоть немного изучили азы военного дела. Но, как это часто случается на войне, обстановка резко изменилась, и последовал новый приказ – занять оборону за спиной полка, наспех собранного из отступавших подразделений.

Основу батальона составляли добровольцы, по тем или иным причинам не призванные в действующую армию. Большинство имело бронь и понятия не имело о военной подготовке. Руководствовались лишь желанием: помочь столице, над которой нависла смертельная угроза.

Вооружение самое разное: трёхлинейки, карабины, охотничьи ружья, гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Из серьёзного оружия комбату удалось выпросить только три противотанковых ружья и десяток новеньких автоматов, которые должны были заменить обещанные, но так и не доставленные к сроку пулемёты.

На подготовку обороны всего несколько часов. С утра на западе загромыхал бой. После полудня стих, и это означало только одно: немцы преодолели сопротивление сборного полка и вот-вот будут здесь. К этому времени удалось отрыть одиночные окопы для стрельбы стоя и небольшую траншею для командно-наблюдательного пункта.

В отделении Михаила Егоровича – один не нюхавший порошу молодняк. Ребята разные. Общее – только боевой задор да полное отсутствие

Николай Борисович Башмаков – родился 13 января 1949 г. в Свердловской области, с. Красная Слобода. Окончил два ВУЗа: Тюменское высшее военно-инженерное командное училище в 1972 г., Московскую военно-инженерную академию в 1982 г. С 1968 по 1991 гг. служил в Советской армии. Военный инженер. Уволен из Вооружённых сил в звании «полковник». После выхода в отставку всерьёз увлёкся литературной деятельностью. Публицист и прозаик. Автор нескольких книг. Рассказы и статьи опубликованы в региональных и российских газетах. Член Союза писателей России. Живёт в Перми.

воинских навыков. За исключением его самого, воевавшего в Финскую, никто из бойцов не держал в руках оружие. Правда, был ещё «снайпер» Стасик, которого не взяли в армию по состоянию здоровья. Выбивал в тире десять из десяти... Но то пневматика. Когда паренёк взял в руки трёхлинейку, его немедленно осмеяли. Да и как иначе. На бойца ростом с винтовку без слёз смотреть невозможно. Худенький, тщедушный студент тотчас получил прозвище «Зяблик».

Пока рыли окопы, Михаил Егорович распределил обязанности и поочередно с каждым из бойцов провёл краткие занятия. Хорошо ли усвоили – покажет бой. Знавшие о войне понаслышке ребята рвались в драку. Особенно хорохорился баламут и школьный хулиган Лёшка Кузнецов. С трудом закончивший школу и не достигший призывного возраста паренёк каким-то чудом сумел записаться в ополчение.

«Все, как один, умрём, но не отдадим Москву фрицам!» – то и дело повторял он, настраивая себя и друзей. А те поддакивали, заглушая бравадой страх перед боем с его непредсказуемым исходом.

Михаил Егорович пытался, как мог, остудить эти горячие головы: «Не подставляйтесь без толку под пули, молодёжь. Умереть за Родину просто... Высунул из окопа башку, и нет тебя... А нам поставили задачу остановить фашистов! Кто их остановит, если все умрём?»

Колонна мотопехоты, усиленной танками, появилась под вечер. Немцы знали: путь на Москву открыт, поэтому шли напролом без детальной разведки. Передовой батальон «СС» имел задачу: обнаружить очередной заслон русских, сходу подавить его и расчистить путь для главных сил.

Прошло три месяца самой трудной для них войны, но солдаты и офицеры «тысячелетнего» рейха ещё не поняли, во что они вляпались. Опьянённые лёгкими победами в Европе, уничтожив в ходе вероломного нападения основное вооружение и технику противника, наблюдая растерянность и подавленность тех, кто попал к ним в плен, они уверовали в лёгкую победу и здесь, в России.

Их вела вперёд фашистская идеология, подогревающая охотничий азарт. Подобно охотнику, получившему лицензию на отстрел дичи, они получили от фюрера индульгенцию на уничтожение этих недостойных жизни «унтерменш». Для них, впитавших идею превосходства над другими нациями, все эти народы и народности, которых они называли общим словом «русские», были безмерно размножившейся дичью, за отстрел которой ничего, кроме благодарности и наград от фюрера, не будет. Тем самым они сами превратились в лютого зверя, которого невозможно приручить или перевоспитать, которого может уничтожить только более сильный охотник.

Одурманенные пропагандой они, как и многие их предшественники в истории, шли на эту войну, не имея понятия об особенностях русских. Сведения о том, что те назвали войну «Народной» и «Отечественной» вызывали лишь презрительные улыбки: «Пусть порезвится дичь...». Даже их командиры, воевавшие в Первую мировую, не догадывались о том, что коготок фашистского зверя здесь, в России, уже увяз, и впереди – неминуемая гибель.

Немецкая колонна остановилась. Командиры достали бинокли, оценивая смехотворную оборону ополченцев, и почти сразу начали разворачивать боевой порядок. В первой линии шли три танка, за ними развёрнутым строем, строча из автоматов, чтобы противник не мог поднять головы, неспешно с чувством полного превосходства двигалась пехота.

Бой получился скоротечным. Всего одна с трудом отбитая атака. В пылу боя необстрелянные бойцы забыли все наставления Михаила Егоровича. Он вёл стрельбу из автомата и видел, как бестолково и нелепо гибли они один за другим.

Вот неуклюже встал во весь рост, чтобы кинуть гранату, заводской слесарь Василий Коноплёв. Пуля сразила парня чуть раньше броска. Граната не долетела и взорвалась, не доставив немцам никаких неприятностей.

Совсем по иному бросил связку противотанковых гранат силач и спортсмен Потап Гришин – точно под танк. Эх, если бы не забыл выдернуть чеку! Гранаты не взорвались, и эту оплошность ему не простил немецкий танкист, прошивший Потапа очередью из пулемёта.

До конца дней не забыть, в каких страшных мучениях погиб метростроитель Григорий Кашин. Паренёк поднял руку с бутылкой зажигательной смеси и замер, как изваяние, ожидая, пока танк подойдёт поближе.

– Нельзя! Ложись! – завопил Михаил Егорович, но опоздал...

Чиркнувшая по бутылке пуля превратила бойца в пылающий факел. Нечеловеческий вой заживо сгоревшего парня до конца дней будет звучать в ушах и снится в кошмарах.

Лишь несколько секунд удалось порадоваться за самого молодого, но сообразительного и ловкого Лёшку Кузнецова. Баламут не только удачно бросил бутылку и поджёг танк, но и застрелил вылезшего из люка танкиста.

Лёшка, Лёшка... Милый хорохористый мальчик... Ну зачем после этого нужно было грозить кулаком и «поливать» немецкую пехоту русским матом?.. Этих нелюдей в человеческом облике надо поливать свинцом!

Нелепо погиб и смертельно перепугавшийся Паша-музыкант. Под самый конец боя он всё же нашёл в себе мужество, поднялся в окопе и, выставив винтовку на подхитивших немцев, всё жал и жал на спусковой крючок... А винтовка стрелять не хотела.

Рослый эсесовец шёл на Пашу с наглой улыбкой победителя и откровенно смеялся над русским пареньком, из-за волнения и страха забывшим снять оружие с предохранителя. Этот «сверхчеловек» тоже не простил русскому ошибку, но торжествовал недолго. Уже дважды раненый Михаил Егорович нашёл силы и всадил в гитлеровца очередь. Презрительная улыбка фашиста сменилась искренним удивлением: «Это не по правилам! Дичь не должна убивать охотника!» А после того как он повалился на спину и его чёрная душа отлетела от тела, на лице застыли и отпечатались теперь уже навсегда боль и страдание обычного человека, так и не понявшего, зачем он жил и почему в самом расцвете сил умер.

Лучше всех наставление командира выполнил студент Стасик. В течение всего боя стоял в окопе, добросовестно целился и стрелял. Не видевший ничего кроме «воздушки» этот щуплый паренёк уложил четырёх эсесовцев. Вот тебе и «Зяблик»...

Несмотря на большие потери, батальон ополченцев атаку отбил.

Столкнувшись с упорной обороной, потеряв два танка и до взвода пехоты, немцы не выдержали и начали беспорядочно отходить. Не получилось сходу, будут действовать по-другому. За ночь подтянут артиллерию. С утра проведут артподготовку, перепашут оборону противника и пойдут дальше.

Передышка перед завтрашним боем, скорее всего последним, и у ополченцев. Собирали убитых, перевязывали и готовили к эвакуации раненых. Стасик сидел возле своего командира и неумело бинтовал ему руку.

У Михаила Егоровича болели не столько раны, сколько душа. Было жаль ребят. Погибли, так и не научившись воевать. Война – дело скверное, пожирает солдат, не разбирая. И всё же первыми она забирает тех, кто не имеет военной подготовки. Кто к войне оказался не готов. Так было во все времена. Защищать Отечество нужно умело и грамотно, чтобы погибал враг, а не ты. Помнить надо об этом всегда, но каждое поколение наступает на одни и те же грабли. Постоянно находятся умники, которые считают: лично его война не коснётся, а значит, готовиться к войне не обязательно. История учит: слуги дьявола никогда не оставят Русь в покое. Потому изучать военное дело – обязанность каждого, а не прихоть. Как заставить молодых понять эту истину?

И всё же пессимизма и чувства полной безысходности не было. Приглушая боль утраты, крепла в душе Михаила Егоровича уверенность: ребята не запаниковали, не струсили, не побежали, а значит, пали не напрасно. Они оказались морально сильнее врага, показали своё духовное превосходство и заставили зверя отступить. Они выиграли у фашистов ещё один день, который позволит там, в глубине обороны, подготовить непреодолимый для захватчиков рубеж...

А «охотники» фюрера готовились к ночлегу и новым подвигам во славу рейха. Задержка от встретившегося на пути батальона ополченцев казалась им случайной и досадной помехой. Они ещё не догадывались, что войну уже проиграли. Солдаты тёмного бога в очередной раз столкнулись с силой Русского Духа. И совсем скоро им предстоит познать и силу Русского Оружия.

Михаил Егорович после этого первого боя абсолютно точно знал: именно так и будет...

ПОЭЗИЯ

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

Зимние пейзажи

Мир чудес

Загляни за сосны и за ели,
Где застыл при встрече с полем лес,
Где уснули буйные метели
И искрятся снег да синь небес!
Посмотри: в просторе необъятном
Скирды спят и видят сны о том,
Как на этом поле благодатном
Красовались золотым ковром.
Тишь кругом, всё замерло зимою,
Лишь бежит, маня за горизонт,
Та лыжня, что тонкою струною
Породнила этот край и тот.
Может, там, за речкой говорливой,
След замрёт, не убегая вдаль,
Зазывая в сказочно красивый
Городок, закованный в хрусталь.
Где в убранстве кварца и бетона
Труд людей пленяет красотой,
Но мечты подстриженного клёна
Всё же здесь – в обители лесной!
Да, сходи за сосны и за ели –
В мир чудес. Где поле встретил лес,
Где уснули буйные метели,
И лыжня зовёт за край небес!

Метелица

Свинцовою снежною тучей,
 Насупясь, глядит небосвод;
 И ветер, проснувшись над кручей,
 Метелицу к танцу зовёт.
 С восторгом на звон отзываясь,
 Срывается резвая в пляс;
 То мелкой крупой рассыпаясь,
 То хлопьями в вальсе вертясь.
 И ветер, восторг не скрывая,
 На плечи ей тучи трясёт...
 Но в щедрых дарах утопая,
 Она, задыхаясь, сдаёт.
 Чем дальше, видней перемена,
 Азарт у плясуньи не тот:
 Летит с неё хлопьями пена,
 И падает каплями пот.
 И вдруг, сквозь снежинок веселье,
 В разрыве разреженных туч
 Жемчужным сверкнул ожерельем
 Восторженный солнечный луч.
 В снежинки и зёрна капли,
 Продев золотистую нить,
 Он приз необычный метели
 За пляску решил подарить.
 Любуясь своим ожерельем,
 Метель начинает стихать,
 И белым тряхнув опереньем,
 Ложится сугробами спать.

Летят быстроногие кони

Летят быстроногие кони
 Сквозь пёстрый берёзовый строй,
 Вдоль сосен, простёрших ладони
 Над сказочно белой землёй.
 Навстречу несутся снежинки,
 И слева, и справа – бело:
 Дороги, поляны, тропинки –
 Всё, всё до весны замело.
 А с сосен, как стражники с вышки,
 Глазами преследуя всех,
 Глядят бородастые шишки,
 Надвинув папахами снег.

Молчат присмирившие ели,
 Укутавшись в сказочный плед,
 И в пику хозяйке-метели
 Пестрит не засыпанный след.
 Несутся проворные кони,
 И с чудом прощается взгляд:
 Где сосны простёрли ладони,
 И шишки, как с вышки, глядят.

Пробуждение

Пробудился рано и не в силах спать –
 За окном бурана больше не слышать,
 Колыбельной песней не звенит метель,
 А из поднебесья – звёздная капель!
 Лунный свет струится, всё белым-бело!
 Сон – ночная птица, а кругом – светло!
 Всюду блеск убора снежной белизны:
 На деревьях бора, ветках бузины,
 На лукавой чёлке ивушки седой,
 Как невесты, ёлки светятся фатой.
 На плечах у сосен – кипенная шаль,
 И берёзок косы серебрит вуаль!
 Ветерок боится невзначай вздохнуть,
 Нелегко решиться красоте спугнуть!
 И луна, стараясь, льёт лучи с небес,
 Смотрит, в них купаясь, как из сказки лес!
 Нет, совсем не рано! Разве можно спать –
 До зари багряной радость растерять?
 Полно, сон, кружиться, бить в окно крылом!
 Прочь, ночная птица! – На душе светло!

Коробка с пуговицами

Сказка для взрослых

В одном доме хранилась коробка с пуговицами. Пуговиц было много, около тысячи, всех фасонов, цветов и размеров. Копились они в доме несколько поколений, передавались по наследству от хозяйки к хозяйке. И у каждой – своя история.

Самым старым пуговицам было больше ста лет, но были и относительно новые, упакованные вместе с образцами ткани в прозрачные пакетики. Встречались тут благородные семейства костюмных пуговиц (побольше – от пиджаков и поменьше – от брюк и рукавов). Скромные труженицы – пуговицы для постельного белья и рабочей одежды – старались держаться поближе друг к другу. Пуговицы для детской одежды, маленькие, яркие, смешные, любили поболтать и посмеяться. Попадалась и творческая интеллигенция: пуговицы из дерева, кости, с завитушками, расписные с эмалью. Были даже пуговицы из козлиных рожек для охотничьей куртки.

Коробка, как и владевшая ею семья, многое пережила на своём веку: войны, переезды, взлёты и падения. Был у обитателей коробки и свой «золотой век»: одна из женщин семьи, отменная рукодельница, много шила и вязала и к каждой новой вещи покупала пуговицы. В те годы новички только-только успевали познакомиться со старожилками коробки, как уже появлялась следующая партия. Потом, когда необходимость шить одежду отпала, коробку открывали уже только чтобы взять какую-нибудь пуговицу взамен потерянной. Был период в жизни этой семьи, когда им приходилось ездить в переполненном транспорте и ежедневно пришивать оторванные пуговицы. Обитатели коробки жили в постоянном страхе: кому следующему вручат повестку? Многих тогда не досчитались... Постепенно то ли ездить люди начали с большим комфортом, то ли нитки стали прочнее, но только крышка коробки открывалась всё реже. Раз в несколько месяцев положат

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

пакетик с пуговицами от новой вещи, и всё. И скучно, и грустно, и некому руку пожать...

И вдруг всё переменялось! В один прекрасный день коробку вытащили на свет и поставили для забавы перед маленьким ребёнком. Увидев это богатство, малыш онемел от радости. Он высыпал содержимое коробки на стол и погрузил ручки в пуговичную россыпь. Малышка перебирал яркие безделушки, разговаривал с ними на своём языке. На следующий день всё повторилось. Ребёнка невозможно было оторвать от новых игрушек. Он строил из них целые города, возил их на игрушечном поезде. Никогда ещё пуговицы так не уставали! Они привыкли лежать в коробке в определённом порядке: благородные дорогие пуговицы предпочитали не смешиваться с «рабочими лошадками», экземпляры с двумя и четырьмя дырочками держались отдельно от пуговиц с ушком. А малыш одним движением руки нарушал всё пуговичное социальное устройство. Напряжение внутри коробки нарастало.

Однажды вечером, когда ребёнка уложили спать, а коробку убрали в шкаф, среди пуговиц начались волнения.

– До каких пор мы будем терпеть эти издевательства? – воскликнула большая красная пуговица. – Каждый день этот монстр мучает нас! Неизвестно, что ему придёт в голову завтра!

– А главное, какое унижение – забавлять этого пупса! – подала голос пуговица с замысловатым рисунком, явно от выходного платья. – Разве для этого мы родились на свет?

– Да, наше дело маленькое, – заверещали белые пластмассовые пуговицы от халата. Застегнуться – расстегнуться, и все дела!

– Может, пугнуть его как следует? – предложила охотничья пуговица. – Выпрыгнуть неожиданно из коробки и боднуть в лоб! Мы же всё-таки ПУГОВИЦЫ!

– Молчать! – раздался вдруг громовой бас золотой пуговицы с якорем. В коробке её называли Адмиралом, уважали и побаивались. Разноголосый гул затих. – Слушай мою команду! Никого мы пугать не будем. Будем воспитывать и защищать.

Пуговичная общественность заволновалась. «Как это воспитывать? Как защищать? Мы на это не подписывались!» – послышались возгласы.

– Защищать, как испокон веку велось, – продолжил Адмирал. – Пуговицы не пугают, а отпугивают. – Голос у него был сильный, надсаженный во время скитаний по северным морям. Говорить ему было явно тяжело. – Вот, Профессор вам всё подробно расскажет.

– Да-да, вы совершенно правы, – вступила в разговор потёртая кожаная пуговица. – Скреплять одежду – это лишь одна из многих функций современной пуговицы, minimum minimum, то есть самое меньшее, что от неё ждут. – Говорила пуговица-профессор медленно, с достоинством, как бы переводя внутри себя мудрёные научные формулировки на простой доступный язык. Когда-то она была пришита к пиджаку учёного, большого знатока человеческой психологии. Но в ходе одной очень эмоциональной дискуссии на кафедре общественных наук оторвалась от родного пиджака и закатилась в дальний угол. Там она пролежала несколько лет и наслушалась за это время столько учёных споров, что заслужила звание профессора.

– Впервые мы, пуговицы, появились несколько тысяч лет назад, и тогда нашей главной задачей было отпугивать злых духов. На одежду нашивали пластинки или полые шарики с камешками внутри. Они гремели при ходьбе

и действовали как оберег, магический амулет. Постепенно, с течением времени, круг наших обязанностей очень расширился. Мы начали соединять части одежды, чтобы сохранить тепло или подчеркнуть фигуру, указывать на сословие или профессию человека, его материальное положение. Нас стали делать из драгоценных металлов и камней. Самые дорогие наши собратья передавались по наследству, их переделывали в перстни и другие украшения. Нами расплачивались за кутежи в ресторанах, использовали как ставку в карточной игре. Ни один людской порок не обошёл нас стороной. Слышали такую поговорку: «Пуговки золочёные, а три дня не евши»?

– А такую слышали? – вдруг раздался резкий выкрик с задней стенки коробки. – «На чужой рот пуговицу не нашить!» – Это подала голос пуговица из кручёной проволоки, известная своим занозистым характером.

– Прекрасный пример, – ничуть не смутился Профессор. – Мы служим человеку, и ничто человеческое нам не чуждо. Однако позвольте, я продолжу. Наибольшее распространение пуговицы приобрели в XVIII веке. Их использовали везде: на одежде, перчатках, обуви, при обивке мебели и стен. В Европе производство пуговиц влияло на состояние целых отраслей промышленности, а через них отражалось на судьбах тысяч людей. Франция в это время была ведущим производителем шёлка, и специальными законами поддерживала изготовление обтяжных пуговиц. А в Англии в этот период бурно развивалась металлургия, и английские законы запрещали использование пуговиц, обтянутых шёлком, и стимулировали производство пуговиц из железа. Я прав, господа? – обратился Профессор к паре пуговиц явно иностранного происхождения. Пуговичное сообщество повернулось в сторону этого дуэта, известного в коробке как «закадычные враги». Небольшая кругленькая пуговка на тонкой ножке, вся затянута в золотистый шёлк, смотрела на мир весело и задорно. Вторая пуговица выглядела подчёркнуто холодно, демонстрируя железный характер. Они всегда держались вместе, как бы отделяя себя от других обитателей коробки, однако особой теплоты между ними не чувствовалось. Ни та, ни другая не говорили по-русски, но всё понимали. «Oui, monsieur», – кивнула шёлковой головкой пуговка поменьше. «Absolutely! Last but not least», – ответил строгий кавалер.

– Последняя, но немаловажная, – перевёл Профессор ответ англичанина. – Это прекрасно характеризует роль пуговиц в жизни человека.

До конца XVIII века пуговицы были принадлежностью исключительно мужского гардероба, – продолжил Профессор. – Но вскоре до них добрались и женщины. Потребность в пуговицах увеличилась в несколько раз, ведь одновременно в туалете дамы могло присутствовать от 100 до 500 штук. Причём большинство пуговиц располагалось сзади, так что дама не могла ни одеться, ни раздеться без посторонней помощи. Именно поэтому дамская застёжка справа налево, чтобы удобнее было горничной.

«Ох, давно это было!» – раздался тихий голос, скорее похожий на вздох. Но было в этом возгласе что-то такое, что заставило всех слушающих обернуться и посмотреть в угол коробки. Там лежала небольшая пуговица из перламутра. Ничем примечательным она не отличалась, но от неё исходил тёплый тихий свет, а маленькие глазки-дырочки смотрели с удивительной кротостью. «А, Матушка Бельева пуговица! Вам ведь есть о чём вспомнить. Прошу вас, расскажите о тех временах», – обратился к ней Профессор.

– Когда-то я входила в богатое приданое одной молодой девушки, – начала свой рассказ Бельева пуговица. – Происходила она из богатого

благочестивого семейства. Ей сделал предложение достойный молодой человек, состоялось обручение, и начали шить приданое. Ведь невеста должна была принести в дом жениха всё, что нужно для будущей семейной жизни: свой гардероб, постельное и столовое бельё, мебель, посуду. Целая артель в течение нескольких месяцев кроила, шила, украшала. Посыльный из галантерейной лавочки так и шнырял туда-сюда с коробками, пуговицы закупались тысячами. Для нательного и постельного белья выбрали перламутровые пуговицы. Мы ведь мало того, что красивые, так ещё и стойкие, выдерживали стирку с кипячением и глажку тяжёлыми утюгами на углях. Ну, и создавали уют, чувство дома, благоденствия. Меня вот пришили к пододеяльнику с вышивкой «ришелье». Посмотрели бы вы, как я блестела от удовольствия среди кружевных цветов! За долгие годы разбросало нас, разметало... От всего богатства осталась только я да вот ещё Барышня... – Матушка Бельева пуговица отодвинулась в сторону, и все увидели крохотную перламутровую пуговку размером с горошину. Она скромно молчала, потупив взор. – Это пуговка с венчальной перчатки нашей хозяйки. Она помнит, как на палец в этой перчатке жених надел кольцо, как у невесты вздрагивала рука во время первого вальса на свадьбе. Всё помнит, да никому не расскажет: скромна очень! Так и доживаем мы свой век вдвоём. Уж я её не брошу, мою голубку! – всхлинула Матушка Бельева пуговица.

Все обитатели коробки помолчали в знак уважения к возрасту и судьбе этой пары.

– Да, золотые были времена, – вздохнула Турецкая пуговица из витого чёрного шнура. Когда-то ей тоже довелось украшать нарядную дамскую накидку. – А чем же ещё знамениты представители пуговичного рода?

– О, очень многим, – отозвался Профессор. – В 30-е годы XIX века Николай I ввёл в России пуговичную систему. По пуговице можно было определить, к какому ведомству или роду войск принадлежит человек. XIX и XX столетия – время бесконечных войн и военных столкновений, так что повоевать нам пришлось. А сколько жизней мы спасли, когда выпущенная неприятелем пуля попадала в железную пуговицу! Довелось нам побывать и контейнерами для секретных донесений, и ёмкостями для яда, и микрофотоаппаратами. Ничего не поделаешь, служба!

В XX веке на нашу судьбу коренным образом повлияли два изобретения: застёжка-молния и пластмасса. Молния, чего уж скрывать, начала упорно вытеснять нас отовсюду. Пластмасса же сделала пуговицы дешёвыми, а значит доступными, и позволила воплощать любые, самые смелые фантазии художников. Темп жизни очень ускорился, люди хотят, чтобы всё происходило проще и быстрее, поэтому везде используются молнии и липучки. Однако мы по-прежнему присутствуем в одежде, от масс-маркета до высокой моды. Пуговица может много рассказать о человеке. Сегодня, если человек предпочитает одежду на пуговицах – значит, он несколько консервативен, не бежит впереди моды. Воспитанный индивидуум не позволит себе появиться с оторванной пуговицей или висящей на одной ниточке. Нитки тоже должны соответствовать цвету пуговиц. О человеке сдержанном, скрытном говорят: «застёгнут на все пуговицы», хотя в его туалете может совсем не быть пуговиц.

Есть одна область одежды, где мы твёрдо держим свои позиции. Это мужские костюмы. Кстати, там есть свои правила, которые необходимо знать и соблюдать. Но об этом лучше всего расскажет большой знаток этикета, князь Галантерейный, маркиз Крепкопришит. Прошу вас, Ваше сиятельство!

На середину коробки выступил новый оратор: пуговица от смокинга. Чёрная, матовая, без единой царапинки, она соединяла в себе простоту и изящество, то, что называется ёмким словом «стиль». Князь улыбнулся приятной улыбкой, которая, однако, держала других обитателей коробки на расстоянии и ясно давала понять, что сокращать его не следует.

– Дамы и господа! – начал свою речь князь Галантерейный. – В светском обществе, в дипломатических кругах существуют очень строгие правила внешнего вида. Не буду утомлять вас требованиями протокола к вечерним туалетам, они пригодятся лишь немногим (князь не мог расстаться с мыслью о своей исключительности). А вот правила ношения мужских костюмов, полагаю, будут интересны всем.

Пуговичная масса обратилась в слух.

– Большинство мужских пиджаков шьют сейчас с тремя пуговицами. Как и когда их нужно застегивать и расстёгивать? Немногие могут безошибочно ответить на этот вопрос. Существует золотое правило «трёх пуговиц», которое обязан знать каждый мужчина.

Средняя пуговица должна быть застёгнута всегда, верхняя – на усмотрение носителя пиджака, нижняя – никогда, то есть всегда расстёгнута.

«Наконец-то будет хоть какой-то порядок!» – забурлило большое семейство, куда входили пуговицы от строгой пиджачной пары. Князь метнул в их сторону орлиный взгляд, и они смущённо замолчали.

– Вот ещё несколько полезных правил, – продолжил князь. – В застёгнутом пиджаке следует входить в квартиру к знакомым, в ресторан (особенно в обществе дамы), в кабинет на совещание, в зрительный зал театра. Застёгнут (кроме нижней пуговицы) пиджак должен быть у членов президиума за столом и у докладчика на трибуне, а также во время танца. Расстегнуть пиджак можно во время ужина или в театральном кресле. Конечно, в наш век всеобщей демократичности, вернее сказать, расхлябанности, за несоблюдение этих правил строго не взыщут, но знатоки сразу отличат светского человека от плебея. Благодарю за внимание.

– О, Ваше сиятельство, как верно вы это подметили! – воскликнула крупная пышнотелая пуговица со стразами. Сделана она была из пластмассы под тёмный янтарь, с претензией на глубину. Когда-то эта чаровница украшала меховую шубу молодой красавицы и в коробке слыла светской львицей. – Так трудно в наше время встретить галантного кавалера, с которым не стыдно показаться в изысканном обществе. Вокруг совершенно пещерные нравы! – Молодые пуговицы-простушки подтверждающе загалдели, а князь лишь молча кивнул, а про себя подумал: «Штамповка».

– Ну что ж, дорогие братья, давайте подводить итог, – снова выступил на середину Профессор. – Как видите, две основные задачи пуговиц, защищать и воспитывать, по-прежнему актуальны. Мы пережили свой взлёт, достойно поработали для человека в самых разных ипостасях, пора передавать свой опыт дальше. В дальней перспективе у нас два выхода. Первый – пополнить коллекцию филобутониста, собирателя пуговиц, и стать музейными экспонатами. (Профессора опять потянуло на наукообразие). Второй – послужить игрушкой для маленького ребёнка сейчас, чтобы потом возродиться на новом уровне.

– Как это – возродиться? – взволнованно загудела аудитория.

– Посмотрите, как обращается с нами этот человечек. Он же разыгрывает целые сцены, строит новые миры. Развивает мелкую моторику, глазомер,

интеллект, наконец. Кто знает, во что это может вылиться? Вот такие малыши, в детстве игравшие с нашими братьями, потом создавали настоящие произведения искусства, становились знаменитыми кутюрье, театральными художниками. Один мой знакомый режиссёр, работая над спектаклем, все мизансцены сначала прорабатывал дома с пуговицами, а уж потом переносил свои идеи на сцену. Возможно, этот малыш завтра придумает для нас совершенно новое применение, да вообще нас других придумает. В любом случае это гораздо интереснее, чем просто киснуть в тёмной коробке.

Предлагаю успокоиться и покориться судьбе, а там будь что будет. Мы с вами столько умеем, что в любом случае не пропадём. Мы ещё увидим небо в алмазах!

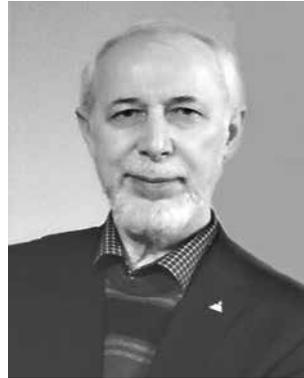
На этом заседание пуговичного парламента закончилось, и обитатели коробки отправились на покой, размышляя обо всём сказанном. Последуем и мы их примеру.

ПОЭЗИЯ

Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 13 книг стихотворений. Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века» и медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!» и др. Лауреат премий МОО СП России им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Московии». Кавалер Золотой Есенинской медали. Живёт в Москве.

Сергей ГАЗИН

Мене, мене, текел, упарсин

(Надпись, начертанная невидимой рукой на стене во время пира Валтасара в Вавилоне, которую лишь пророк Даниил смог объяснить, как предвестие падения царства от персов и мидян).

Маски сброшены овечьи,
Зверски скалятся клыки...
Где же лица человечьи? –
Вдаль смотрю из-под руки...
Всё не ново в мире этом –
За «бабло» дрожит злодей,
Песня дьявольская спета,
Бьёт хвостом зелёный змей.
Но взошло с востока солнце –
Илья Муромец идёт!..
В диком страхе уж трясётся
Злобный клоун-идиот.
На кого он замахнулся?
На российского орла?!
Не иначе он рехнулся –
Жадность з розуму звела.

Кассандре не поверили троянцы,
Впустили в город вражеский спецназ...
Закончились майдановские танцы –
На трупах пляшет натовский альянс.

Спустилась мгла на гордый город Киев,
И «мене, мене, текел, упарсин»
Всё громче слышит главный киллер змиев,
Не веря, что он проклят, сукин сын.

Но близок час возмездия злодеям,
И не спасут уже ни ложь, ни сатана –
В чужой крови купаясь и пьянея,
Придёт ко всем, кто пил её, хана!..

Любовь недоступна отпавшим от Бога,
Сердца их черны от злодейских убийств,
А души – как тени, кровава дорога...
Спасти их не сможет уже экзорцист.
Что им остаётся? А сгинуть в геенне,
Хотя и не верят они ни во что...
Как звери живут в бездуховном горенье,
Провалятся в ад, как зола в решето!..

Стены

Как много стен у нас вокруг...
Но видно всё ж, кто враг, кто друг.
Огородился нувориш,
Но чуть прижгло, дрожит, как мышь –
Бежит, прижав к груди «бабло»,
Пока совсем не припекло...
Вот на окраине своей
Мы леопардов зрим, ей-ей...
Они нам точно не друзья,
Кресты тевтонов там, ja, ja!..
Их проклинали уж не раз,
Но вновь ползут к нам в грозный час...
Им Сталинграда стало мало?
Под Курском вырвали им жало!
Но подросла небитых смена,
На «Леопардах» прут несмело...
Что ж, встретит их огней стена,
И будет снова им хана!..

Рассказы

Причуды памяти

— Милый, наконец-то! Куда ты пропал?

Незнакомая девушка, одетая медицинской сестрой, бросилась Игорю на грудь, её пухлые губы приблизились к его губам. Лидин машинально обнял незнакомку. Поцелуй длился недолго. Она вдруг резко отпрянула, упёршись руками в его грудь. Её чуть раскосые зелёные глаза наполнились вместо радости недоумением и тревогой.

— Кто ты?

— А вы? — спросил Игорь в ответ, с сожалением выпуская незнакомку из объятий.

Как ни странно, но его тело помнило эту девушку, все изгибы и особенности её фигуры, аромат и мягкость пышной гривы рыжих волос. Даже вкус её помады был Игорю давно привычен, хотя разум был уверен, что он видит эту девушку впервые в жизни!

— Ты не он... — в ужасе прошептала незнакомка.

Вынырнувшая из толпы танцующих высокая брюнетка в костюме цыганки схватила девушку за руку и чуть оттащив её от Игоря сказала:

— Извините, это игра такая: фанты называется. Моей подруге выпало поцеловать блондина с чёрными бровями. А тут как раз вы появились.

Брюнетка увлекла подругу в толпу танцующих, но Лидин успел услышать, как она сказала ей:

— Это клон...

Музыка грохотала, танцующая толпа редела, поэтому брюнетке пришлось почти кричать, чтобы подруга её услышала. Услыхал и Игорь.

Кругом бесновался карнавал, и Лидин стоял в толпе масок и средневековых костюмов одинокий и всё более недоумевающий. Куда подевался его друг Мишка? Зачем Игорь вообще пришёл на эту костюмированную вечеринку, где никого не знает и где незнакомые девушки обзывают его клоном. Клоном кого? Лидин ни на секунду не поверил в

Сергей Владимирович Калабухин — родился в 1958 г. в городе Коломне Московской области. Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева. Верный приверженец дефицитного ныне жанра научной фантастики. Наряду с фантастической пишет реалистические рассказы и яркие публицистические статьи. Печатался в газетах, журналах и интернет-изданиях России, США и Финляндии. Автор пяти книг. Награждён Почётным дипломом имени А.Т. Твардовского МГО СПР. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер». Награждён медалью «И.И. Лажечников». Член редколлегии «Коломенского альманаха».

Живёт в Коломне.

игру. Незнакомка вполне искренне обрадовалась встрече, и поцелуй её был вовсе не по обязанности, и ужас потом, когда она осознала ошибку, тоже был настоящим. Грубый толчок вывел Лидина из задумчивости.

— Ну чего ты здесь торчишь, как столб? — сказал Игорю высокий тощий «Пьеро». — Или танцуй, или вали отсюда и не мешай другим. — И вдруг, понизив голос, добавил: — Тебя давно ждут на террасе.

Подхватив «Мальвину», Пьеро исчез в толпе танцующих. Вот ещё одна загадка: кто и почему ждёт Лидина на террасе? А может, ждут вовсе не его, а того, чьим клоном Игоря обозвала высокая брюнетка? А кто, собственно, Лидин такой?

Игорь вышел на террасу. После жары и духоты зала здесь было свежо, в смысле прохладно. Свежий воздух был только около немногих открытых окон, потому что немногочисленные курильщики старались держаться от них подальше. За окнами бушевала метель, порывы ветра намели на подоконниках и под ними небольшие сугробы.

Кто же Игоря тут ждёт? Лидин огляделся. Курильщики в основном собирались небольшими группками, бурно что-то обсуждая или молча выполняющая ритуал накачивания никотином. А может, и ещё чем-то легальным или запрещённым. Одиночек было мало, и все они были мужчинами. Лидину показалось, что одинокий «пират» бросил на него призывный взгляд, и Игорь подошёл к нему.

— Не угостите сигаретой?

Пират с готовностью щёлкнул старинным серебряным портсигаром. Тот был наполовину пуст, но одна из сигарет была явно отделена от других, и именно её пират ловко подсунил под пальцы Лидина, хотя Игорь потянулся за другой. В портсигар оказалась встроена зажигалка. Закурив, Лидин вопросительно посмотрел на пирата, но тот равнодушно отвернулся и отошёл. Игорь опять остался в одиночестве. Сигарета оказалась какой-то безвкусной, наркотика в ней тоже явно не было, по крайней мере, Лидин не ощущал никакого влияния, даже никотина. Может, в фильтр спрятана какая-то шифровка? Или он не к тому курильщику подошёл? Тогда почему пират заставил Игоря взять именно эту сигарету? Да и никто другой из находящихся на террасе не сделал никакой попытки подойти к Лидину и заговорить. Докурив странную сигарету, Игорь подошёл к одной из пепельниц и, туша окурок, незаметно распотрошил фильтр. В нём не оказалось спрятанных посланий. Если и была какая-нибудь тайнопись, то Лидин вряд ли смог бы её обнаружить и прочитать. Ведь у него нет шпионской подготовки. Или есть? Кто он? На Лидине форма майора российских войск МЧС. Но ведь он на карнавале!

— Вот ты где! — Кто-то хлопнул Лидина по плечу. Игорь обернулся. Перед ним стоял незнакомый поджарый, высокий полковник в такой же, как у Лидина, форме. Пристально глядя Игорю прямо в глаза, он отчётливо произнёс:

— Честь имею представиться: Фидлер Алексей Анатольевич.

У Лидина словно вспышка сверкнула перед глазами, память мгновенно вернулась, и Игорь вспомнил, кто он, где находится и зачем.

— Нилов Сергей Петрович, — пожал он протянутую руку Фидлера. — Поступаю в полное ваше распоряжение, господин полковник.

— Давай, как говорится, без чинов, Сергей, и сразу перейдём на ты, — предложил Фидлер. Лидин кивнул и вдруг увидел, что расслабившийся было полковник почему-то вновь напрягся, довольная улыбка исчезла с его

лошадиного лица, взгляд маленьких глаз стал острым. – Как отдохнул здесь? Встретил кого из знакомых? Подцепил, небось, какую-нибудь красотку, а?

– Отнюдь, – честно ответил Лидин. – Сам видишь: скучаю в одиночестве. Да я и не люблю шумных сборищ. Что касается знакомых... – Игорь хотел рассказать Фидлеру курьёзный случай с медсестрой и цыганкой, но его язык вдруг отказался ему повиноваться. – Тут все в масках. А Мишка Фокин, с которым я сюда пришёл, куда-то исчез. Наверно, ему повезло с красотками больше, чем мне.

– Ну, в масках не все... – задумчиво протянул Фидлер, не спуская с Лидина цепкого взгляда. – Ты вот да я в своём, так сказать, натуральном виде. Здесь должны быть врачи и медсёстры из вашего госпиталя...

Лидин равнодушно пожал плечами и ничего не ответил.

– Ладно, – расслабился полковник. – Никого не встретил, тем лучше.

– В каком смысле?

– Видишь ли, майор, у нас с тобой срочное и важное задание. Надо слетать на вертушке кое-куда и кое-что забрать. Так что мы покидаем этот «пир во время чумы» прямо сейчас. А раз ты никого здесь не встретил и, как говоришь, скучал, то...

Лидин сделал вид, что поверил его объяснению...

Лай собак за окном вырвал Лидина из сна. Последнее время стая бродячих собак почему-то взяла за привычку чуть свет яростно облаивать проходящие мимо машины. Это беспричинное гавканье длилось не более получаса, а потом стая молча убегала куда-то до следующего утра.

– Вот твари! – выругался про себя Лидин. – Такой сон прервали на самом интересном месте. А из него может получиться интересный фантастический рассказ.

Лидин с недоумением вспоминал подробности странного сна: форма МЧС, госпиталь, фраза о клоне – всё это никак не вписывалось в его реальную жизнь. И почему он назвал себя полковнику чужим именем? В нём в тот момент жили два разных человека! Ладно, всё это сейчас не так уж и важно, надо исходить из того, что есть. Допустим, существует некая организация, занимающаяся распространением по миру нового смертельного вируса, того же ковида, например. Людей на Земле стало слишком много, и некие инопланетяне решили кардинально сократить их численность. Те же аннуаки¹, скажем, когда-то создали людей – биороботов для освоения природных богатств планеты и подготовки Земли к колонизации. Люди планету практически освоили, построили города, создали промышленность, энергетику и транспорт. Словом, биороботы свою программу выполнили и теперь должны освободить подготовленную к заселению планету своим создателям. Ну не горбатиться же самим аннуакам в качестве банальных квартирьеров? Да и сколько тех квартирьеров понадобилось бы для целой планеты!

А теперь можно излишки людей устранить, оставить только необходимое количество для обслуживания комфортной жизни господ.

Сюжет, конечно, не нов, подумал Лидин, и обязательно найдутся критиканы, беспепелляционно завопящие, что нечего, мол, приписывать высоко-развитым инопланетным цивилизациям людоедские побуждения земных

¹ Аннуаки – это божественные веземные создания. Примерно раз в 3600 лет они посещают Землю, вступают в контакт с людьми. Однако есть предположение, что на Земле и сейчас живут отдельные представители этой расы.

фашистов. Но если люди-биороботы сделаны по образу и подобию аннуаков в физическом плане (ведь построенные ими города должны быть годны для проживания инопланетян?), то и в интеллектуальном развитии они должны походить на своих создателей.

Итак, госпиталь МЧС, допустим, занят вакцинацией от ковида жителей удалённого района. А агенты аннуаков похищают его сотрудников, заменяют их клонами, чтобы те бездумно и безропотно вместо вакцинации проводили заражение! А таинственные «железные колонны», появляющиеся в разных труднодоступных частях планеты и вскоре бесследно исчезающие, это контейнеры с вирусом. Клоны находят их и подменяют вакцину заразой.

Но если есть враги человечества, то обязаны быть и борцы с ними, продолжил рассуждать Игорь. Полковник Фидлер кодовой фразой пробудил в клоне личность агента аннуаков. Девушки, распознавшие в Сергее Нилове клона, и «пират», ловко подсунувший ему некую «сигарету», не дали личности агента полностью стереть или заблокировать настоящую память клонированного сотрудника МЧС. Они явно пытаются превратить клона в своего тайного агента в стане аннуаков!

А рыжая «медсестра» хороша! И её лицо, фигура, вкус помады были почему-то Игорю явно знакомы!

Лидин стал лихорадочно припоминать, где и когда он мог видеть это милое девичье лицо? Поцелуй, вкус помады... Девушка молода, значит, надо окунуться в прошлое лет на тридцать, а то и сорок! Впрочем, школьные годы можно исключить, «медсестра» явно старше. Студенчество. Кто у него был в то время? Жена отпадает, уж её-то он не спутает ни с кем. «Картошка»! Да, их на первом курсе послали «на картошку» в колхоз или совхоз в районе подмосковных Серебряных Прудов. Девчонок поселили в бывшем коровнике, а ребят на втором этаже какой-то мастерской. Взбираться туда приходилось по ржавой скрипучей лестнице, а в туалет и умывальник бегать в соседнее здание.

Там у Лидина завязался быстротечный роман с одной девчонкой. Как же её звали? Маша? Ирина? Марина! Точно, москвичка, разбитная и уже многоопытная по сравнению с провинциальными однокурсницами девица. Лидин познакомился с Маринкой на поле. Они были с разных факультетов и ранее не встречались. Девчата шли за комбайном и собирали в корзины картошку. Потом высыпали её в мешки, и те короткими столбиками стояли вдоль грядки. Когда приезжала грузовая машина, ребята быстро загружали её наполненными мешками. Двое открывали задний борт и залазили в кузов, остальные подавали им мешки с картошкой. Машина медленно ехала от мешка к мешку, делая короткие остановки. Но были среди московских шофёров (транспорт приезжал из столицы, как и студенты, на всё время уборочной) несколько молодых парней с гонором, которые остановок не делали. И парням приходилось бежать за машиной с мешком на плече или в руках и закидывать его в кузов на ходу. Отношения между студентами и шофёрами не сложились сразу. Что было тому причиной, Лидин уже не помнил. Может, неприязнь «простых работяг» к «студентам-белоручкам», может, конфликты на танцах в сельском клубе из-за девчонок, а может, «характерами не сошлись». Но так вот получилось! И Игорю часто приходилось бегать за машиной с полным мешком, а как не побежишь, когда на тебя смотрят смешливые девичьи глаза? А пока машины нет, можно посидеть и поболтать с симпатичной девчонкой, назначить свидание вечером на танцах.

Маринка сама заговорила с Игорем и, как говорится, быстро окрутила его. Конечно, они не афишировали свою внезапную связь, в те далёкие советско-комсомольские времена это было не принято. Но однажды она стала в один миг известна всем. Был обычный вечер после трудового дня. Танцы в клубе. Игорь с Маринкой ушли с них «по-английски». Пошли в недалёкий лесок, а куда ещё? Не все же их соседи по временному общежитию ходят на танцы, и комнат для свиданий в советских колхозах не имелось.

Вернулись уже затемно. Игорь проводил Маринку до дверей коровника-общежития, где почему-то после отбоя горел свет, и сам пошёл мимо клуба к своему корпусу. Его поразил беспорядок на площадке перед клубом. В темноте он постоянно спотыкался обо что-то, наступал на обломки палок и даже какие-то туфли и ботинки. В их спальне тоже почему-то горел свет, и даже слышались громкие голоса, мгновенно стихнувшие, как только заскрипела железная лестница под ногами Игоря.

Когда Лидин открыл дверь, то на мгновение ослеп.

– Живой! – услышал он чей-то взволнованный голос.

Тут глаза его привыкли к свету, и поражённый Игорь увидел, что на него кто удивлённо, кто насмешливо, а кто и с неприкрытой злостью смотрят все, включая и руководителя студенческого отряда.

– Где ты был? – строго, но и с явным облегчением спросил Михельсон.

– В туалет ходил, – ляпнул Лидин первое, что пришло в голову.

Кто-то из парней громко заржал.

– Дело хорошее, – насмешливо процедил Гришка Левенштейн, – но почему мы тебя должны целый час повсюду искать? Быстрее управиться не мог? Платочек-то спрячь.

И тут Игорь увидел, что держит в руке косынку Маринки, которую она просила его подержать, когда приводила себя в порядок, а он так её и не вернул в спешке.

– Ладно, – сказал Михельсон. – Девочка, похоже, тоже нашлась. Завтра обсудим всё подробнее, а сейчас всем спать! Отбой давно труба пропела.

И он вышел, даже не взглянув на посторонившегося Игоря.

Свет выключили, но спать, конечно, никто не стал. Лидину рассказали, что на танцы заявила компания подвыпивших московских шофёров, они начали приставать к девчонкам и задирать парней. В результате разгорелась массовая драка, в которой в ход пошли все подручные материалы. Приехала милиция, и нескольких зачинщиков драки забрали, автоколонне придётся теперь срочно искать им замену.

Среди студентов оказалась небольшая группа поклонников каратэ, которое в то время полуподпольно преподавалось кое-где, и те начали бурно обсуждать, кто какой приём использовал и с каким успехом. Остальные тоже всю обсуждали детали драки. И только Лидин лежал молча и слушал. Маринкин платок снял с него в глазах парней подозрение в трусости. Он вовсе не сбежал, не спрятался от драки, но как теперь оправдаться перед Маринкой?

– Ну, а ты чего молчишь? – прервал переживания Игоря Лёха Белов, лежавший на соседней койке. – Давай, рассказывай!

– Что?

– Ну как оно у вас было?

– Как у людей, – процедил в досаде Игорь. – Спи, завтра рано вставать.

– Эх, ты! А ещё друг называется... – недовольно пробурчал Лёха и включился в обсуждение драки.

Роман с Маринкой длился недолго и закончился быстро, как и положено «курортному роману», с окончанием уборочной и наступлением учебных студенческих будней.

Неужели Лидину приснилась Маринка. Интересно, какая она сейчас? Поисковать в «Одноклассниках»? А как искать? Он же не знает её фамилию, никогда не спрашивал, а учились они на разных факультетах. И чего она вдруг ему приснилась? Или это всё же была не она? Честно говоря, Лидин уже не помнил ни лица Маринки, ни даже цвета её волос. Игорь попытался вспомнить, как выглядела девушка из его сна, и не смог! А ведь Лидин хотел написать на основе сна фантастический рассказ! Но как Игорь ни напрягал память, оказалось, что сон из неё смыло начисто вместе с планом будущего рассказа! Так у него и ранее уже случалось не раз. Как говорится: было и сплыло, назад не вернёшь, и теперь в голове вертелся только какой-то дурацкий куплет:

*Клон, клон, клон,
Что за чудный сон.
Сон, сон, сон –
Куда делся он?*

Лидин мысленно плюнул, осторожно, чтобы не разбудить жену, вылез из-под одеяла и пошёл бриться. Разбушевавшиеся эмоции всё равно не дадут теперь заснуть, а бритьё его всегда успокаивало, потому что в процессе он не мог думать ни о чём постороннем...

Ангел в трубке

– Алло, мне нужен Одиссей.

– Я слушаю. Кто это?

– Ты меня не знаешь. Нам нужно поговорить.

– Говорите.

– Не по телефону. Лично.

– О чём? Кто дал вам мой номер?

– Всё расскажу при встрече.

– Я сейчас занят. Когда освобожусь, не знаю.

– У нас полно времени – Лена вернётся не ранее, чем через полчаса: в магазине большая очередь в кассы.

– Лена? Вы – Игорь?

– Да. Она обо мне рассказывала?

– Много. Значит, и обо мне Лена сказала вам?

– Рассказала. Сказку про ангела-хранителя в телефонной трубке.

– Это она дала вам мой номер?

– Нет. Я тайком скопировал её телефонную книжку, потом проследил за ней до твоего дома.

– Чего ж вы хотите от меня?

– Я хочу увидеть ангела, которому моя невеста звонит чаще, чем мне. О котором она ничего не хочет мне рассказывать, к которому тайком от меня бежит на свиданья, кому покупает продукты, стоя в очередях. Что она ещё для тебя делает и почему?

– Ревность, значит, тебя грызёт, Игорёк. Это плохо. Что ж, видимо, придёт нам действительно встретиться лицом к лицу. Заходи.

– Куда? Я знаю только подъезд. Но никто в вашем дворе не знает никакого Одиссея.

– Четвёртый этаж, прямо.

Спартак потряс Рим. Пугачёв встряхнул Россию, Наполеон – Францию. История кишит именами великих полководцев, завоевателей, потрясателей основ. Среди Великих есть и женские имена: Клеопатра, Сафо, Жанна Д'Арк, Екатерина Великая... Что они сделали такого, из-за чего их имена живут, хотя сами их носители давно превратились в ничто?

«Человек – это звучит гордо!» – провозгласил Горький.

«Человек – это винтик, незаменимых нет» – «поправил» классика Вождь всех народов.

И, действительно, если относиться к человеку как к винтику, то так оно и есть – заменить можно любого – ведь, результат-то замены рано или поздно устроит заменяющего. Рано или поздно. Тем более что менять можно бесконечно...

Почему же наши города заставлены статуями «завоевателей», «освободителей», «мыслителей» и прочих «великих людей»? Оставим сейчас в покое имена тех, кто обеспечил людям жизнь: учёных, изобретателей и т.п. Их имена как раз мы знаем хуже всего, а имя изобретателя колеса вообще осталось неизвестно! Зато имена вояк, уничтоживших массу ни в чём не повинных людей, усердно сохранены и почитаемы потомками даже тех, кого они уничтожали. За что мы столь долго помним Чингисхана, Аттилу, Тимура, Александра, Ричарда Львиное Сердце, Наполеона? Что хорошего сделали они для людей? Что хорошего сделали они хотя бы для собственного народа? Награбленное со временем утекло сквозь пальцы немногочисленных наследников, а народы лучше жить не стали. У всех этих «чингисханов», по сути, слава Герострата. Они уничтожали чужое, не сумев создать своего, ибо все их завоевания рассыпались с их уходом. Однако Герострата презирают, даже настоящее имя его намеренно предано забвению, а «чингисханы» – в почёте!

Игорь в растерянности стоял посреди комнаты. У окна в кресле-каталке сидел молодой мужчина в полосатой тельняшке, рельефно облегающей мускулистый торс, и шортах, почти полностью скрывающих обрубки ног.

– Садись, в ногах правды нет, – улыбнулся калека.

– Серёженька, я бельё постирала. Побегу, а то муж волноваться будет. – Симпатичная девушка, впусившая Игоря, легко чмокнула безногого в щёку, улыбнулась Игорю и ушла.

– Ну вот, теперь ты знаешь моё настоящее имя, – вздохнул, проводив ушедшую взглядом, Одиссей.

– Кто это была?

– Не жена, как ты уже понял. И не сестра. И не любовница. Просто ещё одна женщина, для которой я был «ангелом в трубке». Теперь вот она мой ангел-хранитель. Когда может, забегает, стирает, готовит или ещё как-нибудь помогает. Ты, небось, думаешь, что я завёл себе такой гарем рабынь? Нет. У меня мама есть, она обо мне заботится. Сейчас к соседке ушла, чтобы не смущать моих гостей, сериал какой-нибудь смотрит. Девушки сами хотят

что-нибудь сделать для меня, а я не препятствую. Зачем? И им приятно, и мне. И маме помочь.

– Да кто ты такой?!

– Ангел в трубке. А Лену твою я увидел сегодня впервые, как и тебя. Она настояла на встрече, хотела лично пригласить меня на вашу свадьбу. До сегодняшнего дня мы общались только по телефону.

– Я не понимаю...

– Несколько лет назад я тоже собирался жениться. Был молод, красив, здоров, служил в десанте. Но случилась Чечня. И ты видишь, что со мной стало. Невеста исчезла, денег нет, работы нет, будущего нет! Друзья устроили мне путёвку в санаторий. Тот же Кавказ, но другая республика. И вот сижу я как-то на балкончике своего номера и думаю: сейчас кувырнуться вниз или ночью, когда никто не увидит и не бросится спасать. И вдруг звонок телефона. Незнакомый женский голос. Ошиблись номером.

Две оставшиеся недели, что я прожил в том санатории, этот голос в телефонной трубке удерживал меня на этом свете. И удержал! Каждый вечер она звонила, и мы говорили обо всём, о том, что даже матери не скажешь. Оказывается, незнакомому человеку легче поведать горе, чем близкому. Она звала меня Одиссеем. Это был её любимый герой. Он жил не для себя, преодолел невероятные трудности на пути домой, к своей любви, к своей семье.

В последний вечер мы встретились. Это оказалась женщина из соседнего номера. Мы виделись каждый день, но мне и в голову не приходило, что мой ангел живёт за стенкой. Она дала мне смысл жизни. Я ехал домой и напевал:

*А у неё такая маленькая грудь
И тело гибкое, как шея гуся.
Уходит Одиссей в далёкий путь,
Но не забудет девушку из Беларуси!*

Когда я вернулся домой, раздался звонок. Она сказала, что звонит с чужого телефона. Я всё понял: есть человек, которому плохо, и требуется помощь. Так я стал Одиссеем, ангелом в телефонной трубке. Так мы познакомились однажды и с твоей Леной. Ей было очень плохо тогда, и незнакомая женщина попросила у неё телефон, чтобы позвонить. Определитель номера почти всегда срабатывает...

Хлопнула дверь, и в комнату вбежала Лена с полной сумкой продуктов...

Животное тоже строит дом (нору, берлогу, гнездо) и выращивает детёныша. А некоторые и «сажают деревья» – опыляют цветы, «разносят» семена съеденных плодов и т.п. То бишь, программа-минимум у всех (и у людей, и у зверей) одинакова – размножение, сохранение вида. Все прочие просто вымирают. И те самые требования – родить сына, посадить дерево, построить дом – это просто выполнение самых минимальных условий выживания. Выживания не тебя, любимого, а твоих потомков, твоего вида на этой планете. Если судить по насекомым, то программа успешно работает. Они воюют порой за жизненное пространство, но вряд ли один паук хвастает перед другим узором своей паутины, а один муравейник посылает солдат против другого муравейника из-за красоты матки.

Насекомые пережили динозавров, неужели, переживут и нас?

— Игорь, давай зайдём в Мемориальный парк.
 — Зачем?
 — Скоро нам с тобой предстоит возлагать здесь цветы у Вечного огня. Обычай такой — сразу после ЗАГСа молодожёны идут сюда. Ты, ведь, не передумал на мне жениться?
 — Конечно, нет!
 — Эх ты, Отелло!
 — Прости меня, Ленок...
 — Да ладно уж! Тебе понравился Одиссей?
 — Понравился. Кстати, его зовут Сергей.
 — Это для тебя! Для меня он навсегда останется Одиссеем, ангелом в трубке. Он успел рассказать тебе свою историю?
 — Да. Вот и парк. Знаешь, мне никогда не нравилась эта скульптура скорбящей матери. Уж больно жалкая она какая-то, похожая на нищенку с дореволюционных картин. То ли дело могучая фигура Родины-Матери на Мамаевом кургане!
 — Глупый. Та — Родина, а эта — Скорбь, та — зовёт на бой, а эта — оплакивает павших в том бою.
 — Ты, конечно, права. Пойдём к огню.
 — Смотри, здесь написано: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». Я вот только сейчас поняла, что не знаю имени той девушки из санатория, спасшей Одиссея. И его настоящее имя не узнала б, если б не твоя ревность. А, может, и у той девушки из санатория тоже был свой «ангел в трубке»? Может, эта цепочка ангелов тянется вглубь веков аж до пещер первобытных племён!
 — Фантазёрка ты моя! Телефон и существует-то лет сто всего...
 — Это не важно! Телефон — только средство общения, данное нам прогрессом. Одно из. Но есть, ведь, письма, священники — исповедники, личные психотерапевты и, наконец, подушки, в которые мы, девушки, испокон веков выплакиваем свои беды. Человеку необходимо иногда высказаться — выплакаться. Разве у тебя не было в жизни таких моментов?
 — Бог миловал. Пока. Знаешь, Ленок, у Ленгстона Хьюза мне нравится один блюз. В нём есть такие строки:

*Пришла я к милому и говорю:
 Тоскливо мне, пожалей.
 А он мне — могла бы придумать
 Что-нибудь повеселей!
 Эх, если бы мне крылья
 Такие, как у орла,
 Вот если бы мне крылья
 Такие, как у орла, —
 Накинулась бы на милого,
 Всю бы морду разодрала!*

— Здорово! Надо послушать, как придём домой.
 — Я рад, Ленок, что в твоей жизни появился Одиссей. Мне не хочется ходить с ободранной мордой.
 — Ты всё шутишь, Игорёк. К Одиссею я приду с бедой, а не плохим настроением. Так что...

— Не будет у нас никаких бед! Я не допущу. А почему ты продолжаешь звонить Одиссею и теперь. Разве тебе плохо со мной?
 — Глупый! Конечно, я счастлива, что в моей жизни появился ты. А Одиссею звоню, чтобы поделиться счастьем. Раньше делилась горем. Представь, каково Одиссею было бы принимать на себя только негатив. Долго бы он выдержал? Я, ведь, наверняка не единственная, кто ему звонит. Надеюсь, моя радость хоть немного его подзаряжает, компенсирует те слёзы, что он разделяет с другими.
 — А что у тебя было за горе?
 — Не хочу сейчас даже вспоминать. Смотри, Люська! Сидит на лавочке, плачет...
 — Не подходи к ней. Мы не сможем ей помочь.
 — А что случилось?
 — Сашка её бросил.
 — Когда? Почему? Они ж два года уже счастливо живут вместе!
 — Счастливо? Я тоже так думал до сегодняшнего дня. Утром повёз им приглашение на нашу свадьбу, тут меня Сашка и огорошил. Люська «залетела» и хочет оставить ребёнка, а Сашка категорически против. Поставил ей условие: либо он, либо ребёнок.
 — Вот сволочь!
 — Ну, почему сразу «сволочь»? Он мне сказал, что они с Люськой сходились с таким условием: жить для себя, ради секса и удовольствий. Никаких обязательств и детей.
 — Всё равно, он — скотина! Не знаю, какие там у них изначально были соглашения, а Люська всегда любила Сашку, ещё когда они вместе в школе учились. Не хочу его видеть на нашей свадьбе.
 — Так я приглашение и не отдал. Тем более что Люська уже с ним не живёт: вернулась к родителям.
 — И правильно сделала! Вот её надо пригласить обязательно. Пусть хоть немного отвлечётся от своей беды. Пойдём к ней, я хочу пригласить её в «подружки невесты».
 — Может, не надо? Сомневаюсь, что ей в её положении станет лучше от вида нашего счастья...
 — Ерунда! Я по себе знаю, что Люську нельзя сейчас оставлять одну.

— Привет, Люська! Как хорошо, что мы тебя встретили. У меня к тебе два дела. Во-первых, дай скорее твой телефон — в моём аккумуляторе «сел». Алло, Одиссей, это Лена, я звоню тебе с чужого телефона...

Странный человек

Инфаркт — это очень больно. Не всегда и не у всех, но мне «повезло». Раньше, когда я читал в книгах, что «сердечная боль — самая сильная», как-то сомневался в этом. Особенно, после того, как испытал всю «прелесть» почечной колики от выросшего и сдвинувшегося камня. Однако теперь я точно знаю — книги не врал.

Инфаркт сразил меня около полудня 8 апреля 2017 года. После срочной операции и обязательных суток в реанимации я очутился в палате №8 кардиологического отделения коломенской больницы. Здесь было всего пять коек, три вдоль одной стены от двери к окну и две вдоль другой. Вместо шестой

койки слева от двери стоял квадратный стол, на столе лежала на боку лишняя (шестая) тумбочка, а на тумбочке пылился небольшой куб телевизора марки «Sony». Никто из нас, жильцов палаты, даже не пытался включить этот телевизор, но почему-то царило общее мнение, что тот не работает.

Я был в палате самым молодым – пятьдесят девять лет. Старше всех оказался дед Лёша, ему стукнуло восемьдесят лет. В коломенский кардиоцентр его привезла «Скорая помощь» из Воскресенска. Константин и Николай прибыли из Луховиц. Первому было шестьдесят шесть, второму – семьдесят два года. Мой земляк Андрей так и не раскололся, сколько ему лет, сказал только, что – седьмой десяток. Кстати, где он живёт и работает, Андрей тоже утаил. Странный человек!

Андрей поселился в палате №8 раньше всех нас. Это был стройный симпатичный мужчина, с шапкой коротко стриженных чёрных волос, чисто выбритый и молчаливый. Словом, никогда бы не подумал, что ему уже перевалило за шестьдесят. Природный это был феномен, или Андрей красил волосы, я так и не понял, а спросить постеснялся. И зрение у Андрея было в полном порядке, судя по тому, что он читал газеты, не пользуясь очками или линзами. Опять же, не знаю, повезло ему с глазами, или он сделал соответствующую операцию по коррекции зрения в клинике.

С соседями по палате Андрей практически не общался, на вопросы отвечал уклончиво и неохотно. Словом, нам так и не удалось узнать у него ничего конкретного.

Когда Андрей впервые при мне встал с кровати и пошёл за бутылкой кефира к стоящему в общем коридоре около двери в нашу палату холодильнику, я был поражён. Он двигался мелкими шажками, ощупывая перед собой пол, как это делают слепые, с помощью деревянной палки, до этого неприметно висевшей на спинке его кровати. Мы все лежали в этой палате после операции стентирования. Так называемые «стенды» мне и Николаю ставили через вену правой руки, а Лёше, Косте и, видимо, Андрею – через вену правой ноги. Соответственно Лёша и Костя хромали на правую ногу, а вот Андрей передвигался странной походкой, словно шёл по льду или узкой доске, поочерёдно передвигая ноги вперёд на величину, не превышающую длину ступни.

– Не пойму, какая нога у тебя болит? – спросил я, когда он вернулся и сел на кровать.

– Дело не в ногах, а в голове, – с непонятной улыбкой ответил Андрей. – У меня «паркинсон».

– Что-то не похоже, – усомнился я.

– У меня не обычный «паркинсон», – всё с той же странной улыбкой пояснил Андрей. Он то ли гордился своей «особостью», то ли отгораживался этой маской от проявлений сочувствия или жалости. – Сильная раскоординация движений. Я могу ходить только по прямой. Стоит хоть слегка скосить взгляд в сторону, и я могу упасть.

Андрей налил себе кефира в кружку и начал пить мелкими глотками, всем видом показывая, что тема его необычной болезни исчерпана.

– Странная у тебя палка, – стараясь разговорить молчуна, всё же сказал я.

– Обычная ветка с куском отходящего сучка сверху, – равнодушно ответил Андрей. – Друг из леса принёс.

На этом наш диалог закончился, так как мой странный собеседник, раскрыв давно прочитанную им газету, дал мне понять, что не расположен к дальнейшей беседе.

На следующий день к Андрею пришла жена. Поздоровавшись со всеми, эта седая полная женщина молча выложила из сумки на тумбочку фрукты, бутылки с кефиром и минеральной водой, баночки с домашней пищей и свежие газеты. Так же молча уложила в опустевшую сумку то, что муж ей вернул. Уходить старушка почему-то не спешила, сидела на стуле и вздыхала.

– Что ещё? – с недоумением посмотрел на жену Андрей. – Дома случилось чего?

– Случилось, – наконец решилась та. – Всё равно завтра тебя выписывают, придёшь домой и всё узнаешь. Так вот, чтобы тебя не хватил второй инфаркт, я лучше скажу сейчас, пока врачи рядом. У нас неделю назад в большой комнате часть потолка обвалилась...

– Как это? – вскинулся обычно тихий Андрей. – Лепнина, что ли, отвалилась?

– Да.

– Надеюсь, ты из жилконторы кого-нибудь вызвала? Что они говорят?

– Ничего не говорят, – робко взглянула на мужа женщина. – Да я и не звонила им: всё равно, ведь, никто не придёт...

– Как это, не звонила? – взъярился Андрей. – Надо же было акт составить!

– Так оно ж само упало, – робко возразила ему жена. – Никто ж не виноват...

– Вот дура! – грубо выругался Андрей, добавив пару матерных выражений. – Так и хотите меня поскорее в гроб вогнать. Это ж сколько денег теперь на ремонт надо! Где их брать?

– Не волнуйся, мы уже ремонт почти сделали, к твоему приходу всё закончим. Вчера новые обои поклеили...

– Новые обои? – поразился словам жены Андрей. – Вы что, книжные полки сняли?

– Конечно, – удивилась вопросу женщина. – Их же все осколками лепнины и алебастровой пылью засыпало. Часть обоев ещё до этого отошла...

– И ту, большую, полку, что я сам делал и намертво к стене прикрепил, тоже сняли? – Всё никак не мог поверить в масштаб бедствия Андрей.

– Да, – спокойно кивнула жена. – А как мы иначе обои переклеили?

– Дура! – вдруг заорал в полный голос Андрей. – А кто теперь все эти полки назад вешать будет?

– Тебя уж не заставим, не бойся, – горько усмехнулась жена.

– А куда вы дели книги? – вдруг озаботился Андрей.

– Сначала на площадку вынесли, потом постепенно в сарай перетаскали.

– На лестничную площадку?! – Андрей побагровел. – И долго они там лежали без присмотра?

– Да кому они нужны сейчас, твои книги? – отмахнулась жена. – Их, вон, чуть не каждую неделю у мусорки целыми сумками выбрасывают. Ты ж мусор не выносишь, не видишь...

В ответ Андрей обрушил на жену поток матерной брани. Мы замерли на койках, не веря ни глазам своим, ни ушам. Вот так «тихоня»!

– У меня там, в книге, деньги большие лежали, – в конце концов, простонал

он. – Во втором томе Фазу Алиевой. Что если их кто-то взял, пока книги без присмотра на площадке лежали? Беги скорее в сарай и найди её!

Тяжко вздыхая, бедная старушка взяла свою сумку, попрощалась с нами, поражёнными произошедшей на наших глазах безобразной сценой, и поспешно вышла из палаты.

Андрей бушевал долго. Он больше не кричал, но что-то злобно шипел себе под нос и чуть ли не каждые полчаса звонил жене, задавая один и тот же вопрос:

– Нашла?

Ответ его явно не радовал, так как, выключив телефон, Андрей матерно крыл жену и продолжал злобное шипение.

– Много у тебя книг? – не выдержал я.

– Три тысячи! – гордо ответил Андрей. – Всю жизнь собирал.

Он смотрел на меня с таким превосходством, что я не удержался от насмешливого вопроса:

– И ты их все прочитал?

– Нет, – несколько смутился Андрей, видимо уловив насмешку. – Но многие. В моей коллекции есть и редкие книги.

– А книги наших авторов есть? Коломенцев?

– Есть пара сборников Александра Кирсанова, – снова гордо выпрямился Андрей. – С дарственными надписями от автора. Он часто ко мне приходил, хвастался, что вот ещё одну песню на его стихи кто-то там поёт.

Андрей явно хотел и дальше поговорить на эту тему, но мне он вдруг стал совершенно не интересен. О чём говорить с человеком, который собирает не библиотеку, а коллекцию книг? Который даже не помнит, «кто там поёт» песни на стихи самого известного современного поэта Коломны?

Я и сам всю жизнь при каждой возможности покупаю книги. Когда-то мёрз часами в очередях, чтобы сдать двадцать килограмм макулатуры и получить заветный талончик на приобретение интересной книги. Сколько их сейчас в моей домашней библиотеке, никогда не считал, но вряд ли меньше, чем у Андрея. Есть и с автографами коломенских (и не только) авторов. Была и книжка стихов Александра Кирсанова. Правда, надписал и подарил её Александр Фёдорович не мне (я, как говорится, «тогда ещё пешком под стол ходил»), а моему отцу, бывшему в то время молодым начинающим поэтом. Несколько лет назад я подарил эту книжку коломенской библиотеке имени А.Ф. Кирсанова. Но я не стал рассказывать об этом Андрею, не желая уподобляться подросткам, меряющимся, у кого кое-что длиннее.

– Три тысячи книг не скоро переберёшь, – сказал я. – Не удивительно, что твоя жена так долго ищет.

И он вновь схватился за телефон...

На следующий день жена Андрея пришла к двенадцати часам, чтобы забрать того домой. Видимо, желая угодить мужу, она принесла тому новенькую палку.

– Хорошая палка! – одобрил подарок дед Лёша. – Раздвижная, под любой рост подогнать можно. У меня тоже такая есть.

– Сколько стоит? – рассматривая палку, сурово спросил жену Андрей. Похвалу деда Лёши он словно не услышал. – Опять зазря деньги тратишь! Знаешь, ведь, что мне обязаны палку бесплатно выдать.

– Так ведь не дают, – простодушно заметила жена.

– Верни назад, в аптеку, – раздражённо буркнул Андрей, почти бросив палку жене. – Вечно лезешь, куда тебя не просят! Не нужна мне эта палка.

– Как хочешь, – вздохнула жена. – А возвращать я ничего не буду. Не нравится новая палка, ходи со своей веткой.

– Дура! – возопил Андрей. – Сама, что ль, не видишь, какая она тяжёлая? Попробуй, потаскай такую – все руки оттянешь! Верни, где взяла.

– Сам возвращай! – с трудом сдерживая обиду и возмущение, ответила Андрею жена. – Постеснялся бы, ведёшь себя, как дома...

– Бери сумки, пошли домой, – встал с кровати Андрей. – Там поговорим...

– Документы твои ещё не готовы, – виноватым тоном ответила жена. – Придётся подождать.

– Как это не готовы? – опешил Андрей. – Почему?

– Не успели. Говорят, после обеда всё оформят.

– Это всё ты виновата! – рухнув на койку, злобно прорычал Андрей. – Я тебе во сколько велел прийти? В одиннадцать! А ты когда заявила? Сейчас бы уже дома были, а теперь ещё два часа придётся здесь торчать! Специально всё делаете, чтобы меня побыстрее окончательно угробить, о смерти моей мечтаете...

– Ну, хочешь, идём домой, – робко предложила жена. – Рядом же живём! А к двум часам я сюда вернусь за твоими документами.

– Нет уж! – бушевал Андрей. – На тебя ни в чём положиться нельзя. Я сам дождусь и проверю все бумаги.

– Ладно, подождём...

– Зачем ты мне здесь нужна?

– Что ж мне, в коридоре ждать?

– Забирай сумки с вещами и проваливай! Я и сам дорогу домой знаю.

– Как хочешь, – с каким-то даже облегчением сказала бедная женщина и встала со стула.

– И палку эту дурацкую не забудь! – рявкнул Андрей. – Увижу её дома – выкину в окно.

– И за что мне всё это? – с горечью произнесла измученная старушка. – Как же я устала...

Около двери она обернулась к нам, молча наблюдавшим со своих кроватей эту безобразную сцену, и, чуть поклонившись, сказала:

– Выздоровливайте. Всего вам хорошего!

И ушла.

Андрей продолжал матерно крыть жену, замолчав лишь на время обеда. Наконец, медсестра принесла ему оформленные больничный лист и выписку из истории болезни. Андрей тщательно просмотрел их и обнаружил, что больничный лист не закрыт. Трясаясь от ярости, он, как мог быстро, вышел своими нелепыми мелкими шажками из палаты и ещё минут десять скандалил в коридоре с медсестрой, дежурившей на посту. Андрей вопил, что ему не нужен открытый больничный лист.

– Его закроет, когда сочтёт нужным, ваш участковый кардиолог, – пыталась вразумить буяна медсестра. – Вы перенесли операцию, дальше у вас должен быть период восстановления.

Однако Андрей не желал ничего слушать и требовал немедленного закрытия больничного. Не знаю, добился ли он своего или нет, но в палату скандалист вернулся мрачным и явно неудовлетворённым. Ни на кого не глядя, он

быстро побросал в пластиковый пакет оставшиеся вещи и, постукивая палкой-веткой, двинулся вон.

– Андрей, ты посуду забыл, – окликнул я его уже у самой двери.

– На кой она мне? – не оглядываясь, откликнулся тот. – Кому-нибудь пригодится.

И Андрей окончательно ушёл из палаты и нашей жизни. При знакомстве ни с кем из нас он не здоровался, ни с кем и не простился. На тумбочке остались стоять немытые после обеда две тарелки, кружка и ложка.

– Ну, и дурак! – глядя на них, вынес приговор Костя. – Нельзя ничего оставлять в больнице – плохая примета: придёт рано или поздно вернуться. Какой всё же гадостный человек...

Позднее я убедился, что время оформления выписки и больничного листа не зависит от наличия или отсутствия в больнице родственников пациента. Врачи и медсёстры оформляют все документы сами. Но им, естественно, в первую очередь приходится разбираться с текучкой, своими основными обязанностями. Так что совершенно напрасно Андрей обвинял в задержке жену – та никак не могла ускорить процесс. Трое суток прожил я в одной палате с этим странным человеком и вынужден согласиться с определением, вынесенным ему Костей. А ведь Андрей, в общем-то, не сделал ничего плохого ни Косте, ни деду Лёше, ни мне.

ПОЭЗИЯ

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Родилась в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса «Путешествие в страну чудес» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия».

Живёт в Москве.

На солнечной волне

Радость вдохновения

На небе постепенно звёзды погасив,
Всё на земле зарёю пробуждая,
Поцеловал меня рассвет, в лучах игрив,
Даря любовь из самых куцей рая!

И на ресницы брызнул солнца огонёк,
И я проснулась, чтоб увидеть небо,
И сделать новый жизненный глоток
Мечты, что мне с утра важнее хлеба.

Всем сердцем чувствую я счастье в тишине,
Когда в душе ликует восхищенье, –
И жизнь летит стремглав на солнечной волне,
Неся с собою радость вдохновенья!

Пробуждение мечты

Глубокая с утра волнует неба синь
И вешние ликующие воды,
И чудится прикосновение богинь
В чудесном пробуждении природы.

Не насладиться необъятной тишиной,
Дыханье ветра где и шёпот почек –
Налюбоваться разве можно новизной?
Несущей вечности источник?..

Окинув ясным взором красоту вокруг,
Охвачен будешь яркою мечтою,
Не выпускай её, крылатую, из рук –
Стихи напишешь сердцем и душою!

Счастья вино

В окно погляди, май почти у порога!
И скоро опять запоют соловьи,
Что счастливы будем с тобою без срока
В земной беззаветной и чистой любви.

Что с нами повсюду весёлое солнце! –
Оно поселилось в горячих сердцах,
Раскрыв нараспашку друг другу оконца,
Чтоб ясное небо светилось в глазах.

С тобою встречались порой под метелью,
И пели нам знобко ветра и снега,
Но Гоголь спасал нас своею шинелью,
И Пушкинский стих согревал, как всегда.

Нельзя заморозить любовь в сердце нашем, –
Два любящих сердца всегда – как одно...
Любая погода становится краше,
Коль в души вливается счастья вино!

Состояние души

Святое состояние души
Весной испытываешь ты... Скажи,
Не правда ль? Восхитительное чудо
Меняет нас, являясь ниоткуда...

Поёт душа и в небеса летит,
Хрустально колокольчиком звенит,
И очарованно ликует разум,
И мило всё – восторженному глазу.

Неудержимо из сердечных уст
Летит лавина нежных светлых чувств –
Любви прекрасной солнечного чуда,
Что вдруг весной приходит ниоткуда.

И дар небес, приняв своей душой,
Проникнешься чудесной красотой,
Изящно лягут рифмы тонкой вязью,
В богатстве чувств являясь звёздной связью.

ПРОЗА

ИNESSА ИЛЬИНА-
ФЕДОРОВА

Два рассказа

Вербное Воскресенье

В весеннем воздухе витает волшебство. Ветренница Весна, воплощая высокие вибрации Вселенной, вальсируя, вовлекает в водоворот восторженного веселья всех и вся.

Вороны важно восседают в ветвях высокой вербы. Вербное Воскресенье. Воробьи весело ворошат всякую всячину, выброшенную вчера вечером возле ворот. Воробьи выманили вездесущего Ваську, вальяжно возлежавшего в ворохе ветоши.

Внезапно в воротах возник волкодав Веня. Высокмерно взглянув вокруг, вошёл внутрь. Васька выгнулся вьюном, вздыбил ворс. Воробьи вспорхнули врассыпную. Вчерашняя вкуснятина восхитительно воняла вяленой воблой, варёной ветчиной...

Вмиг воспитанный волкодав Веня вывалялся в вобле, восторженно взвизгивая. Вековое влечение взяло верх.

Возня возле ворот вынудила выйти внушительного вида водителя внедорожника Величко: «Вот ведь, всё вымазали!» Возмущённо ворча, взмахнул высоко веником. Волкодав Веня встал, вперился внимательным волчьим взглядом в верзилу. Водитель Величко вздрогнул: «Ведь цепится! Вот влип!!!» В волнении взглянул вверх – вдруг выглянет владелица волкодава, возлюбленная Величко, Валентина, выдаст Вене взбучку в виде ведра воды?.. Вспомнил вчерашнее. Виновато воскликнул: «Валя, выручай! Виноват! Вернись!!!» Ведь Вербное Воскресенье, всё же!!!»

Выручила Ворона. Вместо ведра воды, Ворона выдала виртуозный вираж вниз, выхватила в ворохе всячины ветчину, взметнулась ввысь, в вербные ветви.

Влажный весенний ветерок выхватил веник, весело всыпав Величко, вместо Валентины. Вымел всё вокруг, взвился выше всех, Вербное Воскресенье величать. Весну встречать.

ИNESSА Яшиновна Ильина-Фёдорова – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (фестиваль патриотической поэзии «Форпост» 2014 г., 3-е место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Сан Саныч и сыроежки

Стройные сыроежки стояли строем со стороны сарая, соперничая своими сафьяновыми «сари» с ситцевыми «сарафанами» садовых соцветий. Сантехник Сан Саныч сощурился – слепило солнце.

«Собрать ли сыроежки?» – сомневался Сан Саныч. Споря сам с собою, сел, скрутил самокрутку. «Сорву, сварю суп, съем, сколько смогу», – соображал Сан Саныч.

Сыроежкам стало страшно: «Сырыми съест, старый сухарь, сколько сможет, самодур! Собратья сорняки, спасайте скорее, SOS!!!». Сорняки смело стали стеной среди сыроежек.

«Странно... – соображал Сан Саныч, – сплошное сено-солома! Скосить скорее...»

Сорняки скисли: «Сейчас скосит!»

Сороки стаями слетали с сосен, стрекоча: «Спокойно, сообща справимся!»

Стремительно сотни синиц, стрижей, скворцов серпантинном сыпались, страшно свистя. Сердито скрипел суховей, сучьями стегая спину Сан Саныча. Сутулые сморчки саркастически смеялись: «Сгинь, сгинь, старикашка!!!»

Сан Саныч сиганул со скоростью света, словно сумасшедший, стараясь слиться со стволами сосен. Согнув скованную страхом спину, страдалец судорожно соображал: «Свалюсь с сосны – смерть!»

Сползались сизые сырые сумерки...

Соседка Софья Семёновна Страшенко суетилась с самоваром: сушки, сахар, сласти... Со стороны сеновала слышались слабые стенания. «Странно, словно Сан Саныч стонет... Сходить ли?», – сомневалась Софья Семёновна. Стоны становились сильнее. Софье Семёновне стало страшно. «Спустить ли собаку?... Снежок, Снежок!!!»

Старый сенбернар Снежок спал, счастливо сопя. Снежку снился сытный стол: сметана, сырники, солянка с салом... Снежок смотрел свой собачий сон, словно селфи. Соседский спаниель Спайк стащил сало, стянув со стола скатерть. Сожрав сало, спаниель бежал. Снежок с сожалением скулил. «Спишь, скотина?!» – слышались сквозь сон скрипучие слова Софьи Семёновны. Снежок сел, сглотнув слюну: «Съесть бы сейчас сардельку...» «Служи, Снежок, служи!» – Софья Семёновна сунула собаке селёдку. «Селёдку съешь сама! Совсем сдурела, скряга!» – скулил Снежок. «Скачи скорее!» – сказала Софья Семёновна, собираясь следом. Снежок сделал стойку, соскочив со ступенек, стремительно скрылся.

Следы Сан Саныча сливались с сухим сеном. Стоны слышались справа. Споткнувшись, Софья Семёновна столкнулась со Снежком, старательно стаскивающим Сан Саныча с сосны.

«Слава Создателю, спасли!» – стонал страдалец, смахивая скупую солёную слезу. Снежок сделал сальто. Собравшись с силами, Сан Саныч сказал: «Соседка, соберём сыроежки сообща, сварим суп.»

«Сильно сомневаюсь, – сказала Софья Семёновна, – смеркается... самовар стынет...»

«Се ля ви, соседка, – сокрушался Сан Саныч, – самовар, самовар...»

«Сарделька, сарделька!» – скулил Снежок.

«Снежку сардельку!» – сурово сказал Сан Саныч.

«Стало быть, сардельку!» – согласилась сокрушённо Софья Семёновна.

Совсем стемнело. Сыроежки, сорняки, сороки с синицами, стрижами, скворцами спокойно спали. Сладкоголосый соловей сзывал серебристо-синих светлячков. Стрекотало скрипичное соло сверчка. Стихали страсти суетных событий. Слетались сказочные сны. Самоцветами сияли созвездия. Строго светил светлый Сириус.

Соседи – спасённый Снежком Сан Саныч, сварливая Софья Семёновна, – счастливо сидели с самоваром.

Снежку снились сардельки...

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – поэт. Родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения.

В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор четырёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени», «Берега». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Колокольные звоны

*Весь трепет жизни всех веков и рас
Живёт в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*

Максимилиан Волошин

Колокольные звоны
Золотого кольца,
Переславль и Ростов,
Кострома, Ярославль...
Как страдала и пела,
Страдая, душа.
Как стозвонен
Был звон колокольный.
И внимали ему
Мы, почти не дыша,
Растворяясь в созвучьях
Невольню...

Искры

Искры воли моей,
Искры боли.
Искры радости
Тайны мои.
Заточила неверных в неволю,
Остальных отпустила
«Живи!»

Подожгу черноту
Вдохновеньем,
Пусть сгорают
Двуликая новь.
И засветится Слово
Прозреньем,
Семицветною искрой -
Любовь.

Реутов

*Реутов, малая родина. По мотивам картин
художника Николая Акимова,
члена Союза Художников России
(Музейно-выставочный центр, Реутов)*

Старый Реутов, старый Реутов,
Детство и юность со мною как будто.
Стройная девочка с длинной косой,
И провожают мальчишки гурьбой.
Дом на Московской часто мне снится,
Школьных друзей незабвенные лица,
Первое чувство (ему не забыть).
Малая родина, вечное слово
Снится мне Реутов снова и снова.

Всё возвратится «на круги своя»,
Не потому ли в прошлое так тянет?
А там другие формы бытия,
И снова душу будоражит память.

Там мама нам оладушки пекла,
Водой студёной нас поил колодец,
И не камин, горячей печь была,
Озябший грелся у неё народец.

Сугробы снежные, и санки, и коньки.
Как мы влюблялись тайно, безнадежно!
Какие были светлые деньки
Какая неосознанная нежность!

Гуси над Конаковским полем

Таинство русской природы
Музыкой чудится мне.
Майские дни на исходе.
Гуси летят в вышине.

Небо разрезали клином
С юга на север стрелой
Гуси, как в сказке былинной
Тянутся с юга домой.

Ждут их луга и долины,
С детства родные места
Не променяют любимых –
Формула птичья проста.

*Сердце за ними вдогонку,
Радостно плачет душа.
Таинство русской сторонки,
В небо гляжу не дыша.*

Аллея ангелов (Донецк)

На Аллее Ангелов – цветы.
У портретов нет пустого места.
На Аллее Ангелов – мечты
ВСУ расстрелянного детства.

И игрушки. Больно их нести
Тем, кто не протянет к ним ручонки.
Не понять всё это. Не простить.
И нельзя такого больше допустить,
Милые мальчишки и девчонки.

Размышления

Что наша жизнь? Она – игра,
И это всем давно известно.
Но нам задуматься пора,
Что значат наши интересы.

Гомер, Платон и Еврипид
О зле слагали афоризмы.
И всё же зло не победит,
Хотя оно играет жизнью.

А Украина не поймёт,
Что все на свете люди – братья,
Что не простит убийц народ,
В любви людской таится счастье.

Пасхальное

Белокаменная Русь
Расплескала перезвоны.
Я коленопреклонённо
О судьбе твоей молюсь.

У Покрова на Нерли
Пред иконой ставим свечи,
Чтобы милостью Предтеча,
Путь нелёгкий озарил.

Отражение

*Безмерен мир,
Бездонно отраженьё.*

Отраженьё уходит в зенит,
Возвращаясь, как птица, на землю,
Будто эхо ответно звенит
И земные законы приемлет.

Отражается в книгах судьба,
Откровения свыше от Бога,
И победная чья-то борьба,
И тернистая чья-то дорога.

Нашей радости светлые дни,
Наших горестей чёрные тени...
Притянулось к душе, как магнит,
Незаметное нам отраженьё.

В этих вальсах осенней листвы
Отражаются солнце и ветер,
И поверья, и шёпот молвы,
Ну и что там ещё на примете.

Отражается – нам ли не знать,
Что посеешь... то далее будет.
Не сдержавшись, бушуем опять
И меняем свой праздник на будни.

С именем добрым

Две памятные даты, связанные с именем этого удивительного человека, стоят практически рядом: два века минуло с печального часа его ухода из нашего бренного мира, а 280 лет назад он явился на свет, чтобы стать одним из духовных наставников тех, кто посвятил себя служению Отечеству в эпоху Просвещения.

В мундире чиновника

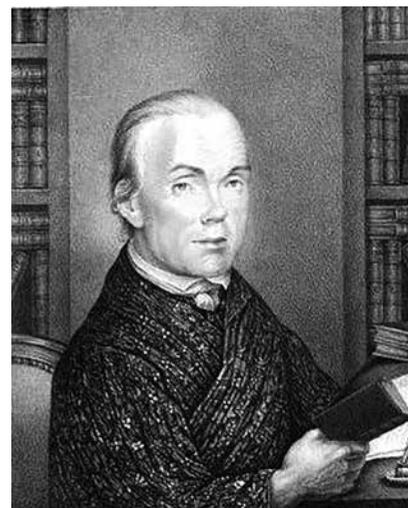
«...Для изображения Семёна Ивановича Гамалеи, правителя канцелярии московского главного командующего, у меня не найдётся и слов: хотелось бы видеть такого человека, а не вспоминать о нём. Я недоумеваю, каким образом под мундиром канцелярского чиновника, и именно русской канцелярии прошлого века, мог уцелеть человек первых веков христианства. Гамалею подобает житие, а не биография или характеристика». Так о герое нашего сегодняшнего повествования отзывался в своих трудах известный историк Василий Осипович Ключевский. Но чем же прославился Гамалея – малоприметный на первый взгляд человек со странной малороссийской фамилией? Ответ на это даёт сама его жизнь.

Семён Иванович Гамалея родился в 1743 году на Полтавщине в небогатой семье. Учился в Киево-Могилянской академии. В 1764 году поступил в Академический университет Санкт-Петербурга. Будучи необыкновенно любознательным и трудолюбивым, он преуспел в изучении иностранных языков, да так, что окончив университет, был приглашён преподавать в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. В это же время он заинтересовался переводом иностранных книг, преимущественно по философии и истории. Такое увлечение привело его в «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», которое возникло на берегах Невы в 1768 году с целью пропаганды сочинений и

Александр Викторович Нефедов – писатель, журналист. Родился в 1962 году в подмосковном селе Малое Алексеевское. Автор книг «Силуэты. Прошлое Подмосковья в лицах», «Самый. Самое. Самая. Подмосковная книга рекордов», «Жемчужное ожерелье Подмосковья», трилогии о книгоиздателях и просветителях XVIII века Н.И. Новикове: «Мастер слова и дела», «Торжество слова и дела», «Жизнь во благо Отечества». Первый заместитель главного редактора Издательского дома «Чудеса и приключения». Имеет два высших образования – в области информационных технологий и юриспруденции. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Почётный работник печати города Москвы.

Живёт в Москве.

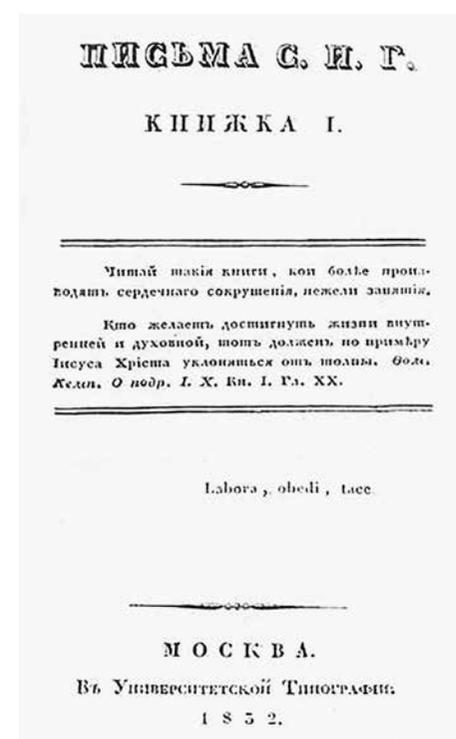

С. И. ГАМАЛЕЯ.

Видел Гамалея

идей французских энциклопедистов. Пожалуй, именно с этого года можно вести отсчёт благородной просветительской деятельности С.И. Гамалеи. Книги, переведённые им в это время и вышедшие в свет, несут идеи самые передовые, порой граничащие с вольнодумством: «Путеводитель к премудрости» (1768), «История о императоре Феодосии» (1769). А перевод книги «Легчайший способ прививания оспы...» (1776) стал его, к сожалению, ещё не до конца осознанным и оценённым вкладом в развитие отечественной медицины. Кто знает, сколько тысяч жизней спас этот перевод с немецкого. Оспа, именуемая в XVIII веке «чумой», оставляла после себя в ту пору безлюдные мёртвые селения как в Европе, так и в пределах обширной Российской империи.

В 1770 году С.И. Гамалея перешёл на службу в Сенат. Прославившись необыкновенно образованным, скромным и бескорыстным человеком, он был приглашён в 1774 году на должность правителя канцелярии к Могилевскому и Полоцкому генерал-губернатору, фельдмаршалу, кавалеру ордена Святого апостола Андрея Первозванного графу Захару Григорьевичу Чернышёву. О службе Гамалеи в Белоруссии ходили легенды. В.О. Ключевский писал в своём сборнике

статей «Очерки и речи» о Семёне Ивановиче: «Когда ему предложили обычную в то время награду за службу крепостными в количестве 300 душ, он отказался: ему-де не до чужих душ, когда и с своею собственной он не умеет справиться. Слуге, укравшему у него 500 рублей и пойманному, он подарил украденные деньги и самого его отпустил с Богом на волю; но он не мог простить себе ежегодной траты 15 рублей на табак, которую считал похищением у бедных...». Был и такой случай: однажды воры подкараулили припозднившегося на службе чиновника и чуть ли не у порога его дома потребовали деньги и часы. Гамалея невозмутимо отдал кошелёк и серебряный хронограф и, не успев даже отужинать, принялся молиться за то, чтобы «взятое у него не было употреблено на что-либо вредное». Святая простота!

В 1782 году З.Г. Чернышёв был назначен московским генерал-губернатором. Семён Иванович перебрался вместе с ним в Первопрестольную и так же занял солидную должность в канцелярии. И на этом посту он продолжал свои чудачества. По свидетельству современника: «В службе он был так бескорыстен, что никто не смел ничего предложить ему в знак благодарности. Один из богатых московских купцов, будучи обязан Семёну Ивановичу, хотел чем-нибудь показать ему свою признательность и угостить его обедом; узнав при том, что он любит рыбный стол, и потому достав лучшую и редкую рыбу, он позвал знакомых и просил С.И. на рыбный стол. С.И. принял приглашение только с условием, чтобы весь стол был приготовлен из любимой его рыбы плотвы, самой дешёвой. Купец понял намерение С.И., отказал своим гостям и должен был вдвоём с ним есть плотву, которой, может быть, до сего времени не знал и вкусу».

В 1784 году Гамалея ушёл с почётной и выгодной службы в отставку в чине надворного советника, что по тогдашней табели о рангах соответствовало седьмому классу и приравнивалось к армейскому званию подполковника. Солидный чин, связи с сильными мира сего, неплохой пенсией за выслугу, широкая эрудиция, — что ещё нужно сорокалетнему мужчине, чтобы найти себе подходящую партию для заключения счастливого брака? Но Семён Гамалея выбирает другой, многим простым смертным необъяснимый, путь.

Сын вдовы и Прометея

В 1780-е годы в Первопрестольной Гамалея вступил в масонскую ложу. Со временем стал одним из видных деятелей московского масонства и розенкрейцерства, вошёл в «главный капитул» и руководил ложей «Девкалион». Название этой ложи имеет глубокий смысл. Персонаж древнегреческой мифологии Девкалион был ни много ни мало сыном самого Прометея — защитника людей от произвола богов. Благополучно пережив вместе со своей супругой Пиррой потоп, Девкалион «создал» новый народ — эллинов (греков). В блистательную эпоху Возрождения он стал героем многих литературных, музыкальных, скульптурных и живописных произведений. Создавая ложу под именем столь благородного мифологического героя, «мастер стула» Гамалея вместе со своими единомышленниками ставил не менее благородные цели преобразования общества, создания «нового народа» — просвещённого и гуманного.

Среди братьев-масонов Семён Иванович занимал особенное положение признанного теоретика-эрудита, непревзойдённого знатока многих наук

и богословских премудростей. Да и как иначе, если он свободно знал латинский, греческий, древнееврейский, немецкий и французский языки. Это и позволило ему перевести огромное количество мистических и богословских трудов западных и ближневосточных философов и учёных. В наши дни никто не может заново осилить перевод всех книг немецкого христианского мистика Якоба Бёме. А Семён Иванович перевёл в своё время 22 тома его сочинений. Они не устарели и ныне. Яркий пример тому — участвовавшее в наше время переиздание книги Якоба Бёме «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

Знакомство с книгоиздателем, филантропом, основоположником российской журналистики и теории педагогики Николаем Ивановичем Новиковым (1744 – 1818), который в 1779 году перебрался из Северной Пальмиры в Первопрестольную и возглавил типографию Московского университета, приняв одновременно на себя и бремя редактора единственной на тот момент столичной газеты «Московские ведомости», открыло перед Гамалеей новые горизонты бытия, изменило весь уклад его жизни. Остаток своих дней он посвятил научной и литературной деятельности. И крепкой, как позже окажется — в буквальном смысле «до гробовой доски», дружбе с Новиковым и его семьёй.

От человека всё зависит

В 1782 году Гамалея вступил в «Дружеское учёное общество», учреждённое в Москве Новиковым, «чтобы удобнее было труд и упражнение свободного времени обратить в пользу». Н.И. Новиков открыл в Белокаменной бесплатную аптеку для малоимущих, устроил одну из первых в городе публичных библиотек, наладил книготорговлю в крупных российских городах. И всюду, во всех его делах присутствовал Семён Иванович — «верный друг». В 1784 году Николай Иванович организовал Типографическую компанию «на паях» — первое в истории России акционерное общество. Известного всем «аскета и бесребреника» Гамалею приняли в Компанию без денежных взносов. Семён Иванович числился одним из её управляющих. Его имя значится и в числе лиц, подписавших в 1791 году акт об уничтожении Компании, существование которой стало невозможным на закате жизни императрицы Екатерины II, принявшейся рьяно бороться с вольнодумством на фоне событий Великой французской революции.

Прочная дружба связывала Гамалею и со многими известными писателями и общественными деятелями екатерининской эпохи. Он стал духовным наставником молодого Николая Карамзина, которого Новиков пригласил редактировать первый в России журнал для детей «Детское чтение для сердца и разума». Именно Гамалея привил будущему автору «Истории государства российского» лучшие душевные качества. Когда Н.М. Карамзин, имевший в масонской ложе имя «Рамзай», отправлялся по инициативе «Дружеского учёного общества» в заграничное путешествие, Гамалея составил для него подробный маршрут поездки и инструкцию о встречах с европейскими учёными и литераторами, а также план посещения хранилищ масонских рукописей с целью их изучения. Так, неволью, Семён Иванович стал своеобразным соавтором карамзинских «Писем русского путешественника» — одного из первых не только отечественных, но и мировых литературных трэвелогов — жанра, пользующегося и сегодня популярностью среди читающей публики.

Семён Гамалея вёл обширную переписку со многими российскими и западными учёными своего времени. Некоторые письма научного и философско-религиозного содержания вошли в «Письма С.И.Г.» – трёхтомник его эпистолярного наследия, изданный в 1830-е годы.

В года смятений

Будущий «декабрист без декабря» Николай Тургенев писал в своём дневнике 5 июля 1807 года: «Я читал покойного батюшки (И.П. Тургенева – друга Новикова и Гамалеи, масона, алхимика, философа, в 1797–1803 гг. – директора Московского университета – прим. А.Н.) письмо к Гамалее, там, между прочим, нашёл я следующую мысль: “От человека всё зависит, но от скольких безделиц и человек зависит”. Совершенная правда».

Судьба Гамалеи резко изменилась в 1792 году, когда началось громкое следствие над Новиковым и «московскими мартинистами», обвинёнными в том числе и в тайных связях с наследником престола цесаревичем Павлом Петровичем, которого планировалось сделать главой всего российского масонства. Московский главнокомандующий, генерал-фельдмаршал, князь Александр Александрович Прозоровский, по поручению Екатерины II проводивший пристрастное «расследование», отмечает в своих донесениях «злых» товарищей арестованного Новикова. Среди них значится и имя Семёна Ивановича Гамалеи. Правда, аресту он не подвергся, но допросов не миновал. Новиков был осуждён на пятнадцатилетнее заключение и оказался в казематах Шлиссельбургской крепости. А Гамалея, живший на момент ареста своего друга в его имении Авдотьино, тогдашнего Бронницкого уезда Московской губернии, так и остался в усадьбе на берегу реки Северки, чтобы

Храм Тихвинской иконы Божией Матери в селе Авдотьино. Слева от колокольни находится могила Гамалеи. Фото 2022 г

присматривать за детьми овдовевшего к тому времени Новикова. Он опекал Ивана, Веру и Варвару, присматривал за хозяйством, продолжал и дело, начатое Новиковым: занимался новыми переводами, помогал бедным. По свидетельству современников, каждое утро к окну его комнаты, расположенной на первом этаже обширного дома, стекалось множество нищих, а Гамалея, выйдя на крыльцо и разговаривая с ними, раздавал медные деньги.

Наконец в 1796 г. друзья соединились вновь. После смерти Екатерины II вступивший на престол её сын – Павел I одним из первых же своих указов возвращает из крепости Николая Новикова и из сибирской ссылки Александра Радищева, сосланного в 1790 году на десять лет за издание «Путешествия из Петербурга в Москву». Гамалея писал одному из своих столичных адресатов: «Он прибыл к нам 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе. Доктор и слуга крепче его (вместе с Новиковым в крепости добровольно находились его слуга и доктор Михаил Багрянский – прим. А.Н.) ... Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселениях, как они обнимали с радостью и слезами Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получали; и то не только здешние жители, но и отдалённых чужих селений... Сын в беспамятстве побежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он её отец...».

Авдотьинские отшельники

Вернувшись домой, Николай Иванович беспокоился о расстроенном хозяйстве, мечтал возобновить книгоиздательское дело. Вместе друзья заботились о пополнении усадебной библиотеки – выписывали недостающие тома, переписывали и переплетали книги, которые не имели возможности приобрести. В сельском уединении они не чувствовали себя одиноко. Часто в Авдотьино навещали гости. И не только соседи-помещики. Ненадолго приехал на кануне окончательного переезда на берега Невы официальный историограф

Современный вид усадьбы Авдотьино, где жил и похоронен Гамалея. Фото 2022 г.

Николай Карамзин. Несколько раз Новикова и Гамалею посещал архитектор Александр Лаврентьевич Витберг (1787 – 1855), который работал над проектом, а затем руководил работами по строительству на Воробьёвых горах Храма Христа Спасителя. Этот замысел воплотить так и не удалось. Гораздо позднее идею возведения храма в память о героях Отечественной войны 1812 года уже в другом месте, на Волхонке, реализовал Константин Тон, и воссозданный результат его трудов – теперь одна из святынь России. Но к архитектурной концепции Витберга, первоначально предложенной и утверждённой Александром I, как позднее выяснилось, «приложили руку» духовные наставники архитектора. Так, по советам Новикова и Гамалеи в окончательном варианте проекта, чертежи которого сохранились, появился подземный храм, что очень характерно для масонского учения, основанного на христианских традициях, а также многомаршевый лестничный спуск к Москве-реке.

О подробностях этих поездок в Авдотьино Витберга буквально заставил написать Александр Герцен. Они оба, правда, по разным причинам практически одновременно оказались в середине 1830-х годов в ссылке в Вятке. Благодаря настойчивости товарища по несчастью, опальный архитектор написал пространственные мемуары, изданные уже после смерти Александра Лаврентьевича в журнале «Русская старина» (1872 г.)

Первый раз Витберг приехал в Авдотьино летом 1815 года. «Я нашёл Новикова старым, бледным, болезненным, но взор его ещё горел и показывал, что ещё может воспламениться и любить... Он желал видеть проект, говорил, что очень рад, что я вздумал навестить старого страдальца и отшельника, что уже много о нём (о проекте Храма Христа Спасителя – прим. А.Н.) слышал, и я, развернув проект, начал моё объяснение, стараясь как можно строже изложить оное. Я мог заметить, что Гамалея слушал холоднее Новикова, но Новиков слушал как любитель изящного... Старики, казалось, полюбили меня. Я провёл у них несколько дней и после раза два приезжал к ним. Каждый раз беседовали мы долго... В то время, когда я познакомился с ними, я застал их обоих всё ещё занятыми. Гамалея переводил с немецкого и латинского языков книги герметические и религиозные... Новиков показывал мне свою небольшую библиотеку, где было много книг, переплетённых собственною рукой Новикова. При этом он заметил: «Вот сколько труда; но с искренней скорбью вижу, что некому завещать всё это, некому передать мысли для продолжения начатого». Впоследствии времени я раза два-три посещал их; в одном из посещений я просил его дозволить снять его портрет. Новиков позволил, но Гамалею я не мог уговорить...».

И всё же портретный образ Семёна Гамалеи до наших времен дошёл. И не один. Хотя не менее любопытен и его словесный портрет, созданный близкими людьми: «Семён Иванович был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями и в обществе был молчалив, отчего казался суровым философом, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил убедительно и с воодушевлением. Живя в доме Новикова в сырой и холодной комнате, он боялся, чтобы пришедший к нему гость не озяб и не ушёл, накидывал на него свой калмыцкий тулуп и объяснял нравственные правила жизни, подкрепляя их текстами из Св. писания, которые знал наизусть...».

А собрание книг, которое упоминает Александр Витберг, в конечном итоге авдотьиинские отшельники превратили в уникальную «Герметическую библиотеку». Она состояла из двух практически аутентичных комплектов

рукописных книг – в каждом по 50 томов. Причём сделанные Семёном Ивановичем и его сподвижниками – масонами и розенкрейцерами – переводы каббалистических, магических, астрологических, математических, медицинских и философских трудов древних и западноевропейских авторов, Гамалея и Новиков сами превращали в солидные рукописные книги, даже собственноручно и довольно умело их переплетали.

Николай Новиков умер 31 июля 1818 года, в день рождения Гамалеи... Это ли не мистическое совпадение? Между тем, Гамалея пережил своего «сердечного» друга почти на четыре года. Как мог, он поддерживал больных детей Новикова, отдавал им всё, что имел, и самое главное – тепло своей души. Но постепенно и огонёк его могучего духа угас. Весна 1822 года стала для него последней...

«Подвигом добрым подвизався, течение скончах, веру соблюдох» – такую эпитафию из евангельского Второго послания к Тимофею (глава IV, статья 7) заказал выполнить на оборотной стороне чёрного мраморного надгробия на могиле Семёна Гамалеи литератор, археолог, в молодости – член «Союза благоденствия», а в зрелые годы – почётный член «Московского общества истории и древностей российских» Степан Дмитриевич Нечаев (1792– 1860). Он, будучи сенатором и действительным тайным советником, председателем Комитета для разбора и призрения просящих милостыни, в 1857 году посетил по делам службы усадьбу Авдотьино. Увидел сиротливую могилу Гамалеи возле храма Тихвинской иконы Божией Матери и решил незамедлительно воздать должное человеку, чьё имя в те годы всё ещё было на слуху. Так благодаря сановнику, не покупившемуся на внушительный памятник, который когда-то венчало бронзовое распятие, до наших дней дошло точное место последнего упокоения Семёна Гамалеи, «много содействовавшего распространению истиннохристианских правил». Выбирая же мотив эпитафии на могиле своего единомышленника, бывший масон намекал на всем известное в то время, практически хрестоматийное, разъяснение этих слов, данное Иоанном Златоустом: «достигнув старости, жизнь моя была безукоризненна».

Два века минуло с той поры. Центральная улица подмосковного села Авдотьино теперь вполне официально носит имя Гамалеи. Чудом было вызволено из рук вандалов и возвращено на своё место историческое надгробие над могилой Семёна Ивановича. Стараниями настоятеля храма Тихвинской иконы Божией Матери и местных жителей захоронение обрело достойную ограду. Практически полностью уцелела и «Герметическая библиотека», которую продолжают исследовать учёные. Да и «Письма С.И.Г.», каким бы странным это ни показалось, в наши дни продолжают обретать своих читателей – книги оцифрованы и находятся в открытом доступе. Его доброе имя и дела оказались неподвластными обстоятельствам и времени.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Иркутской области. Член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы, сборника поэтических переводов стихов непальских поэтов и двух музыкально-поэтических альбомов. На стихи Тамары Потёмкиной написано свыше 40 песен. Стихи и рассказы, а также переводы произведений болгарских, непальских, чеченских, ингушских и дагестанских поэтов опубликованы в журналах «Великороссъ», «Невский альманах», «Новые витражи», «Камертон», «Luttera», альманахах «Золотое руно», «Москва поэтическая», «Славянская лира», «Святыни сердца» (Луганск), «Айсберг в пустыне» (ДНР, Горловка), газете «Московский литератор» и др. Победитель и лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и премий.

Живёт в Москве.

Ваш подвиг не забудем никогда!

Молитва мамы

Как стремительно время бежит,
Хоть и кажется долгою жизнь.
Помню, был ты совсем малышом,
Помню день, когда в школу пошёл.
Знай, что все твои ранки и шрамы
До сих пор ноют в сердце у мамы.

Припев:

Вот и вырос сынок мой большой
С добрым сердцем и чистой душой.
О тебе я ночами молюсь, любя,
Пусть Господь не оставит тебя!

Непростой в жизни выбрал ты путь,
Мне опять по ночам не уснуть.
За Россию ведёшь смертный бой,
Я душою и сердцем с тобой.
И надеюсь, помогут молитвы,
Чтобы вышел живым ты из битвы.

Припев:

Вот и вырос сынок мой большой
С добрым сердцем и чистой душой.
Русский мир ты сегодня спасаешь, любя,
Пусть Господь не оставит тебя!

Свято верю я, мой дорогой,
 Что с победой вернётесь домой,
 Разгромите врагов навсегда,
 Будет счастье и мир на века!
 Ну а я даже в мирное время
 Твою душу молитвой согрею.

Припев:

Вот и вырос сынок мой, большой
 С добрым сердцем и чистой душой.
 О тебе я ночами молюсь, любя,
 Пусть Господь не оставит тебя!

Наследники Гастелло

(памяти А. Антонова и В. Никишина)

Летели на задание пилоты,
 И вдруг ракетой по самолёту

Ударил враг – машина вся в дыму,
 И надо прыгать вниз по одному.

Но под Артёмовском – бронеколонна.
 Если пройдёт, рубеж наш будет сломлен.

В душе ребят – ни страха, ни сомненья:
 Не изменили курса направленье

И с криками «Встречайте, гады, папу!»
 Они свой борт направили на танки...

Летят по небу Саша и Володя,
 А вражеские танки на дороге

Внизу костром возмездия горят,
 Своих хозяев направляя в ад.

Два лётчика, два друга, два героя,
 Теперь на небе вас навечно двое.

В ночи двойная светит вам звезда,
 Ваш подвиг не забудем никогда!

Воздастся!

Воздастся всем, кто Бога предал,
 Кто продал душу сатане,
 Воздастся каждому, где б не был,
 Гореть им в адовом огне.
 Воздастся всем!

Запад движется в ад, тихо сходит с ума,
 Божьи заповеди поправ.
 И сегодня у них правит бал сатана:
 Кто страшнее грешит, тот и прав.

Лжец, убийца, развратник – герои теперь,
 Колют свастику на груди.
 Правду, веру, надежду, любовь за дверь
 Гонят разуму вопреки.

Уничтожить стремятся весь белый свет,
 Чтобы властвовать на земле.
 Память предков, традиции – под запрет,
 Сжечь в огне, закопать в золе...

Но не сбудутся планы их гнусные,
 Не получат, чего хотят,
 Потому что на свете есть русские,
 И всю нечисть они победят!

Два рассказа

За что?

Многие люди очень любят свой день рождения. Задолго до этого знаменательного дня они начинают думать, что бы такое особенное сделать. Валя же этот день не любила с детства. Почему? Да Бог его знает. Просто не любила, и всё. В этот день старалась она куда-нибудь убежать, уехать. Но от себя-то не убежишь. Муж страшно переживал за неё и старался, чтобы Валюша чувствовала себя как можно более комфортно в свой день рождения.

Валя и Анатолий познакомились в семидесятом. По всей стране молодёжь сходила с ума по английской группе «Битлз». В каждой компании на ломаном английском пели их песни про Мишель и вчерашний день, в котором все проблемы казались такими далёкими. Студенческая группа, в которой училась Валентина, была очень дружной. Ребята часто собирались у кого-нибудь дома, пили разбавленный медицинский спирт под нехитрую закуску и пели песни под гитару. На эти сборища не только не возбранялось, но даже поощрялось приводить своих друзей из других вузов, ибо это, с одной стороны, разбавляло извечные разговоры об анатомии, инфекционных заболеваниях и прочих медицинских радостях, а, с другой, позволяло оттачивать на новичках свой чёрный юмор.

В один из таких вечеров Валин одноклассник привёл к ним на посиделки Анатолия. Жгучий брюнет с серыми глазами сразу покорила сердца девушек, и Валентина, конечно, не стала исключением. Он так вдохновенно пел песни и на русском, и на английском, что каждой казалось, что этот голос обращается именно к ней. Но пел-то он на самом деле для Вали. Эта компанейская девчонка помогла ему, новичку, почувствовать себя завсегдаем в их уже давно и прочно сложившейся компании. В общем, это была любовь с первого взгляда, а, точнее, с первого аккорда.

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великоросъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

Ребята встречались три месяца и сразу после окончания сессии поженились. Свадьба вышла весёлой, с множеством шуток, розыгрышей, конкурсов и бесконечных пожеланий пополнения в семействе.

Шли годы, а пожелания так и оставались пожеланиями. Валентина долго и безуспешно лечилась от бесплодия. Анатолий оказался настоящим другом и всячески поддерживал жену. Они часто ходили в театры, регулярно приглашали домой друзей, ездили в Раздоры поиграть в волейбол, всегда проводили вместе отпуск в самых красивых уголках страны и мира. Но, несмотря на все усилия мужа, Валя страдала от затяжной депрессии, и каждый день рождения становился для неё поистине пыткой.

В день своего тридцатилетия Валя сидела у камина, не желая никого видеть, и думала: «Тебе бы жить, да радоваться! Любая женщина могла бы тебе позавидовать. Всё у тебя есть: родители-дипломаты, благодаря которым ты провела детство в Европе, блестящее медицинское образование, замечательная работа, где тебя ценят и уважают, любящий муж-архитектор и красивый дом, созданный по его индивидуальному проекту. Чего же тебе не хватает, дурёха?»

Однако этот дом казался ей пустым без детских визгов и разбросанных игрушек. Бездетный акушер-гинеколог. Вот уж поистине сапожник без сапог... Поток этих грустных мыслей прервал муж, подарив ей роскошный букет хризантем со словами: «Валюша, а давай возьмём мальчугана из Дома малютки!» При этих словах Валя заплакала. От счастья! Это был лучший подарок ко дню рождения.

С момента появления Гришки их жизнь приобрела новый смысл. У сына должно быть всё самое лучшее: питание, одежда, игрушки, книги, школа с английским уклоном, волейбольная секция, занятия гитарой... Всё делалось для того, чтобы Гриша рос здоровым и всесторонне развитым парнем.

Валентина и Анатолий были умными родителями: они подсказывали, направляли, но не решали всё за сына. Поэтому и главную дорогу в жизни он выбрал сам. На дворе был конец девяностых, и профессия юриста стала тогда очень востребованной. Григорий с отличием окончил юридическую академию и устроился на работу в семейную консультацию, так как решил параллельно с работой закончить ещё и аспирантуру, защитив диссертацию на кафедре семейного права. Сферой его интересов стали усыновлённые дети и их права. Когда он сообщил об этом своим родителям, то сильно удивился, когда первый раз в жизни они оба начали уговаривать его сменить тему, приводя, с его точки зрения, откровенно слабые аргументы.

Тема, которую Гриша менять не стал, предполагала посещения и домов малютки, и детских домов. Информация по усыновлению была строго конфиденциальна, но перед Григорием, обладавшим невероятной харизмой, открывались любые двери. Однажды, изучая архивные материалы по усыновлённым детям в одном из домов малютки, Григорий наткнулся на документ, подтверждающий факт его усыновления. Он списал данные о биологической матери и решил, во что бы то ни стало, найти её.

Взяв трёхдневный отпуск, Григорий отправился на поиски матери в родной город. На второй день он нашёл то, что искал. Квартира находилась на последнем этаже четырёхэтажного обшарпанного дома в старом квартале. Фанерная дверь была внизу вся в следах, как будто её регулярно колотили ногами. По всему было видно, что замок меняли несколько раз. Несколько раз нажал он на допотопный звонок, прежде чем дверь открыли. Перед ним

оказалась пьяная женщина неопределённого возраста в засаленном халате. Редкие седеющие волосы были всклокочены. Около неё, держась за её коленку, стоял мальчуган лет трёх-четырёх. Из глубины квартиры доносились пьяные мужские голоса.

«Вам кого?» – спросила она, еле ворочая языком. Услышав свою фамилию, имя и отчество, женщина подтвердила, что это она и сказала: «А вы кто?»

Григорий посмотрел на неё и ласково сказал: «Здравствуй, мама! Я твой сын, от которого ты отказалась двадцать пять лет тому назад».

Женщина посмотрела на него, силясь пошире открыть глаза, как будто пыталась узнать. Потом усилием воли женщина произнесла: «Сынок! Дай пятачку!»

Григорий полез за портмоне и достал оттуда пятьсот рублей. Женщина выхватила деньги и истошным голосом позвала: «Ванька!» В коридоре появился пацан лет десяти. На нём были рваные брюки и выдававшая виды лямпа футболька. Женщина вручила ему деньги и сказала: «Дуй к Маньке в сельпо, возьми два пол-литра и закусь какую-нибудь. На остаток купи два чупа-чупса себе и брату. Пошевеливайся! А тебе, мил человек, спасибо, и ступай с миром!»

Вернувшись домой, Григорий несколько дней был сам не свой. Накануне дня рождения Валентины, он сообщил своей приёмной семье, что снял квартиру и будет жить отдельно. Он объяснил, что нашёл свою мать и собирается помогать ей и братьям материально. А им должно быть стыдно, что они столько лет скрывали от него правду.

В день рождения Валентину увезли с сердечным приступом в больницу. Врач сказал Анатолию, что перед смертью она сказала только одну фразу: «За что?»

Букет ландышей

Из всего многообразия цветов Ирина отдавала предпочтение ландышам, хотя были они совсем неброскими, да и вяли быстро. Её знакомые мужчины знали об этом, но дарили ей в сезон ландышей почему-то гвоздики и розы. Наверное, потому что за ландышами нужно было ехать в лес (они расцветали накануне её именин), а гвоздики и розы можно было без труда купить в любом цветочном магазине. А может, ещё и потому, что ни один из её знакомых не любил Ирину настолько, чтобы сделать хоть на один день счастливой.

А ей, как и всякой нормальной женщине, хотелось любви и взаимопонимания. Но Ирина никогда не показывала этого, особенно в институте. Ирина Владимировна или Иринка (как звали её студенты) каждый день меняла кофточки, придумывала макияжи, чтобы придать своему внешнему облику одной лишь ей свойственный шарм. Она всегда улыбалась и казалась счастливее других преподавателей. И никому в деканате даже в голову не приходило сделать ей удобное расписание. «Молодая, незамужняя... Зачем ей ставить часы подряд?! Это для семейных, а она поработает каждый день и в первую, и во вторую смены», – решили они. Ирина безропотно подчинялась, хотя заняты у неё были все пять вечеров подряд. Она по-прежнему улыбалась, но улыбка получалась какая-то грустная: на душе скребли кошки, потому что личную жизнь в промежутке между первой и второй сменой не устроишь!

И лишь одно её согревало и не давало поменять работу – её студенты. Когда занятия заканчивались поздно, Борька, Иринин любимчик, провожал её до дома, так как жила она недалеко. Медленно шли они по ночной Москве, разговаривая на все темы, начиная от бытовых и заканчивая философскими. Порой спорили до хрипоты, и Ирина так расслаблялась, словно сама была студенткой. Эти вечерние прогулки стали частью её жизни. Она боялась даже самой себе признаться в том, что они спасали её от мыслей об одиночестве.

В ней с детства жило не реализованное пока материнство. Ира всегда старалась обласкать, утешить мужчину так, как это сделала бы мать, а не подруга. А большинству мужчин было нужно как раз второе. Но Ирина, к сожалению, ничего не могла с собой поделать.

Борька оказался единственным представителем мужского пола, которому хотелось именно этого. Вероятно, потому что он был моложе её лет на восемь, старшей сестры у него не было, а родители уделяли внимание только друг другу.

И казалось смешным до слёз, что Ирине часто не хватало этого прокуренного насквозь Борьки. Особенно почувствовала она это, когда попала в больницу, как раз накануне подготовки к курсовым экзаменам. Из больницы Ирина позвонила в деканат, где ей сказали: «Милочка, и как это вас угораздило заболеть в самый ответственный момент?! Ну, ладно! Выздоровливайте!»

Но до выздоровления было ещё далеко. Болезнь оказалась серьёзнее, чем Ирина предполагала. Операцию назначили на 25 мая (за день до Ирининых именин). Длилась она часа два. Потом Иру привезли в палату, где она проспала до вечера, а вечером после укола Ирина вновь уснула – теперь уже до утра.

День её именин выдался яркий, солнечный. И лишь только она открыла глаза, как увидела лучик солнца, отражающийся в баночке из-под майонеза, в которой стоял букетик ландышей. «Кто ко мне приходил?» – спросила она соседок по палате. «Да какой-то паренёк лохматый прорвался сюда в белом халате ещё до обхода. Мы хотели его выгнать, а он только сказал: “Я на минутку. Поставьте букет в воду – я за этими ландышами вчера в лес ездил. Будет жаль, если завянут. Красивые!”»

ПОЭЗИЯ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Евгений ХАВАНОВ

Да будет наше перо...

Ложится на лист перо.
К мысли является вставка,
А с ней – небольшое ПРО –
К мудрому слову приставка.
Пройдёт ли сюда – не пройдёт?
Три буквы, зато горячие.
В них как-то наоборот
Всё сущее переворачивается.
Любовнице шефа нахал
Настырно шептал про доху.
Но вовремя шеф покарал
Того подхалима-пройдоху.
Своё кто-то прячет нутро –
Как ангел добра и мира.
Но мы-то же знаем про,
Какой он стервец и проныра.
Иносказаньем и в лоб
Оттуда поёт русофоб –
Чтоб что-нибудь в нас прорвать,
Готов часами проврать
Без фактов и без гарантий.
Как верить его пропаганде?
Даёте вы недругам отповедь.
Но не забудьте про ПРО.
Ценнее, наверное, проповедь
Нести и сеять добро.

Знал я немало светских
Мышлением просоветских
Про нас и про наше знамя.
Я знал, что они с нами.
Какой же сегодня взгляд
У наших знакомых ребят?
Мысли отнюдь не узкие –
Пронаши они, прорусские.
И в Киеве знал когда-то –
Серьёзные, размашистые и
Прекрасные были ребята,
А главное – в доску свои.
Но слышу оттуда гуляку,
Его опохмельную блажь
«Мосляку, – орёт, – на голяку!»
Да, этот уже не наш.
Такие – не чище, не глаже,
И вовсе не столь мелки,
Кто они нам? Не наши,
Хоть, может, ещё не враги.
Идея раскрылась вроде б.
А вот и её ядро:
Не столько мы против «против»,
Мы за добро и ПРО.
Не все виражи пройдены,
Они не просты для Родины.
Да будет наше перо
Не против, а только ПРО.

«Полицай»

В нашу Вуктыльскую автобазу (ВАТБ) АТК Комигазстрой пришёл новый начальник. Он сразу не глянулся нашим водителям.

Во-первых, он резко контрастировал с ушедшим на повышение предыдущим начальником автобазы Петром Васильевичем Чеберевым.

Пётр Васильевич Чеберев, коренастый, что называется, кряжистый мужик с широкой подкупающей улыбкой на скуластом лице, в ответ на которую, ну просто нельзя было не улыбнуться, пришёл в автобазу, собрал её актив и обратился к коллективу:

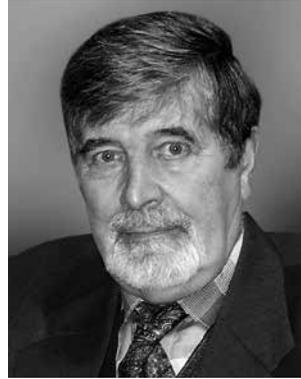
– Ребята! Я надеюсь на вашу помощь! Без неё я ничего не сделаю! Поможете – выведу автобазу в передовики! Не примите – увольсь!

Водителей подкупила такая откровенность и импонировала открытая просьба о помощи. Шофёр – человек дела, и он любит судить о людях по деловым качествам, а не по словам. А северный водитель – тем паче. И коллектив легко принял нового начальника.

Пётр Васильевич оказался «в доску своим» – в нём присутствовали такие черты, которые высоко ценятся «простым грубоватым народом», как наименовал водительскую среду известный поэт-песенник.

Чеберев был компанейским человеком. Он любил шутку и постоянно был к ней готов, любил застолья, что особенно ценилось на Крайнем Севере. Начальство из себя не корчил, был простым и доступным. Имея красивый и сильный баритон, умел и любил петь. Знал и ценил поэзию. Всё это подкупало водителей, и коллектив сдружился с Чеберевым.

Даже когда он ушёл из автобазы, коллектив хоть и не без сожаления, но с добром отпустил его, понимая, что «большому кораблю – большое плавание». Всё-таки, Пётр Васильевич уходил из начальников автобазы, над которым начальников – полная автотранспортная контора – на «вольные хлеба» экономически самостоятельного управления механизации строительства (УМР-14).

Матвей Игоревич Тукалевский – родился в 1941 г. Окончил три курса Бакинского высшего общевоинского командного училища. Учился на факультете журналистики. Ещё в армии стал сотрудничать с редакцией газеты Закавказского военного округа «Красное знамя». С тех пор – внештатный сотрудник ряда газет разного уровня от районной газеты, до газеты «Правда». Окончил Ленинградский финансовый техникум, потом Сыктывкарский университет. В 1992 г. в Москве тиражом в 10 тыс. экз. вышел первый сборник стихов и песен «Вуктыльские кедры». С 2007 г. пишет прозу. Готовится к изданию сборник прозы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

УМР-14 была родственная контора – свой брат механизатор! И все понимали, что эта должность – на ступеньку выше – и желательна, и интересна уходящему. Понимали, что и материально, и морально Пётр Васильевич выигрывает, и желали ему удачи на новом поприще...

Во-вторых, пришедший на смену Чебереву новый начальник ВАТБ был даже внешне антиподом старому. Невысокий сутулый человек, невзрачный и неприветливый, будто наглухо застёгнутый в футляр. Его лицо, обезображенное следами былых ожогов, тоже было каким-то застывшим в недовольной и насупленной гримасе. Подстать его виду был и его голос, высокий, натянутый до писклявости тенорок.

Короче, новый начальник, сразу не глянулся шофёрскому народу.

Да он и не пытался никому понравиться. Его представил коллективу заместитель начальника АТК по производству Андрей Васильевич Гречишников:

– Вот вам, товарищи, новый начальник автобазы – Николай Прокопьевич Найдено! Прошу любить и, как говорится, жаловать! Может, будут у кого вопросы к Николаю Прокопьевичу?! – спросил Гречишников.

Но собрание молчало. И в этом молчании многоопытный заместитель по производству уловил и недружелюбие, и неприветливость. Он что-то хотел сказать, потом раздумал вступить в дебаты с водительским языкастым народом, как-то недовольно крякнул и, присаживаясь на своё место, сказал:

– Может быть, Николай Прокопьевич, вы что-то хотите сказать коллективу? Так сказать, познакомиться с коллективом...

Новый начальник автобазы поднялся, глянул куда-то над головами сидящих в зале водителей и просипел своим надтреснутым голосом:

– А чего говорить... Работать надо, а не болтать... а знакомство... Будем работать – познакомимся в работе...

...Мне неоднократно и доброжелательно пеняли мои читатели на мои «лирические отступления» в повествовании. Что, де, они отвлекают читающего от основной мысли повествования, что их бы надо сократить, если не убрать совсем. И я, Бог свидетель, пытался изменить свою манеру повествования, но, видимо, мне не дано её изменить, как нам не дано изменить другую свою данность – цвет глаз или цвет волос...

Вот как, например, мне вести читателя далее в моём повествовании, если я ему не поясню некоторые особенности взаимоотношений в водительском коллективе. Да к тому же работающем на Крайнем Севере среди необозримых болот и таёжных пространств Республики Коми?! Да к тому же работающем на Всесоюзной ударной добровольческой стройке.

Я полагаю, что читающий эти строки, если он не имел опыта работы в подобных местах и условиях, никак не сумеет понять то, что я описываю. Не проникнется той степенью человеческих взаимоотношений, которые существовали в местах, столь удалённых от цивилизации, как наш Вуктыл – посёлок газодобытчиков и строителей газопровода «Сияние Севера».

На Крайнем Севере существуют свои неписанные законы. В этом суровом краю, который удивительно точно назвал Джек Лондон «страной белого безмолвия», высоко ценится тепло. Всякое тепло. И, в первую очередь, самый дорогой вид тепла – сердечное. В этих суровых краях самой надёжной защитой от жестокостей природы всегда являлась взаимовыручка. А на взаимовыручку готов человек сердечный, не эгоист и не скряга. Поэтому коллектив очень настроенно принимал человека, у которого в характере были замечены

такие огрехи. Коллектив долго присматривался к такому человеку и, если эти проявления подтверждались, то он безжалостно отторгался. Это была как бы предупредительная выбраковка. Коллектив избавлялся от «слабого звена», не дожидаясь, когда оно, это слабое звено, подведёт и платой станет за это чья-то человеческая жизнь.

Ещё важная особенность таких мест – отсутствие или, как минимум, низкая степень социального расслоения северного общества. Здесь на равных в компании и начальник, и бывший ЗК. И молодой, и старый. Да и начальники, если они хотели сработаться с коллективом, старались ничем не выделяться из общего числа. Ходили в той же одежде, ели в той же столовой и ту же пищу, что и рабочие. Их кабинеты были РАБОЧИМИ и размещались в полевых вагончиках. И секретарши у них либо вовсе отсутствовали, либо были для работы, а не для других менее достойных дел...

Впрочем, я говорю о тех временах, когда на Вуктыле все были молоды. Как всегда, в новоосваиваемых местах. Это потом с цивилизацией приходили и тонконогие секретарши – бонусы к креслу, и приёмные, и ковровые дорожки в кабинете, и прочая дребедень, которая вовсе не нужна толковому производственнику, какого бы он ранга ни был...

...Первые же шаги нового начальника почувствовали все и сразу. Он, не задаваясь проблемами дипломатии, повёл наступление по всем фронтам сразу.

Например, он убрал немедленно всех «подснежников».

«Подснежники» – это было изобретение социалистического производства, замордованного излишним нормированием. Когда штатное расписание составлялось не в интересах этого самого производства, которое и платило зарплаты всем, а жёстко регламентировалось какими-то нормативами, которые вырабатывали какие-то чиновники, далёкие от этого производства и его нужд, как Луна от Земли.

Поэтому производственники, обложенные этими нормативами, как медведь в берлоге охотниками, вынуждены были изощряться и проявлять находчивость и смекалку.

Надо работника одной специальности, а его в штатном расписании конторские «клопы» не предусмотрели. Как вывернуться? Выбрать путь убеждения этих «клопов» – жизнь положишь, и дела не сделаешь. Проще оформить нужного специалиста, проведя его как специалиста по той профессии, которая есть в штате. Конечно, были при этом и злоупотребления, когда проводился «подснежником» не нужный позарез производству специалист, а чья-то жена по благу оформлялась туда, где её видели только два раза в месяц; в день полочки и в день зарплаты.

Вот таких сверхштатных работников наш мудрый и острый на словцо народ и называл «подснежники».

Найденко никого не увольнял. Он просто предложил однажды всем «подснежникам» выйти на свои рабочие места, где они числились по штатному расписанию. Так он лишился, например, секретарши, которая даже не стала выяснять, где у неё фактически рабочее место по штатному расписанию, куда она должна явиться, а просто сняла свои «шпильки», собрала с секретарского своего стола свои вещи и ушла.

Зато на складе появился новый кладовщик, и склад заработал в две смены. А в новопостроенном общежитии автобазы, где жили холостые работники, в

основном из числа условников¹ и где в выходные и праздничные дни в общежитии стоял дым коромыслом, начальник посадил круглосуточных дежурных, как-то сумев выбить из непробиваемого ОТиЗ на это три рабочие ставки, что приравнивалось к героическим свершениям!

Контингент общежития часто напивался и ещё чаще дебоширил. Из-за этого все потуги руководства и актива автобазы создать уют в общежитии сводились на нет, и места в общежитии не хотели занимать толковые холостяки, ибо там ни отдохнуть после работы, ни выспаться после тяжелого рейса было невозможно.

Новый начальник, крутой на расправу, сумел и здесь навести порядок. Несколько человек из числа условников, не сумевшие принять новый порядок и порядок вообще, были возвращены в лагерь за колючую проволоку. В общежитии появилась комната отдыха, ковровые дорожки и... тишина. А за стеклянной перегородкой круглосуточно сидела дежурная и следила за порядком и пропускным режимом. У неё на столе стоял телефон, связывающий её и со спецкомендатурой, призванной следить за условниками, и с поселковой милицией.

А порядки в автобазе всё менялись. Теперь нельзя было шофёру прийти на склад и просто забрать нужную запчасть. Восстановился необходимый порядок, когда надо было сначала обратиться к механику гаража, тот уточнял необходимость выдачи детали, потом выписывал требование на склад, которое надо было подписать у технорука автобазы, и только потом склад выдавал запчасть.

Этот порядок сразу же повысил ответственность всех звеньев техработников за расходование запасных частей, да и приструнил водителей, которые раньше при «вольной вольнице» не затрудняли себя ремонтом и наладкой забарахлившего агрегата. А зачем, когда легко можно было получить новый?!

Водители, немного покапризничали, дескать, надо теперь терять время, чтобы «пройти по кругу» для получения запчасти, дескать, технорук не всегда бывает на месте – круг его обязанностей предполагал и его отлучки из автобазы – и приходилось сидеть и ждать его появления. Найденко был не упрям, если дело касалось облегчения жизни водителей. Он разрешил выдавать запчасти со склада без предварительной подписи технорука.

И теперь технорук был вынужден сидеть после работы по часу-полтора, разбираясь и подписывая принесённые завскладом требования. Конечно, он тоже, вероятно, бурчал из-за этого «нового порядка». Но Найденко в дилемме затруднить работу техноруку или водителю был на стороне последнего.

Кроме этого, порядок в учёте повлёк за собой экономию расхода запчастей и расходных материалов, что ощутимо отразилось на прибыльности работы автобазы. И когда техперсонал стал получать солидные премии к тарифу, про которые все давно и думать забыли, в механики потянулись добрые специалисты, и все вакансии были немедленно заняты.

Главный вклад в производственный план автобазы делал пресловутый «тонно-километр», то есть, выработка всего автопарка машин. Это был основной показатель работы автобазы.

¹ Условники – (жаргонизм) граждане, либо осуждённые судом на условные сроки наказания, либо условно освобождённые судом до окончания срока наказания.

Машинный парк автобазы состоял из автомашин разного калибра. От маленьких грузовиков на шасси ГАЗ-69 с грузоподъемностью всего в 800 кг, до 12-ти тонных большегрузных самосвалов КРАЗ-256, на которых сидели самые неудачливые водители. Неудачливые потому что, чтобы выработать план на этих огромных машинах, надо было изрядно покрутить баранку размером с тазик. А работа в карьере не шла ни в какое сравнение с работой «личного шофёра», каким являлись водители небольших автомашин. Им хоть и писали «тонно-километры» перевезённых мифических грузов, но возили они фактически начальников участков или прорабов, которым личное авто не полагалось по штату, но которым надо было поспевать на все свои подотчётные рабочие участки, разбросанные по тайге на километры.

Наиболее удачливые водители, схватив за хвост конъюнктуру, крутили руль юркого и лёгкого бортового УАЗика, за смену вдоволь и начитавшись книг, и наспавшись в ожидании своего «седока», при этом принося в закрома производственного плана автобазы мизер, а зарплату получая в конце месяца, которая была недоступна даже трудяге КРАЗисту.

Новый начальник назвал эти машины «жоповозами» и добился их перевода на почасовую оплату. Это ударило по заработку «кучеров» этих «персональных авто», и они пополнили ряды недовольных новым начальником, но было с молчаливым одобрением встречено среди водительского состава автобазы как наведённая справедливость.

То есть, у начальника появились, если не первые сторонники, то, во всяком случае, первые воздержавшиеся в стане недовольных.

Понравилась и запомнилась фраза, брошенная начальником: «Самый большой вклад в план дают КРАЗы. Работа на этих машинах нелегка. Газетку не считаешь в ожидании погрузки. И неправильно, что КРАЗисты получают меньше чем “кучера”. Это мы поменяем...»

Появились и первые сторонники нововведений из среды заказчиков. Они обрадовались неимоверно – им претило каждый раз выписывать транспортные справки на мифический груз и прикидывать, на сколько лет приговора эта «туфта» потянет, если им в жизни выпадет «битая карта».

И всё-таки недовольных было ещё в избытке. Полное пренебрежение Найденко к каким-либо дипломатическим потугам, восстановило против него и актив.

А тогда работал пятый год председателем профсоюзного комитета, и мне одному из первых пришлось схватиться с начальником...

...Вот опять я вынужден отвлечься на «лирическое отступление». С тех времён прошло почти три десятка лет. Выросло и вступило в жизнь совершенно новое поколение людей, не живших при Советской власти и не представляющих себе как при «проклятых коммунистах» был защищён человек труда. В каждом коллективе были и профсоюзные, и партийные организации, которые, несмотря на все издержки и хитрости того Колосса номенклатуры, который ныне называют «административный ресурс», успешно осуществляли эту защиту.

Без согласия профсоюзного органа нельзя было уволить работника. Председатели профкомов в низовых звеньях были не штатными, а выборными работниками. И если они шли на поводу у администрации и не защищали

работяг, то они работали в лучшем случае до ближайшего отчётно-перевыборного собрания. Коллектив мог их запросто сместить и ранее.

Вот в одном из таких вопросов мы и схлестнулись с Найденко. Профсоюз настаивал, чтобы и такие вещи, как возврат в зону за провинность условников, согласовывался с профсоюзом, ибо это было де-юре увольнение работника по инициативе администрации. Найденко был авторитарный руководитель и в штыки воспринимал ограничение власти руководства, всячески противясь этому. Но, после того, как его предупредила прокуратура о недопустимости игнорирования профсоюзного органа, он смирился.

После этого столкновения отношения у нас были надолго испорчены.

Подогревал неприязнь и другой факт. Я в это время работал инженером по безопасности движения – должность, которую я принял после событий, описанных в новелле «Беда». В мои обязанности входило следить за технической исправностью транспорта, выходящего на линию. И приходилось заворачивать от ворот автомашины, не прошедшие техосмотр. Это не могло не озлоблять начальника, так как каждый оставшийся в гараже автомобиль наносил ощутимый урон плану автобазы.

Однажды после летучки в тресте, где его пропесочили за плохой выход автотранспорта, он вернулся в гараж туча тучей и зашёл ко мне в вагончик, в котором был оборудован класс переподготовки водителей по правилам дорожного движения. Зашёл набычившись, осмотрелся, сел на один из учебных столов и просипел:

– Ты как, сам уволишься, или мне тебя убрать?!

Я встал со стула, тоже сел на стол напротив начальника и ответил:

– Это невозможно!

Начальник несколько озадачился:

– Что «невозможно»?!

– Убрать меня, Николай Прокопьевич, почти невозможно... Я водку на работе не пью. С похмелья не прихожу. Обязанности свои служебные выполняю. Меня избирает единогласно весь коллектив председателем профкома уже пятый год...

И заключил, как бы подводя черту:

– Нет, Николай Прокопьевич, меня убрать вам будет не под силу.

После этого монолога начальник слез со стола и вышел на улицу, в сердцах бабахнув дверью...

Эта стычка, как ни удивительно, принесла мне первые признаки уважения к начальнику. Оттого, что он вот так прямо в лоб заявил мне, дескать, «иду на вы», а не исподтишка собирал на меня «компру». Прямота присуща прямым и честным людям.

А он был даже излишне прямой человек...

Ну кто из начальников больших и малых в те годы, когда КПСС была во всём «наш рулевой», в ответ на приглашение его на партийное собрание, мог ответить:

«А я не член партии. И мне на партсобрании нечего терять время...»

А Найденко сказал!

Вот тогда-то и полезла грязная туча слухов... О том, что Найденко сидел. Да не просто так, а за то, что при немцах он якобы был... полицаем! И что в зоне патриотически настроенные уголовники бросили его в костёр. Оттуда, де, его шрамы!..

И хоть в этой сплетне было много фальши и несуразностей, ну, допустим, про патриотизм уголовников...

И хоть возраст Найдено вызывал сомнение в том, что немцы приняли в полицаи 12-летнего пацана, слух такой прополз и по автобазе, и по посёлку, подпитываемый всеобщей стойкой антипатией, которую вызывал к себе этот, не умеющий «прогибаться под изменчивый мир», человек.

А он, казалось бы, совершенно не реагирующий на эти все шепотки и на косые взгляды окружающих, по-прежнему шёл непоколебимо к поставленной и видной пока только ему одному цели. И ему не только не было дела до шепотков за его спиной, но, казалось, он специально давал для этих шепотков пищу.

И уже некоторые, обиженные его бесцеремонностью и чисто бульдожьей хваткой, бросали ему в спину зло: «Полицай!»

А он шёл. Упрямо и неостановимо. Шёл, невзирая на обиды, на шепотки. Шёл, решая поставленную самому себе проблему. Шёл без экивоков и житейской дипломатии. Шёл, как бульдозер, сметая всё сопротивляющееся на своём пути и оставляя за собой ровную, окультуренную площадь, которую пока никто не разглядел и не оценил.

Трудностей у него хватало...

В советском строе, горячим приверженцем которого я себя считаю, и который, по моему мнению, самый справедливый, демократический и передовой, однако было, к сожалению, немало огрехов. Эти огрехи, эти заусенцы создавали люди – антиподы найденковской породе людей. Люди-лентяи. Люди-неучи. Люди-бездельники. Люди-неумёхи. А то и люди-хапуги.

Неправ тот, кто считает, что взятка типа «откат» – изобретение времён рыночной экономики. «Откат», к сожалению, цвёл махровым цветом и при Советской власти. Особенно в сфере торговли и снабжения. Правда, его масштабы были несоизмеримо скромнее, как и размеры любого воровства при Советской власти.

Приведу пример. Есть понятие «неликвиды». Это товарные ценности, которые не нужны конкретному предприятию, представляют собой его складской балласт, замороженные средства. Шепотком это слово произносилось, но признать часть полученных предприятием фондовых материалов неликвидом, значило обречь себя и на разборки с руководством вышестоящих организаций, и на массу других неприятностей, вплоть до урезания фондов.

Ведь в таком случае поднимался ряд болезненных вопросов. Кто закупил или получил для предприятия эти ненужные ему ценности? Кто спустил этому предприятию неликвидные для него фонды? Выходит, фондовый план не продуман и не полезен! Почему?

А попытки разобраться в сути этих вопросов высвечивали не только большую массу виновных, которые, сплотившись в тесные ряды «шагающих в ногу», спокойно опрокидывали навзничь возмутителя спокойствия, но, что страшнее всего, подвергали сомнению святая святых – безошибочность социалистической экономики и её столпов; плановости и нормированности фондов.

Каждому начальнику было накрепко с ВУЗа вбита аксиома – «Фондовые ценности разбазаривать нельзя!»

Поэтому, если в установленные нормативы вкралась ошибка и в автопарк попали запасные части к тракторам, которых в этом парке никогда и не было,

или на складе залежались запчасти к старым, ныне не эксплуатируемым маркам машин, то эти запчасти были обречены лежать никому не нужным грузом – неликвидом. Который можно было, пусть и с риском, но списать как-нибудь под шумок, но упаси Боже, передать это какому-нибудь предприятию, где, допустим, простаивали трактора без этих запчастей!

Это рассматривалось уже как преступление или даже больше, – как подрыв основ социалистической экономики.

Хватало и простого российского головоуятия.

Вспоминается одна из устных хохмочек того времени. Рассказывали, что однажды снабженец, посланный куда-то на богатые склады Большой Земли отовариваться для нашей Всесоюзной ударной, которой тогда ни в чём отказа в Москве не было, говорил со своим начальством из Комигазпрома. Связь была архиплохая – что не услышишь, додумаешь, и вышла «непонятка»:

Снабженец спросил начальство:

– Тут импортные ДУМПЕРА предлагают трёхтонные... Брат?

А начальству послышалось «домкраты»:

– Трёхтонные? Это хорошо! Они всегда пригодятся!

– А сколько?

– Да реши сам! Или выйди на начальника снабжения и уточни у него.

Командированный созвонился с начальником снабжения:

– Начальство велело взять ДУМПЕРов. А сколько – приказано согласовать с вами...

Начальник снабжения, более технически подкованный товарищ, уточнил:

– Что это ещё за ДУМПЕРА?!

– Да какая-то импортная техника... такая... на четырёх колёсах, похожа на наш трактор «Беларусь», только с кузовом самосвального типа и без ножа спереди...

Начальник снабжения задумался:

– А на кой нам эта техника в тайге? Какая у неё хоть проходимость?

– Да я не знаю... наверное, хорошая проходимость, так как задние колёса большие, как у «Беларуси».

Начальник снабжения задумался:

– Да пойдёт ли у нас эта импортная техника? Она, поди, только по асфальту годна ездить, – посетовал он, даже не предполагая, как он прозорлив. И добавил неуверенно: – Так, говоришь, начальство велело?

– Да. Вот только сейчас говорили...

– Ладно! Бери!

– Сколько?

– Бери с пяток на пробу!

Так в таёжном городке Вуктыл появились ДУМПЕРА – венгерская техника, такие моторизированные самоходные тележки, которые предназначались для городских жилищных предприятий типа ЖКХ. Грузоподъёмность их оказалась всего 1,5 тонны. Зато весили они три тонны. И на гигантского размаха стройке в условиях полного бездорожья, с которым не всегда справлялись даже огромные как дачный дом бульдозеры марки «Caterpillar», появились эти юркие железные этажерки.

Их долго нигде не могли приспособить, ибо на снегу они буксовали, не трогаясь с места. Да и заводить их было мукой в условиях Крайнего Севера. А летом они кое-как ещё ползали, выполняя какую-то работу, но стоило чуть намокнуть дороге, как они начинали буксовать, безуспешно пытаясь тронуться.

При таких условиях эксплуатации у них вмиг изнашивалось сцепление, а конструкция их была такова, что чтобы сменить диски сцепления, надо было этот компактный агрегат разделить на две половинки. Ремонтники поминали венгерских конструкторов этой безделицы такими словами, что те, вероятно, в своей Европе давились пищей, икая многократно...

... Незаметно подкралась очередная зима – основное время года в этих краях. Едва стала Печора и более мелкие реки, по первопутку Найденко взял с собой единственного водителя, который перешёл за ним с его старого места работы. При появлении этого водителя было поползли слухи, что Найденко за собой перетягивает своих любимчиков с прежнего места работы.

Но этот водитель был, во-первых, единственный, кто за Найденко перешёл в нашу автобазу и, во-вторых, все видели, что Найденко не дал ему новенькую машину. Этот мужик взял из «калашного ряда» «мёртвый» ЗИЛ-157 и за месяц довёл его до ума. И разговоры смолкли, как не было!

Во всём можно было обвинять наших водителей, только не в несправедливости...

Так вот, Найденко взял этого водителя с его собранным и отремонтированным ЗИЛком, подогнал авто к складу и полностью загрузил его неликвидами. Запчастями для тракторов, которых в автобазе отродясь не было, деталями автомашин, которые давно уже были сняты с конвейеров автозаводов и т.п. бесполезным для нашей автобазы хламом. Загрузил и уехал, увезя с собой весь неликвид склада.

Выяснилось позже, что он мотанулся по дальним леспромхозам Коми республики, меняя с начальниками леспромхозов и колхозов «баш-на-баш» неликвиды на нужные для автобазы запчасти. Такой обмен воспринимался леспромхозами на ура, т.к. и они имели дефицит запчастей, и они маялись всё тем же неликвидом, только наоборот.

Появился он через пару недель, подогнал ЗИЛок к складу и стал выгружать привезённые запчасти, которых ждали водители нашей автобазы.

Его водитель, заросший партизанской бородой, видать, был вымотан полностью, ибо пока его разгружали, он так крепко заснул, что его насилу добились.

Начальник же, как всегда чисто выбритый, пошёл по автобазе в обход, осмотрел все цеха, сделал несколько замечаний слесарям, собрал технорука и механиков и провёл с ними летучку. И только в конце рабочего дня, как всегда, отправился домой...

С естественно, это всё отмечалось и подмечалось коллективом. Все понимали, что одного такого «партизанского рейда» хватило бы, чтобы снять Найденко с должности, прознай об этом определённые люди. Но никто, даже те, кто шипел ему в спину – «полицай», не посмели доложить по инстанции. Самым страшным проступком на Крайнем Севере, после оставления товарища в беде на произвол судьбы, считался донос. Да и понимал весь коллектив, что на этот риск пошёл новый начальник не ради своего кармана, а ради ДЕЛА. И отношение водителей к своему «полицая» стали теплеть.

А дивные новшества продолжались...

Периодически к нам приезжали начальники из АТК разного ранга. Общим было у них только одно – чувство начальника, приехавшего к подчинённым... в отпуск. Все начальники автобазы до и после Найденко, и поили, и

кормили этих «высоких гостей», помещая их в спецвагончик, играющий роль маленькой служебной гостиницы.

Найденко этого никогда не делал. И не потому, что был скрягой. Нет. Был случай, когда он мимоходом дал денег новоприбывшему ЗК: «На, иди, купи себе рубаху, а то ходишь, как оборванец!» А потому, что он был против нахлебничества и против подхалимажа. Категорически.

И не то, чтобы эти приезжие как-то разживались на угощении из экономии. Конечно, нет. На Севере все хорошо были обеспечены. Советская власть умела щедро оплачивать добросовестный труд.

Видимо, просто каждому из этих приезжих начальников было приятно осознавать себя здесь и самым старшим начальничком, и самым почётным гостем. За щедрый приём они, как правило, расплачивались с потратившимся на их приём начальником автобазы, вслед за их отъездом в ближайшую зарплату начальника оцутимо вплеталась внеочередная премия за какие-то там достижения.

Да и принимающей стороне хотелось выказать своё хлебосольство. Северные традиции обязывали. Вот и добывалась ради такого случая запретная сёмга или хариусы. Вот и завозился со складов ОРСа ящичек водочки...

Найденко всё это обрубил.

Помню, как однажды очередной «руководящий товарищ» к концу трудового дня заговорил с Найденко:

– Ну что, Николай Прокопьевич, куда нас поместишь?

Найденко просипел своим тенорком, с видом сельского недотёпы:

– А куда же ещё? В вагончик для приезжих... Комендант уже ждёт...

Начальство потопталось и спросило:

– Надо бы чего-то поужинать... – и поскольку понял, что сколь красноречиво ни затягивай паузу, желанного ответа от нового начальника не последует, разочарованно добавило:

– Где тут у вас можно перекусить? ...

Найденко «на голубом глазу» ответил:

– Да я в общепите не питаюсь. Я дома кушаю...

И распорядился ожидающему в стороне водителю УАЗика:

– Петро! Ты возьми товарищей и отвези их... куда скажут. А потом в гостиничку.

И махнув рукой начальству, пошёл из гаража.

Поэтому Найденке никаких премий никто по приезду в АТК не выписывал. Наоборот, с него премии, предусмотренные его оплатой труда, первое время регулярно снимали. То за одно, то за другое. Видимо, доставала их прямота Найденко. Или злобились за такое «гостеприимство».

... Но с ними, с вышестоящими, но Найденко был, что называется, рискованным со всеми подряд. В том числе и с партработниками. А это уже было опасно.

Однажды я был свидетелем такого случая:

В райком ко второму секретарю, курирующему промышленность района, вызвали триумвират нашей автобазы, то есть, начальника, секретаря парторганизации и председателя месткома. Мы втроём и поехали к назначенному часу. Приехали, вошли в приёмную, доложились секретарю и получили распоряжение ждать.

Секретарь парторганизации Пётр Антонович Рак тут же нашёл дела в отделе учёта и побежал туда, попросив, чтоб его предупредили, когда будет пора. Я сел в шикарное глубокое мягкое кожаное кресло и стал проглядывать свежую газету. А Найденко нервно стал мерить шагами приёмную.

Прошло минут 10. Найденко подошёл к секретарю:

– Мы уже 10 минут ждём! – нервно заявил он секретарше.

На что она спокойно ответила:

– Подождите ещё, секретарь пока занят. Как освободится, он вас позовёт.

Прошло ещё минут 15. От Найденко «шёл пар». Он подскочил опять к секретарше и просипел, показывая на часы:

– Нас приглашали к 10:30, так? – спросил он.

Секретарь, привыкшая к покорному ожиданию вызванных, озадаченно сказала:

– Да к 10:30. Но товарищ Ешкутов ещё не освободился! Ждите!

Найденко отошёл от стола секретаря, походил по приёмной и, внезапно направился к ней:

– Слушайте, девушка! От автобазы до вас мне ехать три минуты. Когда ваш начальник будет готов нас принять, позвоните мне, и я подъеду! А терять здесь по часу рабочего времени я не могу! Я – на работе! – бросил он так, как если бы он это сказал своей секретарше, и, не дожидаясь ответа, вышел из приёмной и уехал на автобазу.

Говорят, когда дошёл этот его поступок до сведения Второго, тот расвирепел и бросился к Первому с требованием немедленно проучить наглеца. Первым секретарём Вуктыльского райкома КПСС был тогда Иван Фёдорович Кртошкин, пришедший в эту партийную должность из обкома комсомола. Он был человек и умный, и достаточно порядочный, партийная номенклатура ещё не вытравила из него Человека. Говорят, он, выслушав своего коллегу, сказал ему:

– Давай вызовем его на бюро райкома и вынесем строгий выговор с занесением в личную карточку...

– С занесением куда? – озадачился Второй. – Он же не член партии!

Кртошкин спокойно заметил:

– Вот именно! Не член партии! А как тогда его наказать? В ревтрибунал за непослушание? Или 10 лет... без права переписки?! – сыронизировал он.

Насколько я знаю, больше Найденко в райком не приглашали, и всё, что нужно было довести до его сведения, передавали через секретаря парторганизации.

А Найденко, казалось, не обращал внимания на эти мелочи. За него говорили не подарочки и приёмы начальства, а Его Величество Дело...

В парке было около тридцати большегрузных машин, о которых я писал выше. Из тридцати КРАЗ-256 на линию выходило до прихода в автобазу Найденко, в лучшем случае, половина. А половина оставалась стоять в гараже по разным причинам.

И по неисправности в связи с плохой ремонтной базой, и с отсутствием запчастей. И по недисциплинированности водительского состава, который, если хотел – вчера был День рождения – то делал себе выходной, сказавшись неисправным.

А часть машин вообще была бесхозная, растащенная водителями на запчасти и сиротливо стояла до списания в гиблом «калашном ряду». И здесь не

было ничего дивного – такие «калашные ряды» или «зверинцы», их так называли потому что, руководство пытаясь остановить растаскивание, окружало к ним доступ ограждениями.

Найденко не был кудесником. Он просто всегда имел какой-то приём и знал, что делать в определённой ситуации.

Вот и с «калашным рядом» он поступил неожиданно просто. Да так, что невольно приходит на ум изречение древних: «Всё великое – просто»! Он широко объявил по автобазе – «Каждому, кто подымет в строй автомашину из “зверинца” – дам новую с первого же прихода».

И дело сдвинулось с мёртвой точки. Новые машины приходили в автобазу с каждым зимником, а то и дважды в год; по зимнику и сплавом по Печоре, баржами. И, конечно же, каждый водитель мечтал о новом «агрегате». Новые автомашины распределялись на расширенном местном комитете с участием администрации и секретарей комсомольской и партийной организации. И споры, подчас, были такие, что небу становилось жарко.

При обсуждении кандидатур всё припоминалось кандидату и всё шло «в зачёт» – и его отношение к машине, и его вклад в план автобазы, и его выработанный стаж на предприятии. Впрочем, последний фактор был при обсуждении далеко не первый. И почти за каждую кандидатуру был такой бой, что, кандидат, побывавший на обсуждении, на всю жизнь запоминал этот «разбор полётов». Но на кандидатуры, выдвинутые Найденко, ни у кого не находилось возражений. Дело в том, что все в автобазе понимали; во-первых, какой адов труд был затрачен кандидатом, за несколько месяцев поднявшим «угробленную» машину. А, во-вторых, никто не мог не признать, что план автобазы – это святое! И что премии и бесплатные путёвки в лучшие санатории страны, грамоты и государственные награды – всё тесно увязано со степенью выполнения плана автобазой...

Так количество стоящих на приколе автомашин резко снизилось. Но Найденко искал всё новые пути к уничтожению «калашного ряда». Как-то он заглянул ко мне:

– Слушай, Игоревич! Вот вы там на комиссии ГАИ лишаете прав тех, кто попался за рулём под хмельком, – издали начал он. – Я водителя, потерявшего права за пьянку, уволить не могу, так?!

– Так, Николай Прокопьевич, – подтвердил я.

Найденко продолжал:

– Снятый за пьянку водитель ставит под забор свою машину, на которую я хорошего шофера не найду, – кому нужна автомашина только на время лишения хозяина?! Значит, он будет наездник, а не хозяин. Это вредит машине.

Он продолжал плести нить своих доводов:

– С другой стороны, этому снятому я должен платить тариф и перевести в слесаря. А с него слесарь, как с говна пуля. Так?!

– Так, Николай Прокопьевич! Но я не пойму, куда вы клоните?!

– Да как же не поймёшь! – вспыхнул начальник. Ведь так мы из него на хлебника и тунеядца делаем!

– А вы что, предложите ему премию за пьянку за рулём выписать?! – завёлся я.

– Да нет, – сразу успокоился Найденко, как будто он преследовал цель меня именно взвинтить, – наказать его, конечно, надо! Но с пользой для автобазы, для дела! Вот, например, вы схватили такого любителя выпить, и не

в сейф ГАИ его права кладёте, а в мой сейф. И я ему даю задание поднять какую-то тачку из «калашного ряда». Поднял за месяц – забирай права и езжай. Каждый будет спешить права отработать! И делу, и автобазе прямая выгода.

Его доводы были железобетонно убедительны. Я задумался:

– Ну, это надо с ГАИшником говорить. Это может решить только он!

– Вот ты и поговори с ним! Ты же у него – первый помощник! Скажи ему, что я для ГАИ автомашину выделю. Так и быть. Он давно просит...

Госавтоинспектором на Вуктыле был тогда Олег Михайлович Кузнецов. Нынешний читатель может и не поверить, будучи во власти впечатления от сегодняшних ГИБДДшников. Но Олег Михайлович, сам родом из Коми, очень походил своим характером и поведением на участкового из фильма «Хозяин тайги».

Он – автомеханик по образованию, прошедший службу в спецвойсках, отлично разбирался в технике, любил её и уважал труд водителей. Водители знали, что, Кузнецов – справедливый и честный человек. Бывали случаи, когда он приструнивал своих товарищей милиционеров, которые «качали права» перед водителем, предъявляя ему необоснованные претензии. После нескольких таких случаев, Олег заявил как-то на собрании личного состава, что он настоятельно просит не принижать авторитет милиции необоснованными требованиями, а если не будет услышан своими коллегами, то он будет вынужден подать на виновных рапорт по команде.

Олега уважали за прямоту, честность и преданность делу. И больше случаев необоснованных претензий к водителям не было. В северном маленьком посёлке секретов не бывает, и молва о принципиальности Олега разнеслась быстро. И водители глубоко заужавали госавтоинспектора и стали звать его «Начальник ГАИ». Поскольку он был единственной штатной единицей Госавтоинспекции...

А передал Олегу Михайловичу наш разговор с Найденко и его предложение и, честно говоря, ожидал возмущённого отказа.

Но Кузнецов, помолчав немного и что-то взвесив, сказал:

– А что! Найденко дело предлагает! Он мужик деловой! Только сделаем так: я права этого гаврика придержу у себя. Если он человек толковый, а другому Найденко и не поручит такое дело, то ему два-три месяца хватит на реанимацию авто из «зверинца». А если нет, то мы его вызовем и врежем по полной...

Через год после прихода Найденко из 30 КРАЗов стало выходить на линию 27-28. Причём остальные единицы не выходили только потому, что стояли на плано-предупредительном обслуживании – ППО. Это было что-то!

На ударной стройке, где прощались практически любые огрехи в работе и любые затраты – война (за план) всё спишет! – в маленьком молодом посёлке – островке среди необозримого моря тайги этот человек ввёл ППО! До приезда на Север я работал в 3-м автобусном парке Питера. И только там жёстко соблюдался график ППО!

И вдруг – в тайге! В отрезанной от основных складов и Печорой, и беспутницей, какой-то автобазе было введено и неукоснительно соблюдалось ППО!

А ведь это было очень непросто! Для этого надо было организовать две бригады ППО. Пробрить для них в ОТиЗ хозрасчётную оплату – осторожное

нововведение тех лет, предшественник хозрасчёта, которому изо всех сил сопротивлялись нормирующие органы. Это было фантастикой, по крайней мере.

И кто всю эту махину поднял?! Какой-то мужлан с дипломом техникума за плечами. Не только не коммунист, даже наоборот, человек с пятном в биографии. В райкоме сильно задумались – а правильно ли это?!

И сняли бы Найденко за милую, точнее, за непокорную и неприветливую его душу, чтобы «восстановить справедливость» – «возглавлять такие начинания должен коммунист!»

Но тут на дыбы поднялся управляющий градообразующим предприятием – трестом «Вуктылгазстрой» – Владимир Иванович Мирошниченко, который только-только спокойно вздохнул с таким выходом машин, иначе его подразделения всегда по рукам связывало плохое обеспечение автотранспортом и било по всему плану треста.

Народная молва донесла, что Владимир Иванович вспылит в райкоме:

«Да по мне будь Найденко хоть сам чёрт, но с ним я стал план выполнять и перевыполнять! И я буду его отстаивать всеми силами! То, что сделал в автобазе этот беспартийный мужик, не мог сделать ни один самый раскрепосный руководитель – коммунист! Да и кто сказал, что коммунизм должны строить одни только члены КПСС?! У Владимира Ильича Ленина на этот счёт я ничего подобного не читал! Давайте обустроим месторождение, построим газопровод и город, выполним планы партии и правительства, а потом будем разбираться, кто есть кто!»

Несмотря на то, что райком КПСС в одном отдельно взятом районе – царь и бог и воинский начальник, но и пренебречь мнением руководителя такого ранга в райкоме не могли – Владимир Иванович был в номенклатуре обкома КПСС, то есть, неподвластен райкому.

Так Найденко и уцелел...

Помнится, расцвёл у нас КВН. Стройка была молодая, строители молодые, и им по сердцу был КВН, прогремевший тогда по центральному телевидению. И в момент, когда КВН на ТВ «прикрутили фитиль», вирус весёлости и находчивости уже разлетелся по стране. А демократичность новых строек прикрутить никто не был властен...

Секретарь комитета комсомола треста Надюша Вшивкова, бойкая и заводная девчонка с симпатичным улыбчивым лицом, своей заводной скороговоркой настойчиво агитировала коллективы и сумела добиться своего – организовала состязания КВН. Выпаливая в минуту сотню слов, не давая нам передышки для возражений, она убедила и меня, и секретаря комсомольской организации автобазы Славу Карпачёва, и секретаря парторганизации, что надо заняться этим делом.

Была создана команда КВН автобазы. Общим решением её назвали «Весёлый Коленвал». Казалось, серьёзной конкуренции другим предприятиям – строительным управлениям посёлка, мы создать не могли. К Найденко с вопросом об оплате музыкального руководителя и хударука, для создания сценария и репетиций, никто даже не собирался подходить, отчётливо представляя его реакцию на предложение принять на работу «подснежников».

Бессменным и незаменимым аккомпаниатором и музыкальным руководителем стал водитель нашей автобазы чернявый чубатый красивый парень Василий Ковач из Закарпатья. У него была за плечами то ли музыкальная

школа, то ли музыкальное училище, он прекрасно играл на баяне, был невероятно талантлив и подбирал музыку мгновенно на слух.

Сценаристом и режиссёром стал автор этих строк, что давалось нелегко, ибо перекричать на репетиции наших горластых мужиков было трудно, и я мгновенно охрип.

К Найденко всё-таки пришлось мне подойти по вопросу пошива костюмов для членов команды. Костюмы шили все команды, да такие, что глаз не оторвать. И по этому вопросу наша команда, тоже безвозвратно проигрывала.

Начальник меня выслушал и недовольно ответил:

– Я не вижу связи команды, как ты говоришь? КВН? с производством. Команда КВН у меня на балансе не стоит. Как я могу на неё такие деньги затратить?!

А, когда я пошёл, понурившись к двери, он меня остановил негромко:

– Слушай! Я могу вам выдать рабочие комбинезоны. Новые!

И, видя моё разочарованное и недовольное лицо, сказал, как бы убеждая:

– А что?! Команда ведь не от цирка или театра, а от рабочей автобазы! И комбинезон – это рабочая форма. Вот и выступайте в своей рабочей форме!

Неожиданно эта идея выиграла. Наши парни, стройные и подтянутые, все в одинаковых комбинезончиках, приукрашенных талантливыми руками нашего автобазовского художника, смотрелись весьма неплохо. Художником-маляром в нашей автобазе была жена одного из водителей – Татьяна Бородкина – художник с высшим образованием. Она изобрела нам нашу фирменную эмблему, трафаретом сделала всем нашивки с этой эмблемой. Ну, а дальше сработала шофёрская выучка и выправка.

Одно скажу, что состязания КВН сильно затронули Николая Прокопьевича. Он присутствовал на всех наших выступлениях, неожиданно азартно болел за команду и ей способствовал чем мог. Например, во время нашего выступления он всегда выделял дежурить две машины. На выездные задания и так, на всякий случай. Наверное, впервые не возражал против непроизводительного разбазаривания средств и моторесурсов.

А после того, как мы стали чемпионами, положив на лопатки всех наших противников, он как-то зашёл ко мне в мой вагончик-класс:

– Слушай! Вот ты, Матвей Игоревич, просил пошить команде КВН форму, – начал он издали. – Так вот, я тут подумал, надо вам сшить водительскую форму. Форма смотрится отлично; коричневого цвета костюмы. Опять же фуражки с нашей водительской эмблемой. Я в Ухте на автобуснике видел...

– Да я знаю эту форму, Николай Прокопьевич! Я её носил в Ленинграде! У нас её автобусникам с 50% скидкой шили! – загорелся я.

– Вот и я говорю, – продолжил начальник автобазы, – пригласим закройщика, пусть снимет с вас со всех мерки, и пошьём вам вашу рабочую форму! Из самого лучшего сукна! Заслужили! Скидка, как ты говоришь? 50%? – он хитро прищурился, – я выбью в АТК, а ты, – он помолчал, что-то обдумывая, – выбей ещё 50% из своего объединённого профкома! И подарим ребятам форму. Премируем... за хорошую работу. У профкома денег хватает. От взносов. Пусть хоть часть их пойдёт на дело! – ворчливо закончил Найденко...

С той поры наш «Весёлый Коленвал» выступал в форменной водительской одежде.

Время шло, и мы узнавали нашего начальника всё больше. Уже никто даже в сердцах не называл его «полицаем». Уважение к этому трудоголику, в основе жизни которого был самоотверженный труд... Да нет! Не так! Эти пафосные слова никак к Николаю Прокопьевичу не подходили. Просто труд был его сущностью. Его питательной средой. Его жизнью. И это его качество, вкупе с его неприязнью ко всякого рода карьеризму, чиновничеству, тунеядству и прочим изъясам человеческим, не могло не подкупать простой, пусть грубоватый, но справедливый водительский народ.

Но долгое время при этом я считал его в быту всё-таки ограниченным, зашоренным и недалёким. Мне его трудно было представить философствующим на высокие темы. Или сидящим в зале консерватории на симфоническом концерте. Но неожиданно и это моё мнение о его ограниченности рассыпалось в прах.

Однажды наша делегация от автобазы на отчётно-перевыборное собрание вышестоящего профсоюзного комитета зависла в Ухте из-за нелётной погоды. В то время, о котором я повествую, в наш Вуктыл летал только работяга АН-2. Это великолепное творение авиационной мысли было уникально простым 12-ти местным самолётиком. Надёжным, как садовая тачка. Но с одним огрехом – он мог летать только в ведро. Так как летел по привязке к земным ориентирам. А для этого лётчикам нужно было видеть под собой землю. И сильный дождь, туман или снегопад немедленно отменяли полёты для этих трудяг.

Мы любили эти кратковременные командировки – душа у водителя, как у путешественника, любит движение и частую смену декораций. Но вынужденное сидение в ожидании лётной погоды надоедало смертельно.

Вот так мы однажды сидели все шесть человек, набившись в один трёхместный номер, и лениво потягивали доброе бутылочное пиво, которое на наш Вуктыл привозили редко, да и то в бочках, да и то размороженным. Занимались кто чем мог и хотел. Кто смотрел телевизор – на Вуктыле у нас ещё устойчивого сигнала не было. Телевизиончики ещё только тянули по тайге сеть своих вышек. И, несмотря на то, что телик был в каждой вуктыльской семье, смотрели мы передачи через раз. Тогда, когда небо способствовало теле-видимости. Например, из «Семнадцати мгновений весны» – суперфильма того времени, редко кто сумел увидеть более пяти этих самых «Мгновений».

Володя Позырев – колоритнейшая фигура автобазы и «прима» КВН команды, лежал на кровати и играл в шахматы на двух досках «вслепую». И тут раздался стук в дверь, и зашёл Найденко. Все как-то привычно подтянулись. Даже генетический анархист Позырев привстал и тут же, постеснявшись своего движения, развязно предложил начальнику автобазы:

– Николай Прокопьевич! Пивка?

– Да, нет, Володя, спасибо, – просипел тот своим натужным тенорком. – Я просто посижу немного у вас тут... скучно одному-то...

И таким непознанным и незнакомым Найденко повеяло от этих слов, что ребята зашевелились и стали наперебой предлагать:

– Может, чаю, Николай Прокопьевич?!

– Садитесь вот в кресло, поближе к телику!

А Володя, верный себе и берущий реванш за своё прошлое замешательство, по-свойски предложил:

– А может, водочки, Николай Прокопьевич?

Найденко глянул на Володю из-под своих кустистых бровей, полоснул его своим пронизательным взглядом и, очевидно поняв, что это не подвох, к которым он был всегда готов, а жест водительского гостеприимства, произнёс:

– Да я Володя, не пью... ты ведь это знаешь...

– Не пьют только язвенники и трезвенники, – привычно пошутил Володя и, заканчивая партию в шахматы сказал своему партнёру:

– Ферзь b7. Мат!

И спросил Найденко с хитрецей в голосе:

– Николай Прокопьевич! Может, партийку в шахматы?!

И осел, услышав ответ:

– Давай, Володя! Говорят, ты сильный шахматист?!

Позырев замаялся, не без удовольствия приняв комплимент, и подтянул было стул к Найденку. Но тот неожиданно сказал:

– Да ты не вставай, не вставай! Лежи, раз тебе так удобно! – совсем добил Позырева. – И шахматы не расставляй! Сыграем по-твоему – вслепую.

Все наострили уши. Мало того, что, шахматы, как им казалось, не должны были быть любимой игрой строгого начальника, так ещё, оказывается, он может составить конкуренцию признанному шахматному королю автобазы Володе Позыреву в игре по памяти!?

Так они и играли. Найденко в кресле у телевизора, глядя в экран, а Володя, лёжа на кровати и глядя в потолок.

Сражались они до эндшпиля. Победил Володя. Но с трудом, как это можно было видеть.

Найденко встал:

– Ну что, мужики... Спасибо за гостеприимство! Володя! А я чего зашёл... завтра тоже обещаю нелётную. Не помог бы ты мне на центральном складе? Там Захарыч, прижимистый мужик. Ты бы его отвлек, а я бы по его заначкам ударил. А то у него, клянётся, нет кардана на УАЗ. А, по моим сведениям, он припрятал дефицит. Согласен?

Володя ответил:

– Да, запросто, Николай Прокопьевич! Если надо я его свяжу! Или на-пою! – бодро и с готовностью добавил он.

Найденко, держась за ручку двери, оглянулся на Володю и ответил:

– Да нет, Володя. Поить никого не надо. Просто он мне вчера в кабинете начальника АТК заявил: «Ничего я не занюхиваю! Что найдёшь – твоё!». Вот и надо... найти.

Он пошёл к двери и остановился:

– А водка, Позырев, она ведь только сперва приятна. А от неё потом все беды. Я вот, когда был таким как ты... молодым, да вдаль, тоже водочку любил... Она и завела...

И не окончив своей мысли, куда его и как завела водочка, вышел.

Неисповедимы пути творчества. На моём компьютере в папке «Проза в работе» висит с пяток начатых, да неоконченных новелл. И вне всякой очереди, вдруг, настойчиво попросится что-то на бумагу, и пишешь одержимо и... радостно. Днём ли, ночью ли...

Радуюсь и написанию об этом человеке – о Николае Прокопьевиче Найденко. Конечно, уровень моей одарённости, да и непостижимая сложность человеческой природы не дадут возможности обрисовать человека полностью. Тем паче, столь сложного человека, как мой герой.

Но, странное дело! Чем больше я на свете жил, тем больше оценивал его. Пока не понял, что Всевышний дал мне возможность наблюдать работу настоящего руководителя. Настоящего труженика. Настоящего хозяина.

Пожалуй, за всю мою трудовую жизнь я не видел более стоящего руководителя!

... Наши пути разошлись. Я ушёл на интересную для меня увлекательную новизной работу – создал небольшую автошколу и возглавил её. С Найденко мы расстались весьма дружески. При трудностях я обращался к нему, и он обязательно помогал. И советом, и делом.

Естественно, что я не терял связи с ребятами. Видел и радовался, как этот неудержимый Найденко сделал зимний подогрев автомашин в автобазе. Раньше они лопотали на холостом ходу всю ночь, ибо с морозом под минус тридцать утром завести автомашину было немалой проблемой. Да были случаи и похуже. Машины глохли ночью, и приходилось на них менять начисто размороженный блок цилиндров, то есть делать двигателю долговременный и дорогостоящий ремонт.

Найденко подобрал списанные газовиками трубы «тысчёрку», закрепил их по автобазе, заполучил агрегат, сжигающий газ и гонящий горячий воздух прямо в моторы машин. И все машины, как поросята к матке, притыкались на ночь к раструбам от этого обогрева и наутро заводились с пол-оборота.

Учитывая, что газ был с ближайших скважин, экономия была просто потрясающая. Десятки тысяч рублей за сезон!

Насколько я знаю, Найденко даже ста рублей премии не перепало за старания.

Правда, приезжий из АТК инженер предложил ему «оформить рацпредложение на них двоих и получить авторское вознаграждение», но начальник просипел:

– Не... не надо... мне зарплаты хватает.

Потом я перешёл работать в школу. Старшеклассников за 9 и 10 класс стал обучать профессии водителя.

Помню, в одной из групп у меня учился сын Николая Прокопьевича – Валерий Найденко. И видно было, что яблоко недалеко откатилось от яблони. Валера был весь в отца – немногословный и трудолюбивый...

Жизнь брала своё, и нам всё реже приходилось встречаться с Найденко. А потом он и вовсе исчез с моего горизонта. Оказалось, что он уехал начальником СМП¹ в Коми тайгу. Так называются коллективы, где действуют простые и понятные законы трудового содружества. Где работать могут только настоящие мужики. Люди, фанатично преданные идее «первого колышка». Не исповедующие и не принимающие «благ цивилизации». Вместе с теми грязными человеческими изъянами, которые эта самая цивилизация приносит с собой в человеческое общежитие.

Я написал Найденко в этот самый его СМП. Письмо доброе и проникновенное. Примерно через месяц получил ответ. Сдержанный и скупой на слова и чувства. Найденковский ответ.

¹ СМП – строительно-монтажный поезд. Так называются дорожные предприятия, которые строят в полной глуши новые дороги.

Потом закончилась моя добровольческая Северная эпопея, и я вернулся в Питер...

Многое из прошедшего забылось. Но невозможно забыть таких людей, как этот Человек.

И для этого не надо, как это делают в США, высекать его бюст в скале. Он высечен в самом благодарном материале – в человеческой памяти!

P.S. Я так и не смог найти в своих архивах никакой фотографии моего героя. Бросил клич среди уцелевших на сегодня друзей-ветеранов. Но этот человек не любил помпы. Увы, этот очерк так и остаётся без его фотографии.

